

Кр. Ц,
Н 121

НА
ГРАНИЦЕ
МУЖАЮТ
РАНО

Кр. Ц
4121

40-летию подвига
советских пограничников
в Великой Отечественной войне
посвящается

НА ГРАНИЦЕ МУЖАЮТ РАНО

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ
О ПОГРАНИЧНИКАХ
КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

1006632

АБОРЧЕНТ

Магаданское книжное издательство 1985

МАГАДАНСКАЯ
областная библиотека
им. А. С. Пушкина

Составители В. Г. Зиновьев, Ю. П. Корнилов

Художник Г. Н. Пилипенко

Сборник подготовлен
Магаданским областным отделением
Союза журналистов СССР

Н 1304050000—032
М—149(03)—85 2—85

К88 н-5-10335

Магаданское книжное издательство, 1985

«СТОИМ НА СТРАЖЕ ВСЕГДА, ВСЕГДА!»

**Мы стоим за необходимость
государства, а государство
предполагает границы.**

В. И. Ленин

«Есть выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!» — днем и ночью, в любую погоду звучат на заставах и кораблях эти слова. Они — как клятва на верность Родине, партии, советскому народу.

Важнейшей функцией социалистического государства считал В. И. Ленин охрану Государственной границы. Даже «...частичное открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности... в смысле проникновения в Россию, без малейшего контроля для нас ...всяческих агентов», — предостерегал вождь (Полн. собр. соч., т. 45, с. 337). В. И. Ленин убедительно сформулировал вывод о необходимости тщательной охраны границ и активной борьбы против любых попыток их нарушения. Ярким выражением ленинской мысли стал Декрет об учреждении пограничной охраны, подписанный В. И. Лениным 28 мая 1918 года. Этот день отныне отмечается всей страной как День пограничника.

Молодая Советская республика с каждым годом

набиралась сил, выдворяла со своей территории врагов. По мере изгнания за кордон разгромленных сил контрреволюции и военной интервенции создавались подразделения для охраны границы Страны Советов. В европейской части республики это произошло раньше, на Дальнем Востоке бои стихли лишь в 1923 году.

Вот уже шестьдесят лет осуществляется организованный охрана Северо-Восточной границы страны. Она никогда не была спокойной. Приступив к охране побережья, пограничный дивизион с первых же дней столкнулся с наглými действиями американских империалистов и их агентов на Крайнем Севере. Они давно зарились на Чукотский полуостров и Камчатку. Помимо грабежа природных богатств империалисты США хотели использовать этот район как плацдарм для возможных военных действий против Советской России. Так, на мысе Пузино, в бухте Эмма, пограничники обнаружили круглый медный знак с надписью: «Станция магнитного наблюдения и геодезических измерений побережья США. За справками обращаться в Вашингтон. За снятие этого знака — штраф 250 долларов или тюремное заключение».

Установка такого знака была грубейшим нарушением суверенитета молодой Республики Советов. Пограничники отправили знак в Москву, а американцев решительными действиями выдворили из района. В note Советского правительства правительству США подчеркивалось, что советский народ и впредь будет пресекать действия американской стороны, забывающей, где кончается территория их государства и начинается территория другой суверенной страны.

В 1925 году по заданию Советского правительства экипаж пограничного корабля «Воровский» ликвидировал американскую факторию на острове Ратманова, водрузив там Государственный флаг Советского Союза. Вслед за этим американцы были выдворены с острова

Врангеля и из многих других пунктов советского Северо-Востока.

То были труднейшие годы. Не хватало техники, людей. Одновременно с выполнением задач охраны границы бойцы строили в тундре и на скалистом берегу жилье, заготавливали дрова, провиант. Но никто не отступил перед страшными морозами, лютыми пургами. Приказ партии и правительства усилить охрану границы с Северо-Востока был с честью выполнен.

Люди в зеленых фуражках быстро снискали любовь и уважение местного населения. Причем не только как верные стражи рубежей Родины, но и как активные участники строительства новой социалистической жизни в приграничных районах. Они помогали организовывать колхозы, вели среди жителей большую массово-политическую и оборонную работу. А в 1930 году сто уволившихся в запас пограничников Камчатского отряда организовали на полуострове первый колхоз. Сейчас это образцовое, передовое хозяйство.

Важным событием тех лет явилось участие пограничников Чукотки и Камчатки в организации работ по спасению экипажа ледокола «Челюскин». Они осуществляли связь, готовили аэродромы, занимались эвакуацией челюскинцев из района гибели судна на материк. Газета «Известия» 1 мая 1934 года писала:

«На Чукотке есть одна великопепная сила, которая вместе с партийными и советскими органами оказала неоценимую помощь делу спасения 104 челюскинцев. Эта сила — советские пограничники!»

Большая группа пограничников Северо-Востока за организацию спасательных работ была награждена орденами и медалями.

Знаменательно, что настоящий сборник художественно-публицистических произведений выходит в год 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Подвиг пограничных застав, первыми

встретивших немецко-фашистских захватчиков, мужество и героизм, проявленные пограничниками на фронтах, служат для нынешнего поколения защитников Родины ярким примером выполнения воинского долга, служения своему народу. Преемственность поколений, верность боевым традициям проходят красной нитью через все рассказы и очерки сборника.

Авторы показывают ежедневный нелегкий труд солдат, прапорщиков и офицеров застав, подразделений Северо-Восточной границы, выполняющих задачу большой государственной важности. Думается, что книга прежде всего заинтересует нашу молодежь, которой предстоит служба в рядах Вооруженных Сил СССР.

Охрана Государственной границы играет огромную роль в решении созидательных задач социализма, в борьбе за мир и безопасность народов. Советские пограничники противопоставляют подрывной деятельности империалистических разведок высокую бдительность, умело организованное взаимодействие сил и средств, постоянную боевую готовность к отражению посягательств на священные рубежи Родины.

Не надо обладать особым политическим зрением, отмечалось на апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС, чтобы видеть, как империализм в последние годы усилил подрывную работу и координирует свои действия против социалистических стран. Это требует дальнейших поисков наиболее действенных форм и методов защиты границ.

Жесткий курс США на дальнейшее вооружение, на использование в военных целях теперь уже и космического пространства на современном этапе представляет собой главную угрозу для всего мира. Обострение международной обстановки по инициативе США, разумеется, прежде всего выражается в агрессивном устремлении по отношению к СССР. Вашингтонская администрация игнорирует предложения Со-

ветского правительства о мирных переговорах, направленных на ослабление международной напряженности, сокращение ядерного вооружения. Одновременно военные круги США пытаются добиться дальнейшего углубления конфликта, не гнушаясь никакими средствами. По указаниям ЦРУ совершаются провокации в области экономического, научного, культурного сотрудничества. За прошедшие годы совершено немало прямых недружественных актов США против СССР в сопредельном районе на нашей Северо-Восточной границе. Это единственное место, где граничат две наши державы, остается постоянным объектом подрывной деятельности противника.

Особенно большой размах в последнее время приняли идеологические диверсии. При этом деятельность империалистических разведок и различных идеологических центров становится все более ухищренной и коварной, совершенствуются ее формы и методы. Вот почему закономерным сегодня является дальнейшее усиление партийного влияния на все стороны жизни и деятельности пограничных войск. Коммунистическая партия, осуществляя руководство войсками КГБ, вырабатывает и проводит в жизнь научно обоснованную политику, направленную на повышение эффективности мер по охране и защите священных рубежей, организует партийно-политическую работу, рассматривая ее как важнейшее условие обеспечения высокой бдительности и мастерства пограничников.

Уместно вспомнить слова члена Политбюро ЦК КПСС, председателя Комитета государственной безопасности СССР, депутата Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР В. М. Чебрикова, сказанные им на встрече с избирателями города Владивостока в феврале нынешнего года: «Наши мирные инициативы охватывают важнейшие проблемы международной безопасности. Они направлены на оздоровление обстанов-

ки в различных районах мира, в том числе и на Дальнем Востоке. Советский Союз за то, чтобы Дальний Восток, как и другие регионы, не был ареной напряженности и гонки вооружений, а стал районом мира и взаимовыгодного равноправного сотрудничества всех стран, всех народов».

Сборник еще раз убедительно показывает, что в условиях противоборства с агрессивными силами империализма главную и решающую роль в охране границы выполняют люди. Герои книги — образованные, отлично владеющие оружием и боевой техникой, воспитанные на боевых и чекистских традициях воины. Они обладают высокой политической бдительностью, морально-психологической подготовкой.

Авторы подчеркивают, что пограничные войска — это любимое детище многонационального советского народа. Они представляют собой единую боевую семью, пронизанную духом братства, связанную узами дружбы и войскового товарищества.

Из года в год растут и совершенствуются связи пограничников с населением приграничья. Это закономерный процесс. Возрастание роли народных масс в обеспечении безопасности страны, в охране Государственной границы — характерная черта социалистического общества, получившая законодательное закрепление в Конституции нашей страны и Законе «О Государственной границе СССР». Сегодня, как никогда, твердо звучат слова: «Границу Родины охраняет весь советский народ». С каждым днем повышается активность рабочих, колхозников и интеллигенции приграничья, оказывающих неоценимую помощь пограничникам в обеспечении неприкосновенности наших священных рубежей.

Пограничники Северо-Востока страны живут по законам, которые им диктует нынешнее неспокойное время. На границе возможны любые, самые непре-

двиденные ситуации, которые потребуют мастерства, мужества, решительности. На заставах, кораблях, в подразделениях в полной мере осознают всю ответственность перед Родиной за надежную охрану ее Государственной границы, свято следуя ленинским заветам, ратными успехами отвечая на постоянную заботу партии и правительства. Такой вывод сделает каждый, кто прочтет этот сборник.

*В. ИВАНОВ,
генерал-лейтенант,
начальник Политического управления
пограничных войск КГБ СССР,
кандидат исторических наук*

**ПОД
БОЕВЫМ
КРАСНЫМ
ЗНАМЕНЕМ**

Юрий Корнилов

ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЫ

Граница... В самом этом слове заложена настороженная тишина, постоянное напряженное внимание. А если это граница северная — то в нем ощущается холодное дыхание льдов, слышится вой полярных ветров и вьюг, видятся сполохи северных сияний многомесячной арктической ночи.

Дорого дались границы нашей необъятной страны советскому народу, многие тысячи километров политы кровью рабочих и крестьянских парней в зеленых погонах...

Дальневосточная граница никогда не оставалась спокойной — вспомним ли мы годы образования первых пограничных комендатур, оглянемся ли во вчерашний, еще не ставший историей день. Первая комендатура, первые пограничные заставы на Охотоморье... Лишь в наши дни тщательные поиски краеведов, журналистов позволили раскрыть героические события тех лет на побережье Охотского моря, которые прошли под боевым Красным знаменем пограничников.

Последнее отречье контрреволюционных сил на Дальнем Востоке было ликвидировано летом 1923 года. Охотско-Аянская военная экспедиция под руководством кавалера четырех орденов Красного Знамени С. С. Вострецова уничтожила на Охотском побережье белогвардейский отряд генерала Пепеляева. Гражданская война

закончилась, а выстрелы на Охотоморье не затихали — огрызались засевающие в тайге остатки белобандитов, искавших возможность сбежать на судах сопредельных государств за кордон.

28 сентября 1924 года из Владивостока в Охотск пришел пароход «Олег». Он доставил отдельный дивизион войск ОГПУ для борьбы с внутренней контрреволюцией и для охраны побережья от внешних врагов. Прибывшие сто двадцать бойцов и стали первыми пограничниками Охотского побережья. А вскоре на берегу выросло здание первой пограничной комендатуры.

Большие, сложные задачи с первого же дня выпали на долю охотских пограничников. И, надо отметить, справлялись с ними бойцы достойно. Они быстро отбили охоту американским промышленникам к незаконной добыче золота на советской территории, дали решительный отпор японским браконьерам, пытавшимся промыслять лосося в чужих водах, заходить в устья советских рек. Пограничники являлись и главной защитой мирного населения от бандитских шаек, пока еще скрывавшихся в тайге. Одновременно бойцы пограничной комендатуры несли местному коренному населению грамоту, прививали культуру, помогали разобраться в различных житейских вопросах. Огромный вклад пограничников в экономическое, социальное, культурное развитие Охотского региона можно видеть на примере деятельности начальников комендатуры в Охотске Н. А. Карпинского и К. И. Ракутина. Их судьбы во многом типичны для командиров пограничных подразделений, организовавших в те годы охрану Северо-Восточной границы молодой Республики Советов.

Николай Антонович Карпинский — сын политического ссыльного, вырос в Сибири. Четвертый ребенок в семье, он рано начал трудовую жизнь. Работа на прииске дала ему классовую закалку. Гибель отца (он был убит ножом в спину прямо в кабинете управляю-

щего прииском) способствовала быстрому политическому созреванию. Он рано понял, чьи интересы защищает полиция, государственный аппарат царской России, и активно включился в подпольную работу. От ареста и преследований ему приходилось скрываться в различных городах Российского государства. Империалистическая война застала его на Дальнем Востоке. И на фронте молодой сибиряк продолжал пропагандистскую работу — агитировал за большевиков, за прекращение бессмысленной войны. Официально Н. А. Карпинский стал членом партии большевиков в 1919 году, когда имел за плечами изрядный опыт партизанской войны. Вместе с партизанами очищал он от белогвардейцев и японских интервентов Дальний Восток, здесь же остался работать заведующим уездным отделом ОГПУ. Однако самые большие испытания ожидали его впереди.

В октябре 1925 года Н. А. Карпинский ступил с палубы сторожевого корабля «Красный вымпел» на берег Охотского моря. Многие удивило его здесь — пустынная, без признаков растительности галечная коса, на которой раскинулся старинный Охотск; суровые, даже по сравнению с сибирскими, зимы; огромная территория, которую надо было контролировать немногочисленному подразделению пограничников. Однако новый начальник пограничной комендатуры не смутился — принялся за дело. У бойцов начались учения, тренировки, укреплялась материальная база комендатуры, появилась разработанная методика дозоров — одним словом, охрана побережья стала производиться в организационном порядке. Поднялся боевой дух и авторитет пограничников в глазах местного населения.

А через некоторое время Хабаровский крайисполком назначил Н. А. Карпинского одновременно и председателем Охотского уездного ревкома. Помимо задач по охране границы и борьбы с остатками

белогвардейцев на начальника комендатуры легли новые, сложные и ответственные обязанности — ему пришлось организовывать кооперативные артели и снабжение местных жителей необходимыми товарами, восстанавливать разрушенные промышленные объекты и налаживать добрые отношения с кочевниками — агитировать их на переход к оседлому образу жизни. В качестве председателя избирательной комиссии Н. А. Карпинскому весной 1926 года на собачьей упряжке пришлось объехать Охотское побережье от Аяна до Олы — проводить подготовку к первым выборам в районный Совет депутатов трудящихся. Лучшей агитацией за Советы была успешная работа начальника погранкомендатуры — созданные товарищества по выпасу оленей, охоте и рыбной ловле, действующая школа-семилетка, проводимые в селах Арка и Иня торговые ярмарки... Выборы прошли успешно, а Н. А. Карпинский был избран председателем райисполкома. Местное население с восторгом восприняло новость, потому что Н. А. Карпинский пользовался у кочевников необычайным уважением. Высокий авторитет имели каждое указание, каждая бумага, исходящие от «русского начальника». В частности, около сорока лет хранился среди бумаг и пожитков старшины всех эвенских родов Охотского побережья любопытный документ, обнаруженный случайно в 1965 году в таежном лабазе. Это обращение, принятое совместным совещанием старост эвенских родов побережья и уездного ревкома к кочевникам. Из рук в руки передавался, прежде чем быть сохраненным в лабазе, листок с текстом: «Пусть прозвучит призывный клич по всей охотской тайге и поднимет всех до одного бедных туземцев и поставит их под Красный стяг Октябрьской революции, чтобы об их сплоченные ряды разбились в прах все атаки темных сил врагов революции».

Силы контрреволюции сопротивлялись уверенному наступлению

1926 год. Среди членов Охотского РИКа в нижнем ряду — председатель райисполкома Н. А. Карпинский. Над его левым плечом К. И. Ракутин. Их именами сегодня названы улицы Охотска

Советской власти на Северо-Восток. В мае 1927 года Н. А. Карпинский готовился к поездке в Хабаровск, чтобы рассказать о прошедших в районе двух съездах Советов, о только что завершившемся съезде оперуполномоченных. Солнечным днем он решил отдохнуть,

Дом с мемориальной табличкой — в нем жил первый председатель Охотского РИКа Н. А. Карпинский

и на охоте его тяжело ранила бандитская пуля. Совсем немного не дополз он по снегу до дома...

Ход истории невозможно повернуть вспять. Бок о бок с Н. А. Карпинским трудился новый начальник пограничной комендатуры — Константин Иванович Ракутин. Он продолжил дело свое-

1006632 МАГАДАНСКАЯ областная библиотека им. А. С. Пушкина

Пограничник Сергей Новиков — организатор и вожак первой комсомольской ячейки в Охотске

го предшественника. Тяжелая потеря сплотила население района, еще более ожесточила пограничников в борьбе против контрреволюции, заставила еще бдительнее нести охрану побережья.

К. И. Ракутин встретил Великую Октябрьскую революцию в Нижнем Новгороде. В рядах Красной Армии прошел он от Волги до Дальнего Востока, за храбрость получил именно оружие от В. К. Блюхера. При штурме Волочаевки вступил в члены РКП(б). После освобождения Приамурья здесь же и остался служить. В Охотск прибыл осенью 1926 года — с этого времени пограничники охраняли границу на территории от Аяна до нынешнего Магадана уже под командованием Ракутина. Нелегким испытанием встретил охотская земля двадцатилетнего начальника комендатуры. В тайге подняли мятеж остатки бандитских банд, к ним присоединился вытесненный из Якутии отряд контрреволюционера Винокурова-Индигирского. Бандитам удалось захватить несколько населенных пунктов, они нацелили удар на Охотск. Пограничники под руководством К. И. Ракутина действовали четко, без малейшей растерянности. Объединившись с отрядом самообороны, сформированным из коммунистов и комсомольцев Охотска, а также наиболее сознательных рабочих приисков, они выступили навстречу врагу. После стремительного удара бандиты были рассеяны, главарь захвачен и доставлен в районный центр, где понес заслуженное наказание.

В трагические дни мая 1927 года К. И. Ракутин принял полномочия руководителя райисполкома. Около двух лет он оставался начальником пограничной комендатуры и председателем райисполкома одновременно. Нелегко трудиться с полной отдачей на двух столь важных и ответственных постах. Однако боевая закалка К. И. Ракутина, высокое классовое самосознание и присущая всем советским пограничникам добросовестность помогли ему успешно

справляться с делами. Газета «Тихоокеанская звезда» писала 7 ноября 1927 года о его отчете перед населением района:

«Доклад делал молодой тов. зампредрика в форме пограничника. Перед ним лежали бумаги и стоял традиционный стакан воды. Среди слушателей были рабочие промыслов, рыбаки — крестьяне и туземцы... Начав с того, что постановил 2-й Охотский съезд Советов, докладчик рассказал о состоянии хозяйства района, о снабжении жителей, о рыбе, золоте и работе среди туземцев. Он говорил о повышении цен (закупочных) и тут же доказывал, что туземцы советизируются, что, когда председатель РИКа приехал для доклада в отдаленный туземный район, его пришли послушать не только оседлые туземцы, но и кочевники из тайги. Пришел целый кочующий род».

Тут же в газете публикуется выступление старого эвена на этом отчете:

«Карпинский и Ракутин, весь РИК работали хорошо. В нашу пользу. Всегда расспрашивали нас: как живется, как работается? Мы многое слышали, многое знаем, верим этим словам, живем хорошо и спокойно. Раньше мы жили в горах... было глухо, холодно и темно».

Деятельность К. И. Ракутина, как и его предшественника Н. А. Карпинского, способствовала радикальным переменам в жизни местного населения. Жители Охотского побережья воочию убедились в преимуществах новой жизни, в достоинствах социалистического строя. Без преувеличения можно сказать: руками коллективов пограничных комендатур, и их начальников прежде всего, строилась на Охотоморье Советская власть. И все это одновременно с постоянной, последовательной работой по укреплению границы и совершенствованию ее охраны.

Героической была дальнейшая судьба начальника Охотской пограничной комендатуры К. И. Ракутина.

В 1931 году он закончил Высшую пограничную школу и стал в этом же учебном заведении преподавателем тактики. С 1933 года — начальник учебной части Петергофской пограншколы и одновременно проходит заочное обучение в Военной академии имени Фрунзе. В 1938 году он назначен в Белорусский военный округ, при его непосредственном участии проходило освобождение западных районов Белоруссии и Украины. В 1939 году доброволец К. И. Ракутин отличился при штурме пресловутой линии Маннергейма в боях с белофиннами. В 1940 году в звании генерал-майора он назначен начальником пограничных войск в Прибалтике.

Как и все пограничники, К. И. Ракутин встретил весть о нападении гитлеровской Германии на боевом посту. Уже в начале Великой Отечественной войны ему вручена награда — орден Красной Звезды. В августе сорок первого сорокалетний генерал принял командование 24-й армией. Вот как пишет о встрече с ним в книге «Воспоминания и размышления» Г. К. Жуков:

«В штабе 24-й армии нас встретил командарм Ракутин и командующие родами войск. К. И. Ракутина я раньше не знал. Докладывая дислокацию, он произвел на меня хорошее впечатление... Рано утром следующего дня вместе с К. И. Ракутиным мы выехали в район Ельни для личной рекогносцировки. В это время там шел огненный бой с противником. После обсуждения обстановки с командармами частей мы убедились, что немецкие войска здесь хорошо организовали оборону и, видимо, будут драться крепко. На переднем крае обороны и в ее глубине противник закопал в землю танки, штурмовые и артиллерийские орудия и тем самым превратил Ельнинский выступ в своеобразный укрепленный район».

Под командованием К. И. Ракутина 24-я армия остановила натиск гитлеровских войск, сама перешла в контрнаступление и взяла Ельню. Это было одно из первых и мощных контрнаступлений наших войск в начальный период второй мировой войны. За эту операцию командующий армией был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Погиб К. И. Ракутин в бою под Москвой в октябре 1941 года.

В самые трудные годы становления Советской власти, восстановления от разрухи, коллективизации сельского хозяйства Родина привлекала к службе на далеких окраинах своих лучших сынов. На их плечи, как правило, ложились одновременно важнейшие задачи по охране границы и по укреплению Советской власти в данном районе. Деятельность Охотской пограничной комендатуры, ее начальников Н. А. Карпинского и К. И. Ракутина характерна для всех пограничных подразделений Северо-Востока. На Охотском побережье, на берегах Берингова пролива и Северного Ледовитого океана — повсюду пограничники несли местному населению свет новой жизни, везде служили защитниками их коренных интересов. Вполне объяснимым закономерным является тот факт, что именно пограничников выдвигали эвены, эвенки, орочи и другие представители народностей Крайнего Севера выразителями их чаяний и воли в главный орган Советской власти — Советы депутатов трудящихся. И люди, прошедшие трудную, ответственную школу пограничной службы, на каких бы постах впоследствии ни трудились, везде оставались скромными, добросовестными, честными.

Традиции, заложенные Н. А. Карпинским и К. И. Ракутиным, развиваются. Сегодня на Охотском побережье их продолжает новое поколение советских пограничников. Забыты собачьи упряжки, давно исчезли с лица земли следы белобандитов.... Однако из-за океана

Обелиск над местом захоронения Н. А. Карпинского и красноармейцев, участвовавших в освобождении Охотска в 1923 году

по-прежнему доносятся голоса недругов Страны Советов, продолжают провокации и прямые попытки нарушить неприкосновенность советских границ. Нынешние пограничники, безусловно, намного грамотнее бойцов из тех, ставших легендарными, далеких 20-х годов. Они больше знают, отлично владеют боевой техникой, о которой прежние поколения и не мечтали. Одним словом, сейчас охрана Северо-Восточной границы организована значительно надежней в силу возросшего арсенала технических, научных и огневых средств. И политической зрелости, классовому подходу к действительности, самоотверженности и партийности в боевой службе, в работе нынешнее поколение бойцов пограничных войск учится у старших товарищей. У тех, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны, давал отпор японским милитаристам у озера Хасан. Кто организовывал первые пограничные заставы на советском Северо-Востоке.

Виталий Шенталинский

КОНЕЦ НОВОЙ КОЛУМБИИ

Остров Врангеля. Осколок древней Берингии. Крайний форпост нашей страны на Северо-Востоке. Здесь, на крутом берегу, обращенном к проливу Лонга, высится мачта с Государственным флагом СССР, поднятым военными моряками в 1924 году...

То было трудное и героическое время. Воспользовавшись тем, что в Советской России полыхало пламя гражданской войны, иностранные оккупанты высадились на острове. В ответ на это Советское правительство дало морякам-пограничникам задание — во что бы то ни стало достичь острова и доказать неприкосновенность наших государственных границ. Руководил этой экспедицией замечательный мореплаватель и ученый, гидрограф Борис Владимирович Давыдов.

В очерке рассказывается о событиях 1924 года на острове Врангеля. Автору удалось разыскать некоторых участников легендарного ледового похода, собрать в архивах сведения о судьбе Б. В. Давыдова. А несколько лет назад были обнаружены дневники этого человека, повествующие о его полярных плаваниях. Автор использовал также появившиеся в последнее время за рубежом публикации, которые проливают свет на историю борьбы Канады и США за остров Врангеля и содержат факты и подробности, ранее нам не известные.

ТЕЛЕГРАММА

Ограждение вод Амурского лимана уже заканчивалось, когда Давыдова вдруг вызвали во Владивосток к командующему флотом В. В. Селитренникову.

— Очень ждем вас, Борис Владимирович, — обрадовался командующий, когда Давыдов явился к нему. — Получена срочная телеграмма из Москвы. Мы должны снарядить Особую гидрографическую экспедицию. Куда бы вы думали? На остров Врангеля!

Он взял со стола папиросу, окутал себя облаком дыма и, подойдя к стене, привычным жестом отдернул штору перед картой.

— Уже третий год иностранцы хозяйничают на острове и не думают оттуда убираться. Дипломатические переговоры пока ни к чему не привели. Так вот, надо доказать, что мы в состоянии охранять свои государственные границы. Экспедиция должна подтвердить наши права на остров и поднять там советский флаг. Вы, Борис Владимирович, единственный человек, которому можно поручить это дело.

— На чем идти? — спросил Давыдов.

— На «Надежном».

— «Надежный»? — Давыдов поперхнулся. — Вы серьезно, товарищ командующий? Да это же брандвахта! Он и строился специально для работы в порту. Запаса угля у него на восемь дней. Восемь дней, и Ледовитый океан! Нет, «Надежный» не годится!

— Это единственное ледокольное судно, которое у нас есть, послать больше нечего, — сказал командующий и, видя, что Давыдов все еще сомневается, предложил: — Давайте встретимся завтра. Подумайте, взвесьте все. Учтите только, если иностранцы в этом году еще раз высадутся на остров, отстоять его будет куда трудней. Дальревком обещает всех поднять на ноги, сделать все возможное для этого. Потому что идти на остров необходимо. Необходимо!

Уже около своего дома Давыдов с удивлением обнаружил, что он, собственно, решил — плыть или не плыть. Сейчас все казалось возможным. Если нажать, Дальзавод отремонтирует судно ударным

темпом, а уголь для бункеровки в пути можно заранее забросить в Петропавловск и бухту Провидения.

На следующий день он дал согласие возглавить экспедицию.

ИЗ «РОДОСЛОВНОЙ» ДАЛЕКОГО ОСТРОВА

«Первое сведение о существовании найденной земли было сообщено образованному миру лейтенантом русского флота Фердинандом Врангелем... Я назвал ее Врангелевой землею, желая принести должную дань этому человеку».

Американский китобой Томас Лонг, 1867 год.

КАПИТАН

Быть капитаном — это не профессия, это судьба.

Сколько Борис Давыдов помнил себя, столько он помнил и море. Он родился 9 июля 1883 года на Васильевском острове Петербурга в семье штурмана дальнего плавания.

Мать (отца тогда уже не было в живых) определила двенадцатилетнего Бориса в Морской кадетский корпус — «колыбель флота», из стен которого за двести лет существования вышли едва ли не все лучшие русские мореходы.

В мае 1901 года Борис Давыдов окончил корпус. Ему было присвоено звание мичмана и вручена Нахимовская премия, которой награждались выпускники, проявившие особую одаренность. И скоро простился с родными: минный заградитель «Амур», куда его назна-

чили служить, отправился в далекое плавание в Порт-Артур на укрепление Тихоокеанской эскадры.

А потом была война с японцами. Давыдов пережил всю осаду Порт-Артура будучи старшим штурманом сначала на «Амуре», потом на крейсере «Паллада». Вместе с командиром «Амура», капитаном второго ранга Ивановым, молодой офицер составил дерзкий план минных заграждений и поставил их под самым носом у вражеской эскадры. В результате были потоплены два броненосца противника. Операции «Амура» вошли славной страницей в историю русского флота, они были едва ли не единственным успешным действием наших моряков в этой войне.

Когда генералы-предатели сдали Порт-Артур, Давыдов, как и другие патриотически настроенные офицеры, чтобы разделить участь своих матросов, добровольно пошел в плен к японцам. Заглянув смерти в глаза, он возненавидел войну. Научившись убивать, понял — это не его специальность. Воевал он храбро, получил несколько орденов, но не мечтал стать адмиралом. Его тянуло другое... «Как нужна флоту,— думал он,— настоящая подробная научная опись морей и побережий, в особенности дальневосточных! Мы вышли к Тихому океану более двух с половиной веков назад, а до сих пор не имеем ни хороших современных карт, ни надежных лоций...»

Кончилась война, пленных отправили в Россию. Давыдов снова в Петербурге — он слушатель гидрографического отделения Морской академии. Два года напряженной работы. Книжки, приборы, лекции. Еще два года в Пулковке — практические занятия по астрономии и геодезии. Здесь Давыдов провел свое первое научное исследование — разработал новый метод определения долгот по азимутам Луны, который давал возможность морякам более легко и точно узнать свое местонахождение при плавании в высоких широтах Арк-

тики. Почему в Арктике? Ближайшее будущее Давыдова уже определилось: он был включен в состав готовящейся с большим размахом Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана.

Весной 1910 года Борис Владимирович простился с молодой женой и отправился во Владивосток, где снаряжалась его экспедиция. Вскоре после прибытия с Балтики специально построенных для полярного плавания ледоколов «Таймыр» и «Вайгач» Давыдова вызвал начальник экспедиции И. С. Сергеев.

— Поздравляю, старший лейтенант,— сказал он, выслушав рапорт,— вы назначаетесь командиром «Таймыра». Имейте в виду, я подниму свой брейд-вымпел на вашем корабле. Так что не ждите покоя.

Три года подряд Давыдов выходил Беринговым проливом в арктические моря. Далеким прошлым казались и Петербург, и война, и сам он — прежний. Был капитанский мостик, была каюта и в ней груда записей, вычислений, таблиц — материалы к лоции от мыса Дежнева до устья Колымы, которую он готовил. Как раз тогда был поднят русский национальный флаг на острове Врангеля. Моряки «Вайгача», высадившись там, установили первый астрономический пункт, провели серию магнитных и геодезических наблюдений.

Вместе с Давыдовым в экспедиции участвовала блестящая плеяда талантливых офицеров-гидрографов: Неупокоев, Брусиллов, Жохов, Лавров. По-разному сложились потом их судьбы: имена одних навсегда вошли в историю отечественной гидрографии, другие не успели сказать свое слово в науке — жизнь их рано оборвалась. Для самого же Давыдова эти плавания — только начало его исследовательской работы. Но как раз в них заложил он фундамент своих знаний о северо-восточных морях, как раз в это время сложился и как ученый, и как мореплаватель, и как личность.

В год своего тридцатилетия Давыдов стал начальником Гидрографической экспедиции Восточного океана и снова ушел в плавание.

Когда во Владивостоке были созданы Советы, Давыдов, как все офицеры, снял погоны. Но скоро к власти вернулись белые, и погоны опять появились на мундирах, не успев потускнеть. Один Давыдов явился в Морское собрание без них.

— Где же ваши золотые звездочки, господин полковник? — язвительно спросил кто-то.

— Милый человек, — ответил Давыдов, — я не мальчик. Если я снял погоны, то не для того, чтобы нацепить их через неделю...

В это время к нему зачастили иностранцы с разными «заманчивыми» предложениями:

— Господин Давыдов, мы уважаем ваши патриотические чувства, но сейчас, чтобы сохранить жизнь, вам лучше уехать. Ваши знания... поверьте, у нас их ценят не меньше. Мы предоставим вам идеальные условия...

— Я лучше буду с русским мужиком землю пахать, чем кормиться на ваше золото! — ответил Давыдов.

Несмотря на постоянные угрозы интервентов, недостаток средств и личного состава, отсутствие всякой связи с гидрографическим центром в Петрограде, экспедиция не прерывала работ. Только в 1921 году, когда во Владивостоке произошел очередной контрреволюционный переворот, Давыдов не вышел в плавание. В этих условиях важно было сохранить хотя бы имущество экспедиции и, главное, результаты многолетних исследований. Оккупанты маршировали по улицам города, а он с немногими сотрудниками продолжал работать: составлялись новейшие карты исследованных мест, дописывалась лоция Охотского моря. На глазах у Давыдова белые захва-

Б. В. Давыдов после возвращения с острова Врангеля

тили и угнали судно экспедиции — транспорт «Охотск». Протестовать было бесполезно: обозленные поражением белогвардейцы могли свести последние счета с бывшим царским полковником, которому оказалось не по дороге с ними.

После твердого установления Советской власти в Приморье Давыдов был назначен начальником Управления по безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке. А вскоре вышла в свет его «Люция побережий Охотского моря и восточного берега Камчатки». Этот главный труд Давыдова, в который он вложил все свои знания и опыт, открывал новую эпоху в исследовании дальневосточных морей.

В начале лета 1924 года Давыдов руководил установкой навигационного ограждения в Амурском лимане. И вот — новое назначение!

Лозунгом тех дней во Владивостоке был: «Даешь красный Врангель!» В аварийной спешке готовили экспедицию. Сколько раз опускались руки, сколько раз казалось, что все рухнет и что будущее плавание — безнадежная авантюра! Совершенно необходимую в Арктике теплую одежду, например, купили в Харбине и доставили на борт за несколько часов до отправления, в последнюю минуту грузили квашеную капусту — чуть не остались без этого нехитрого угощения. Да и был ли вообще в истории случай, чтобы полярное плавание готовилось какой-нибудь месяц? Американцы, прослышав о походе, объявили по радио, что это безумство — посылать людей в Арктику на таком маленьком корабле, предвещали морякам верную гибель...

В составе экспедиции насчитывалось восемьдесят человек, в основном это были краснофлотцы-пограничники комсомольского набора — «от сохи и станка», а также несколько бывалых партийцев,

отличившихся в боях с контрреволюцией. Отправлялись вместе с Давыдовым и его давние сослуживцы по экспедиции Восточного океана — гидрографы Ивановский, Григайтис и Чеботнягин. Комиссаром был назначен М. А. Доминиковский, помощником Давыдова — Г. Д. Красинский, командиром экспедиционного судна — Е. М. Войков.

20 июля порт был украшен флагами расцветивания. На корабль прибыл командующий флотом, он объявил приказ о походе и пожелал команде удачи. Прогремел «Интернационал», канонерская лодка «Красный Октябрь» (так теперь назывался «Надежный») отдала швартовы. От острова ее отделяли три тысячи миль пути.

С ТОЙ СТОРОНЫ

Двумя днями раньше «Красного Октября» из Номы (США) устремилась к острову Врангеля быстроходная американская шхуна «Герман». До цели плавания ей предстояло пройти 650 миль.

Капитан шхуны, опытный арктический мореход Лэн, не сомневался в успехе: власти Аляски уже знали о подготовке советской экспедиции и сделали все, чтобы опередить ее. Перед отходом Карл Ломэн, устроитель плавания, не скупился на обещания, но требовал: остров — любой ценой! По такому случаю втайне даже был нарушен сухой закон и провозглашен тост:

— За Новую Колумбию!

ОСТРОВ

Давыдов отправился в плавание больным — был сильно простужен. Но во Владивостоке болеть было некогда, а в море — тем более. Чтобы успокоить жену, он пишет с дороги, из Петропавловска-Камчатского: «Я пока что, слава богу, совершенно здоров, кашляю

много меньше, думаю, что этому способствовал чистый морской воздух. Я так и вижу тебя, родная моя, как ты говоришь «воображаю!», но, право, это так... Что-то готовит нам судьба? Торопимся здорово. Все сведения до сих пор благоприятны, можно думать, что льда будет мало...»

Тут Борис Владимирович тоже явно лукавит: предварительные сообщения говорили о том, что условия плавания в Ледовитом океане будут очень тяжелыми.

10 августа «Красный Октябрь» миновал Берингов пролив. Необычно встретило его Чукотское море. Холодный желток солнца скатывался по гладкой голубизне и разлетался на тысячи брызг за кормой, не было ни ветерка, ни дымки на горизонте, ни единого облучка. То и дело всплывали из воды глянцевиые бугры китов.

В бухте Провидения моряки загрузили максимальное количество угля: до отказа наполнили трюмы, даже на палубе устроили выгородки — каждая лишняя тонна топлива могла решить исход плавания. На корабль были взяты трое чукчей с собачьими упряжками для санных поездок и на случай зимовки. Нагруженное сверх ватерлинии, с огромной закопченной трубой судно представляло собой странное зрелище. На палубе, среди штабелей досок и ящиков, скулили и грызлись собаки, узкие проходы были черны от угольной пыли, а на корме, поверх связок каната, громоздились нарты и спали чукчи, положив головы на спасательные круги.

По чистой воде корабль шел недолго. Вскоре первая льдина ударила в обшивку. По мере движения корабля лед становился все гуще, пока не покрыл почти всю водную площадь. Лед этот был настолько сжат течением и встречным ветром, что судно остановилось. Пробираясь к острову в таких условиях было бы только пустой тратой угля — моряки решили ждать перемены ветра.

Давыдов записал в дневнике: «Во время лавирования во льду надо было пройти узкую перемычку между очень крупными и толстыми обломками поля справа и годовой крепкой льдиной слева. Проход был по ширине близок к ширине судна. Подходили малым ходом, заблаговременно застопорив машину. Сперва коснулись надводным бортом снежного края поля, которое отбросило корабль влево на льдину; от нее вновь отскочили вправо и ударились на этот раз довольно крепко... В результате несколько вмяли шпангоут у жилой палубы, согнув его, на протяжении ближайших трех шпангоутов борт гофрирован, один продольный шов немного разошелся... Удар пришелся в надводную часть; это в свою очередь вызвано тем, что мы очень загружены, благодаря чему у нас ледяной пояс весь под водой, то есть много ниже нормы. Чтобы хоть несколько увеличить дифферент на корму, перегружаем уголь из носового трюма в ямы, это все, что можно сделать».

Так и не дождавшись попутного ветра, корабль развернулся на обратный курс и, с трудом выбравшись из ледового мешка, пошел вдоль кромки на северо-восток. Невдалеке от маленького островка Геральда, расположенного в сорока милях от Врангеля, он снова уперся в тяжелый ледовый барьер.

Давыдов совещался на мостике со своими помощниками Доминиковским и Красинским. Все сходились на том, что отступить нельзя.

— В случае неудачи мы должны высадиться хотя бы на Геральде и оставить там партию,— предложил Красинский,— зимой по льду эта партия переберется на Врангель.

— Не будем забегать вперед,— покачал головой Давыдов,— попробуем пробиться.

Стоял густой туман. Разреженный лед сменился крупными мно-

голетными полями, скоро вся поверхность моря побелела. Громадные, выше палубы, торосы надвигались на судно, скрежеща о борта. При работе машин под всеми тремя котлами, при открытом почти на аварийное давление котельном регуляторе корабль то и дело оттаивался, а потом, слегка отступив, снова прорубался на несколько метров вперед. Повалил снег, он накрыл снасти и палубу толстым слоем, словно стараясь вдавить судно в воду, сравнить его с твердым панцирем льда. Корабль казался призраком в этой мертвой пустыне, минута — и он навеки застынет в тисках льда.

На вторые сутки этого отчаянного поединка туман впереди потемнел, лед стал реже и глазам моряков открылись черные отвесные скалы острова Врангеля.

На траверзе бухты Роджерса отдали якорь. Пустынню и хмуро было на берегу. Спустили две шлюпки и сразу приступили к установке мачты для флага. Землю взрывали патронами, основание мачты обложили кирпичами и залили цементом; сверху на ней был укреплен железный красный лист с вырезанными буквами «СССР». Специально для торжественной церемонии сшили и второй флаг из ткани.

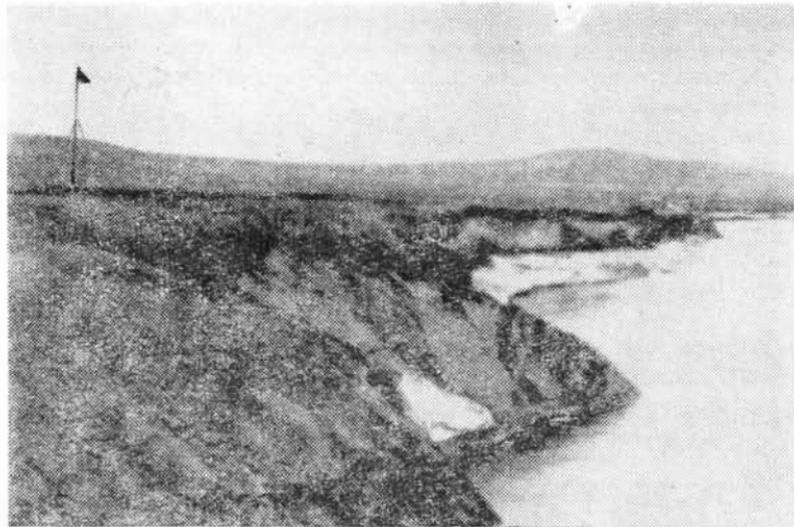
Следующим утром экипаж корабля построился у мачты.

Раздалась команда: «На караул!»

Моряки взяли винтовки на руку и сняли фуражки.

20 августа в 12 часов над островом Врангеля был поднят Государственный флаг СССР. Прогремел тоекратный салют.

В тот же день, обследуя остров, корабль вошел в бухту Сомнительную. На берегу виднелись избушки и палатки, а между ними — развешанные медвежьи шкуры. Людей не было, моряки нашли только записку, в которой сообщалось, что островитяне ушли в западном направлении.

Государственный флаг, поднятый советскими моряками-пограничниками на острове Врангеля в 1924 году

— Ничего в лагере не трогать! — распорядился Давыдов.— Возвращаемся на судно.

Едва шлюпка причалила к борту, вахтенный заметил на берегу столб дыма. Показалась байдара, в ней можно было разглядеть четырех эскимосов и человека в шляпе, с перевязанным глазом. Стоял штиль, флаг на мачте обвис, по нему трудно было угадать национальную принадлежность корабля. Байдара была уже в нескольких

саженях от борта, когда внезапный порыв ветра развернул полотнище флага. В ту же минуту гребцы резко повернули к берегу.

Приказ с корабля заставил их подойти к борту. Испуганно озираясь, поднялись островитяне по трапу, но потом, когда их провели в кают-компанию и напоили чаем, заметно повеселели. Только человек с повязкой сидел насупившись.

— Кто вы такие? — спросил Давыдов.

— Мы служащие канадской фирмы Стефансона. Моя фамилия Уэллс.

— Ваша профессия?

— В Номе я работал парикмахером, — замялся Уэллс. — Здесь охотился.

— Есть на острове еще кто-нибудь?

— Да, четыре женщины и пятеро детей.

— У вас есть какие-нибудь документы на право охоты здесь? — спросил Красинский.

— Нет, документов нет, — быстро заговорил Уэллс. — Мы заключили контракт на половинных началах. Половину добычи мы должны отдать, половину оставить себе. Стефансон обещал этим летом прислать судно, но мы понимали — такой лед...

Обменявшись несколькими фразами с Доминиковским и Красинским, Давыдов сказал:

— Да будет вам известно, господин Уэллс, что остров Врангеля всегда принадлежал России. Поэтому ваше присутствие на нем является незаконным.

— А дальше, что будет дальше?

— Не бойтесь, — улыбнулся Давыдов, — вас не расстреляют и не посадят в тюрьму. Для нас вы просто браконьеры. Куда бы вы хотели отправиться?

— В Америку, в любой американский порт. Я болен, — Уэллс показал на свою повязку. — Я в последнее время только и думал, как вернуться домой.

— Ну что ж, постараемся переправить вас туда. А все, что вы награбили на острове, вместе с орудиями охоты объявляю конфискованным*.

На всякий случай Давыдов наметил место для зимовки на острове. Застрять здесь, да еще вместе с иностранцами — перспектива была не из приятных, но куда хуже, если канонерка не пробьется к чукотскому берегу и попадет в ледовый мешок где-нибудь в проливе Лонга...

Обратный переход к чукотскому берегу, как и предполагал Давыдов, оказался не легче. Вот несколько выдержек из его дневника:

«24 августа. Условия плавания очень тяжелые: снег мешает смотреть, горизонта нет, характера очень сжатого льда подчас совсем не разобрать. В 9 часов вечера, за невозможностью идти дальше, остановились...

25 августа. Лед битый, сжат и почти без полыней; встречаются годовальные и многолетние льдины, иногда целые обломки полей до 400—500 сажений в поперечнике. Льдины подбиваются одна под другую, сплошь и рядом при нашем проходе всплывают снизу, что еще более мешает продвижению. Около половины третьего дня с большим трудом минут десять ловил высоту солнца, еле-еле проглянувшего сквозь пасмурность; управляя кораблем Евсюков (старший помощник капитана). Оторвавшись от секстана, к ужасу своему, увидел, что мы лезем в полынью между громадными льдинами,

* Американские эскимосы были отправлены из Владивостока на Аляску. Уэллсу же, по рассказам, так понравилась русская водка, что он решил навсегда остаться в России.

причем вперед хода нет. Что-либо делать было уже поздно, оставалось, войдя туда, попытаться развернуться и как-нибудь выползти. Через три с половиной часа упорной работы с заводом ледяного якоря, ходами и выталкиванием отдельных льдин удалось развернуться на 90° вправо и кое-как выйти из сжимавшего нас кольца...

26 августа. Весь этот день простояли во льду, только немного пробуя пробиться по направлению к берегу. Успеха почти нет. Вместо предполагаемых 55 миль нам удалось отойти от Врангеля только на 39 миль. Было над чем призадуматься...

27 августа. После полудня решил двинуться. Первые шаги были необычайно тяжелы; смело могу утверждать, что 95 процентов водной площади покрыто льдом. Главная неприятность заключается в том, что из-за выпавшего снега скрыты отчасти как характер самих льдин, так и маленькие полыньи между ними...

28 августа. Идем в тех же условиях...

29 августа. Увидели на льду трех людей. Видя их беспомощность, отправили к ним наших чукчей. Выяснилось, что там на льду находятся двое чукчей-мужчин и молодая девушка, провизии нет, одеты легко, один чукча нездоров. Они рассказали, что три дня назад, увидев под берегом моржа, пустились на байдаре за ним в погоню. Зашли в лед, были окружены и зажаты, пришлось выбираться на льдину... Стоим в сильно сжатом льду, почти все время густой снег, туман».

Только к 1 сентября, после того как была перенесена на корабль байдара с большим чукчей, удалось кораблю приблизиться к мысу Северному*.

«Дождались и сентября, что-то он нам даст? Просто диву даешься, до чего тяжелый и льдистый этот год. Подумать только: ведь

* Ныне мыс Шмидта.

16 сентября в 1912 году и 10—12 сентября в 1911 году мы на «Таймыре» совершенно свободно или вовсе безо льда, или в редком разбитом льду проходили мимо мыса Северного! А тут вот тебе какое дело!

3 сентября. Никаких перемен нет. Экономим уголь...

4 сентября. Утром залез на марс и осмотрел лед — полоса незыблема. Решил пробиваться к береговой полынье, сделать это необходимо, чтобы иметь безопасное место зимовки.

Лед очень сжат, покрыт снегом. Тем льдинам, которые мы добьем, некуда выходить. Кроме того, снеговая подушка и мелкий дробленый лед очень мешают. Как-то незаметно случилось, что мы здорово засели: ни назад, ни вперед. Пробовали заводить концы и разворачиваться — ничего не вышло, да и скоро стемнело. Отложили на завтра. Досадно страшно — осталось пройти какие-нибудь 150 саженей!

5 сентября. С утра завели швартовы на льдины: влево с левого борта и вправо с правого, на ледяных якорях. Давая передние и задние хода и выбирая швартовы втугую, около 10 утра начали весьма постепенно разворачиваться вправо, а к 14 часам и вовсе развернулись к выходу.

6 сентября. В 6 начали ломать перемычку. Идя назад от кромки льда для получения разбега, ударились, по-видимому, пером руля об одну из отколотых только что небольших льдин. Ударились мы так неудачно, что сорвало шкив у штуртрота, раздробив чугунную обойму, крепившую его к палубе. Вот до чего не везет — стоим и чинимся...

Мы проббили все-таки лед и вышли на чистую воду! У меня при отдаче якоря были два разных чувства: первое — глубокое удовлетворение по поводу того, что плоды наших многих усилий наконец

получены, ибо корабль, как таковой, спасен; если бы остались на прежнем месте, нас зимою, вероятно, раздавило бы напором льда. Второе переживание — это точка над *i*: мы вышли в тот небольшой прибрежный район, который со всех сторон замкнут льдом; выйти мы не сможем, следовательно, крышка захлопнута — мы зимуем.

Группа моряков съехала на берег и закупила у чукчей мясо. На судне тоже не мешкали: выключили паровое отопление, заменив его чугунными камельками, просушили и задраили котлы, разобрали механизмы главной машины, залили кингстоны. Были перестроены и утеплены жилые помещения. Корабль стал на зимовку.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

В это же время сразу три американских корабля штурмовали подходы к острову Врангеля. Одним из них была шхуна «Герман» капитана Лэна.

Первое плавание «Германа» закончилось неудачей — пришлось вернуться в Ном из-за поломки в машине. Там Лэн узнал новость: в Лондоне, на англо-советских переговорах, представитель Великобритании заявил, что его страна на остров Врангеля не претендует.

— Тем лучше,— рассудил Карл Ломэн,— теперь у нас развязаны руки. Я думаю, если мы захватим остров и поднимем флаг США, наше правительство возьмет нас под свою защиту. Но надо спешить. Кроме вас, Лэн, на остров пойдут еще два судна — «Бэр» и «Сильвер Уэйв». Осечки быть не должно.

Но напрасно пытались корабли преодолеть льды: ветры северных румбов выносили из просторов Ледовитого океана все новые паковые поля, забывая ими подходы к острову. Лэн понял, что в этом

году уже ни один корабль не сможет добраться туда. О судьбе русских оставалось только гадать.

Зарубежная пресса не замедлила откликнуться на исход плаваний.

«Нью-Йорк таймс», 18 октября 1924 года:

«Охранный крейсер «Бэр», моторные шхуны «Герман» и «Сильвер Уэйв» — три американских судна — тщетно пытались пробиться к острову Врангеля этим летом... Они не смогли справиться с арктическими ветрами...»

«Торонто дейли стар», 22 января 1925 года:

«Американское судно «Герман» не смогло достичь острова, и нежелательная конфронтация между американцами и русскими была избегнута».

«Нью-Йорк таймс», 20 октября 1924 года:

«У Англии и Америки, по-существу, нет никаких прав на этот остров; единственным государством, имеющим право на него, является СССР. Если Советское правительство колонизирует остров Врангеля, то другие государства вряд ли будут оспаривать суверенитет СССР на эту территорию».

ШТОРМ

В день, когда была спущена вода из последнего котла «Красного Октября», легкая дрожь побежала по поверхности моря; скоро она перешла в зыбь, свежий ветер заколебал льдины. Стало ясно, что в море, за полосой льда, шторм. Угля при чистой воде и отсутствии встречного ветра едва-едва могло хватить до мыса Дежнева. Шторм, конечно, разогнал льды и образовал проход вдоль побе-

режья. Берингов пролив, вероятно, тоже свободен. А если поднимется носовой ветер? Если угля не хватит? Если снова лед?

Мнения спутников Давыдова разделились: одни предлагали идти, доказывая, что десять месяцев зимовки грозят не меньшими трудностями, другие называли это предложение авантюрой, бессмысленной и преступной. Нашлись и такие, кто в случае продолжения плавания снимал с себя ответственность за исход экспедиции. Последнее слово было за Давыдовым.

До сих пор он всегда предпочитал борьбу покорности не потому, что любил рисковать, просто риск часто был самым вероятным, иногда единственным способом достичь цели. И в этот раз он колебался недолго.

За сутки моряки собрали главную машину, наполнили котлы забортной соленой водой и, обрубив якорный канат, вмержший в льдину, пошли против зыби. Ледяную перемышку миновали без труда — она качалась и трескалась от напора волн. Дальше кромка расходилась клином, в вершине которого оказалось судно.

Кто-то вспомнил о парусе, что лежал в кладовке со времени постройки корабля. Старые куски парусины залатали на скорую руку, с трудом закрепили. Ход увеличился на целую милю в час. Но парус простоял недолго: первый же сильный шквал рванул его пополам, закрутил, и вскоре от него остались только хлопающие на ветру обрывки. Шторм усиливался с каждым часом, с каждой милей пути. Разгруженный корабль слабо устойчив к боковой волне, идти приходилось только так — кратчайшим путем к проливу Беринга. Порой крен превышал 45 градусов, винт, вырываясь из воды, вращался в воздухе.

Ледяные волны перекатывались по палубе, поднимали тучи брызг, сбивали с ног. Ожили вещи, половина команды лежала нич-

ком. Пассажиры — эскимосы и чукчи, забравшись в угол кубрика, готовились к смерти. От стариков они знали, что на севере есть земля, где обитает злой дух, посылающий людям холод и смерть: проклят остров, куда занесла их нелегкая, заказан туда путь человеку. «Если ты уйдешь со своей земли на север, то никогда не вернешься назад», — говорили им старики. Они нарушили закон предков, и вот злой дух настиг их.

Вторые сутки на корабле не было горячей пищи, кончалась вода. Чтобы как-то поддержать людей, Давыдов распорядился выдать вино, и каждые два часа все, кто мог работать, шли в буфет. Перепало и Уэллсу.

— Ставлю пятьсот долларов, что нам крышка! — кричал он. Странно, что это веселило его, будто он всерьез верил в загробную жизнь.

Быстро таял уголь. Оставив в НЗ двадцать тонн, Давыдов приказал жечь имеющееся на судне дерево: доски распиливали, отправляя в топку, разобрали корпус катера, потом начали снимать внутреннюю обшивку трюмов и жилых помещений. Еще теплый шлак поливали машинным маслом и снова бросали в огонь, жгли мебель, канаты, краску, олифу, мешки с сахаром.

Центр жизни корабля давно переместился с мостика в машинное отделение. Пятерым кочегарам помогали все, кто еще держался на ногах. Обедали на ходу, поджаривая оленину прямо в топке, с трудом разжевывали обуглившееся, полусырое мясо. Пламя плясало на мокрых от пота лицах. Работали с угрюмым ожесточением, забыв о времени, теряя ощущение реальности происходящего.

На исходе третьих суток истерзанная канонерка встала в совершенной темноте у мыса Дежнева. Ветер стих, корабль заснул глубоким сном смертельно уставшего человека.

А наутро моряки увидели, что Берингов пролив забит льдом. Наступил октябрь — месяц первых сильных морозов и ураганных ветров, порог полярной ночи. Ждать было нечего — каждый час стоянки отодвигал возможность возвращения.

Сжигая последние тонны угля, корабль вошел в скопление мелких раздробленных льдин, но они были настолько сжаты течением с юга и северным ветром, что уже через милю судно застряло. Потом его медленно понесло на север...

«Никогда, кажется, не забыть этого рискованного перехода, — пишет Давыдов в отчете о плавании, — только усыпанное звездами небо несколько умеряло глубокий мрак ночи, позволяя еле-еле разбирать контуры громадных, крутых, скалистых обрывов Дежневского выступа. Тяжело движется корабль, прокладывая себе путь среди льда, отвоевывая с каждым шагом вперед свою свободу. Целые снопы искр вылетают из трубы, кружась в воздухе. Береговые обрывы порой так близки к кораблю, что, кажется, еще немного и мы задеваем за них бортом».

Миновав Берингов пролив, «Красный Октябрь» стал на якорь против поста Дежнева. Здесь моряков ожидало последнее испытание. Давыдов пишет:

«Утомленному до крайности личному составу предстояла очень важная и тяжелая работа: на воду спустили все шлюпки и срочно приступили к перевозке угля. При довольно значительном морозе, выгребая против очень свежего ветра с берега, обдаваемые все время брызгами замерзавшей тут же воды, промокнувшие до костей, промерзшие люди в течение восьми часов выполняли эту поистине каторжную работу. Приходилось удивляться, как вся эта операция прошла благополучно, как нагруженные до отказа шлюпки, быстро гонимые шквалистами, очень сильными порывами ветра, при снеж-

ной пурге, под двумя-тремя веслами, ухитрялись верно выбирать направление на судно и не были унесены в море...

На корабль погрузили всего двадцать пять тонн угля — этого должно было хватить только до залива Провидения, а взять больше — значило оставить без топлива зимовщиков на Дежневе.

Свежий северный ветер быстро гнал лед в Берингово море. Наперегонки с ним спешил и «Красный Октябрь»... Казалось, что льды эти были каким-то живым существом, поставившим себе целью во что бы то ни стало становиться поперек нашего пути».

Когда корабль вошел в бухту Провидения, на нем совсем не было пресной воды, а топлива осталось двадцать пудов — этого едва хватило бы на двадцать пять минут хода...

Через месяц весь состав экспедиции был выстроен на палубе канонерки. Комиссар Дальневосточного флота Э. И. Батис огласил Указ Советского правительства:

«За героизм и мужество, проявленные участниками экспедиции при выполнении правительственного задания в тяжелых условиях плавания на остров Врангеля, канонерская лодка «Красный Октябрь» награждается орденом Красного Знамени».

Этот орден был высшей наградой рабоче-крестьянской власти.

Вскоре после возвращения экспедиции Борис Владимирович простудился, слег. Подорвав здоровье в плавании, он не смог побороть болезнь. Ему было тогда всего сорок два года...

Незадолго до смерти Бориса Владимировича Академия наук решила ходатайствовать о переименовании острова Врангеля в остров Давыдова. Но сам он решительно воспротивился этому: одной из его заповедей была: «Никогда не менять названий на старых картах».

Где-то в мировом океане несет сейчас вахту современный океанографический корабль с его именем на бортах. Кажется, не умер капитан Борис Давыдов, а только ушел в далекое плавание. И все же самым лучшим памятником ему и его товарищам — морским пограничникам стал флаг нашего Отечества, который гордо парит на высоком берегу острова Врангеля.

Владимир Сергеев

ПЕРВЫЙ ПОГРАНИЧНИК БУХТЫ ПРОВИДЕНИЯ

Над бухтой Провидения, как всегда, висела пелена тумана. Июнь хотя и летний месяц, но склоны гор все еще белеют языками снега, холодный ветер гоняет рябь по морю, в воде которого добровольно не искупался еще ни один человек.

Шел 1928 год. Всего четыре года назад с Чукотки были изгнаны последние остатки белых банд и владельцы различных иностранных факторий. Но Советская власть крепко становилась на ноги и в этом «богом забытом» отдаленном уголке необъятной Страны Советов. И свидетельством тому были три красноармейца, сошедшие на землю бухты Провидения с борта парохода «Совет»...

Краском Трубицын пытливо огляделся вокруг. Ведь он и два приехавших с ним молодых красноармейца отныне должны были стать основателями первой пограничной заставы бухты Провидения.

Картина, представшая их взору, была не особенно впечатляющей. Склад из оцинкованного железа, принадлежавший американскому торговцу Томпсону, заброшенная церковь да полтора десятка яранг — вот и весь поселок.

Но пограничники не растерялись. Совсем немного времени понадобилось им для того, чтобы пограничный пост бухты Провидения стал действовать.

Надо сказать, что американские купцы чувствовали себя здесь этого вольготно. Они эксплуатировали местное население, грабительски относились к природе и животному миру этой богатой земли. Чукчи и эскимосы вынуждены были отдавать за обыкновенный топор 20 песцовых шкурок, винтовка стоила еще дороже. С появлением в бухте пограничного КПП положение в корне изменилось.

Американские суда, по многолетней привычке, сразу же после открытия навигации ринулись за «дармовой» добычей. И к несказанному их удивлению вместо покорных аборигенов первым на борт судна поднялся красноармеец в кожаной куртке с наганом на поясе и жестко сказал: «Пограничный наряд! Предъявите документы!»

Территория поста была очень велика, и поэтому к лету 1929 года КПП был увеличен. Теперь у краскома Ивана Трубицына было пять контролеров. Но работы не убавилось. Трубицын и его люди конфисковывают контрабанду, накладывают штраф на обнаглевших торговцев.

Оторванные от всего мира (радиосвязь в бухте Провидения появилась лишь в 1934 году), пограничники несли свою нелегкую службу бдительно и надежно.

Комсомолец Иван Трубицын был начинателем всего нового в поселке. Вместе с учительницей Катериной Сергеевой он организует конкурсы на лучшую ярангу. Смеясь и восхищенно покачивая головой, чукчи и эскимосы стараются украсить свои жилища понарядней, навести в них чистоту и порядок.

А то вдруг обежит весь поселок и пригласит и старых и малых на концерт художественной самодеятельности. И звучит тогда до-

поздна русская гармошка, звенят гитара и балалайка. А пойдет плясать командир, и словно места ему мало между горами и морем, окружившими поселок. После концерта долго еще восхищенно цокают языками старики и с симпатией смотрят на подтянутых красноармейцев молодые парни и девчата поселка.

Но если беда придет, сразу суровым становится лицо командира, и тогда он властно и решительно отдает приказы. Не раз выручали пограничники местных жителей.

Кончатся у охотников боеприпасы, идут они на КПП, зная, что Трубицын всегда поможет. Мало того: он со своими пограничниками на охоту пойдет — и тогда не слышно станет в поселке голодного плача детей, вновь зазвучат песни под низким небом.

Золотые руки у Трубицына. Бывший рабочий владивостокской электростанции Иван Матвеевич мог и мотор у лодки починить, и любую работу сделать.

Так и проходили годы службы. Привык Иван Матвеевич к суровым чукотским ветрам, к бесконечным туманам и безлесым горам.

13 февраля 1934 года неподалеку от мыса Ванкарем был затерт и раздавлен льдами пароход «Челюскин». Десятки людей оказались на краю гибели. Вся страна с волнением следила за героической эпопеей спасения челюскинцев.

А начальник КПП бухты Провидения Иван Матвеевич Трубицын не терял времени даром. В свирепую пургу поднял он весь состав поста и местных жителей. Несколько дней, не считаясь ни с какими трудностями, готовили они посадочную полосу для самолетов, ведущих эвакуацию челюскинцев. Иван Матвеевич Трубицын был награжден боевым оружием с надписью «За энергию, настойчивость и мужество в деле спасения челюскинцев. Коллегия ОГПУ».

Через семь лет после этих героических событий, в феврале

1942 года, старший лейтенант Иван Матвеевич Трубицын поднял своих бойцов в атаку. Трех фашистов уничтожил в рукопашном бою красный командир, но вражеская пуля сразила его, и упал он на белый снег в поле под Ленинградом.

Мстя за командира, бойцы яростной атакой отбросили гитлеровцев, вынесли Трубицына в тыл, перебинтовали раны, но вдохнуть жизнь в его пробитую пулей грудь уже не смогли.

Так погиб смертью героя первый пограничник бухты Провидения, красный командир Иван Матвеевич Трубицын.

**Александр Козлов,
Давид Райзман**

МАРШРУТАМИ СМЕЛЫХ

24 мая 1930 года, в день своего пятилетнего юбилея, «Комсомольская правда» опубликовала подборку материалов, объединенных заголовком: «Крепкие мышцы, зоркий глаз нужны каждому трудящемуся». Газета выдвинула предложение ввести испытание готовности трудящихся к труду и обороне: «Каждый комсомолец, каждый физкультурник, Осоавиахимовец, каждый трудящийся должен иметь элементарные навыки бойца. Каждый из нас должен уметь ходить, бегать, плавать, метко стрелять, метать гранату, лазать».

Молодежь с готовностью и энтузиазмом откликнулась на комсомольский призыв. И в числе первых были дальневосточные пограничники, которые особенно прославились своими дальними лыжными переходами.

Ярким спортивным событием тех лет явился лыжный переход магаданских пограничников-динамовцев из Нагаево в Хабаровск. Начался он в морозный день 7 ноября 1934 года, когда двенадцать пограничников 61-го морского погранотряда двинулись к берегам Амура по Охотскому побережью. Путь проходил по почти безлюд-

ным местам, охотничьими тропами и требовал большой выносливости, силы воли и мужества. Вместе с тем это был необычный лыжный переход. Его руководитель Михаил Фадеевич Пастернак писал в газете «Дальстроенец»: «Команде было поручено вести наблюдения за метеорологическими факторами побережья Охотского моря, внести коррективы в существующую (довольно неточную) карту этого побережья и ряд других научных работ. Команда займется просвещением коренного населения, ознакомлением его с последними мероприятиями Советской власти и партии».

Примечательна биография М. Ф. Пастернака. Комсомолец 20-х годов, бывший железнодорожный рабочий станции Смоленск, он закончил Ленинградское военно-фельдшерское училище и был направлен на Дальний Восток в погранвойска. Участвовал в вооруженном конфликте на КВЖД в 1929 году. Находясь в составе отряда морских пограничников Нагаево, неоднократно оказывал медицинскую помощь местному населению, рыбакам и оленеводам Охотоморья.

...Первые дни перехода выдались на редкость благоприятными: светило солнце, мороз не хватал за щеки, хорошо скользили лыжи. Но вот на третий день поднялся сильный ветер, стал падать снег. Началась пурга, длившаяся три дня. Затем снова двинулись в путь, но тонкий наст не выдерживал лыжников. Шагнешь — очутишься по пояс в снегу. Но и это не остановило отважных спортсменов.

Михаил Пастернак сообщал: «Первые итоги перехода таковы: команда, выдержав трехсуточную пургу, благополучно, в полном составе прибыла в Балаганное. За это время проведено пять бесед с жителями Тауйска. Построено 17 мостов через речки на перегоне 56-й километр, в Армани — для проезда собачьих нарт. Сделано 18 видовых фотографических снимков и ряд других работ. Первые

Нагаево. Июнь 1934 года. Вторая отрядная комсомольская конференция морских пограничников. В центре первого ряда — первый комсорг Дальстроя Тимофей Данилов

итоги позволяют сказать, что те задачи, которые возложены на команду, будут выполнены точно в срок».

В последующие дни мороз стоял за тридцать градусов, многие пообморачивались, но упорно шли вперед, и новый 1935 год встретили на реке Алдоме, а 17 января прибыли в поселок Аян.

Дальнейший путь в пятьсот километров до Чумикана погранич-

ники прошли, преодолевая в сутки по 70 километров. Такого темпа не знали многие известные спортсмены страны.

Второго февраля, на 86-е сутки пути, участники перехода увидели скованный льдом Амур. В Комсомольске их ждали, устроили торжественную встречу. На улицы строящегося города юности вышли тысячи комсомольцев. Памятной была та встреча, но график маршрута звал вперед, и нагаевские пограничники вновь стали на лыжню. До Хабаровска прошли за сутки, а это ни много ни мало — 90 километров!

Дальневосточная газета «Тихоокеанская звезда» отмечала их подвиг: «И вот они — двенадцать исследователей, двенадцать землепроходцев — стоят в общем строю бойцов. В тех же фуфайках, с винтовками за плечами, с иссеченными до белизны снегом лыжами. Их подвиг навсегда останется в памяти тех, кто видел этих людей. Это поистине чудо-богатыри».

Дальневосточным пограничникам принадлежал и ряд других выдающихся переходов в 30-х годах. Среди них: Петропавловск-Камчатский — Хабаровск, Нерчинск — Москва, Хабаровск — Москва.

«Две команды лыжников ОКДВА, — отмечал в 1935 году Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, — совершили беспримерный по дальности, климатическим условиям и характеру рельефа переход. Один из трудных сегодня, этот путь завтра в Стране Советов станет обычным не только для бойцов Красной Армии, но и для всей рабоче-крестьянской молодежи. Маршрут, составляющий одну треть окружности земного шара, пройден десятью лыжниками, бойцами Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в рекордно короткий срок. Смысл этого перехода заключается не только в том, что десять средних и младших командиров ОКДВА преодолели больше

восемь тысяч километров. Бойцы-лыжники показали рост физической подготовки Красной Армии, включающей энтузиазм и классовую сознательность. За десятью отважными лыжниками стоит вся Красная Армия, миллионы сынов нашей социалистической Родины, рожденной пролетарской революцией. С каждым годом в ряды славной и непобедимой Красной Армии приходят все лучшие из молодых сынов нашей социалистической Родины. Каждый год наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия в свою очередь возвращает заводам, фабрикам, колхозным социалистическим полям не только грамотных, дисциплинированных бойцов, но и людей политически стойких, умеющих укреплять социалистическое Отечество и, если нужно, умирать за дело нашей социалистической Родины, за дело мировой пролетарской революции... Переход лыжников Нерчинск — Москва и Хабаровск — Москва есть простой и скромный показатель нашей преданности, нашей готовности драться за неприкосновенность советских границ».

В полной мере эти слова относятся и к подвигу нагаевских пограничников.

Следующей зимой путь бойцов 61-го морпогранотряда повторили их однополчане во главе с младшим командиром К. Н. Военковым. Они доставили в Хабаровский крайисполком и крайком партии рапорты северян о развертывании стахановского движения на Охотском побережье. Под влиянием успешных дальних лыжных переходов пограничников Нагаево лыжные маршруты на Колыме становятся массовым явлением. Шли в Магадан с колымских приисков, поселков, совхозов и колхозов. Везли рапорты о строительстве Колымской автотрассы, о достижениях в коллективизации сельского хозяйства и развитии культурной революции на Севере.

В те далекие тридцатые годы пограничники играли заметную

роль в общественной жизни Охотского побережья. Как свидетельствует бывший ответственный комсомольский работник подотдела Дальстроя В. З. Пивоваров, большой комсомольский коллектив представляла организация Магаданского погранотряда. «Секретарь комитета ВЛКСМ тов. Дараев был душой коллектива. Хотя формально пограничники не подчинялись нашему политотделу, но они активно участвовали во всей жизни Дальстроя. Дислоцируясь в основном на побережье, комсомольцы-пограничники оказывали нам большую помощь в организации культурно-массовой и оборонной работы не только среди комсомольцев, но и среди всего населения пограничных поселков. Почти все свободное от несения службы время комсомольцы-пограничники посвящали работе с населением».

Владимир Малышев

ПАМЯТЬ

Алексей Кондратьевич Веркин во время войны служил пограничником: с 1937 по 1948 год находился на Северо-Восточной границе, на территории нынешней Магаданской области.

Когда мы встретились с ним в первый раз, он рассматривал старые фотографии. Неловко улыбнулся, сказал:

— Вот нашел себе подспорье. Много уже с трудом вспоминается.

Воспоминания отрывочны, как кадры из документальной кинохроники.

Год 1945-й. Охотское море.

Шесть быстроходных катеров, шесть «морских охотников» идут на боевое задание. На палубе того катера, что на полкорпуса отстал от первого, стоит пограничник Алексей Веркин. Разведка сообщила, что навстречу японским боевым кораблям спешит транспорт «Хого-Мару». Необходимо его задержать и доставить в порт. Алексею немного не по себе оттого, что наши катера рядом с транспортом — как скорлупки. Но все-таки «морских охотников» шесть, а самое главное — на этих катерах храбрые люди. Алексей верит в своих друзей и в себя.

Японцам приказали идти за советскими пограничниками в порт. И вот огромная стальная машина покорно пошла, ведомая «морскими охотниками».

Несколько тонн продуктов было сгружено с транспорта на берег. Продовольствие не попало на японские военные корабли. Экипаж транспорта отпустили домой. Судно осталось в Магадане.

Этот случай Алексей воспринял как удачу: все-таки боя не произошло. На транспорте стояли пушки, а японцы стрелять умели...

Алексей Кондратьевич и сейчас видит тот транспорт так же реально, как и тогда, в сорок пятом. Огромная стена вырастает из воды... и холод, пронизывающий холод.

О том, что было до войны, Алексей Кондратьевич вспоминает с радостью. Довоенный мир — его молодость. Молодость, ничем омраченная и потому особенно дорогая.

Год 1936-й. Ярко сверкает вдалеке купол Исаакиевского собора. На небе ни облачка. Хочется сойти с корабля на берег, но — служба, нельзя! А служба идет нормально, все у Алексея Веркина получается, и нравится ему его корабль с красивым названием «Марти». И здорово звучит — моряк-кронштадтец! Впрочем, без друзей бывает грустно. Они остались в Ленинграде. Кажется — вот ночь пройдет, и вновь увидит Алексей веселого Федьку Куранова и Надю Сергееву, Ваську Лемберга.

В памяти остался день проводов в армию. Алексей попрощался с заводом «Красная Бавария», на котором проработал четыре года. С завода началась у паренька, приехавшего из рязанской деревушки, самостоятельная жизнь. Здесь появились у Алексея эти верные друзья. Провожая его в армию, на память бритву подарили, а Федька, лучший друг, сказал:

Вооруженные трехлинейными винтовками, на оленьих или собачьих упряжках А. К. Веркин (справа) и его товарищи в 30—40-е годы бдительно несли охрану северо-восточных рубежей Родины

— Смотри, Алешка, хорошо служи. Глядишь, увольнительную на берег получишь. Мы будем тебя ждать, сходим на хороший фильм.

Их образы постепенно заслонила служба. И встречи с новыми

друзьями со временем оттеснили старых. Но и с новыми товарищами по службе пришлось вскоре попрощаться. Алексея Веркина и восемнадцать других моряков-комсомольцев Кронштадта направили служить на Дальний Восток.

Обстановка на дальневосточной границе была сложная. Участились провокации, вражеские разведки активизировали свою работу. Поэтому численность пограничных войск на дальневосточных рубежах в 30-е годы увеличилась. Нужны были специалисты, для их подготовки в Ленинграде с 1934 года открылись специальные учебные курсы. В 1937 году Алексей Веркин окончил их.

И вот Алексей в последний раз смотрит на уплывающий, исчезающий в тумане город. Думал, что, как только отслужит, сразу же вернется обратно в Ленинград. Но не привелось.

После Ленинграда была Москва и долгая дорога до Хабаровска. Точного места назначения никто не знал, это создавало некоторую нервозность. Думалось: «Куда? Зачем? Надолго ли?» Затем был пароход «Феликс Дзержинский», который доставил Алексея и его товарищей из Владивостока в Магадан.

Подходили ночью. Алексей увидел свет огней бухты Нагаева. Он навсегда запомнил этот свет.

На причале кронштадтцев встретили и отвезли в казармы. Так началась служба Алексея Веркина на Северо-Восточной границе. Вскоре его назначили начальником одной из пограничных радиостанций.

А обстановка на границе оставалась напряженной.

В сентябре 1931 года Япония напала на Китай. С 1935 года японцы стали совершать систематические вооруженные провокации на советской границе. 12 октября 1935 года был бой с японо-маньчжурским отрядом на участке заставы Волянка Гродековского пог-

ранотряда, 30 января 1936 года — в районе Мещеряковой пади. В этом же году, в марте, отряд японцев перешел советскую границу на участке заставы Хинчук — снова бой. 29 июня 1938 года в районе сопки Безымянной, у озера Хасан, завязалось целое сражение, которое длилось тринадцать дней.

В эти трудные дни Алексей написал заявление о приеме в партию. Он долго не раздумывал — решение созрело сразу. Рекомендации ему дали начальник отдела политуправления Смирнов, начальник отряда Соседкин, заместитель начальника политотдела погранотряда Роговец.

Долг коммуниста помог принять Алексею и другое решение. Подошел к концу срок службы. Четыре долгих года Алексею снился один и тот же сон. Вот он идет по улицам Ленинграда, а вдалеке сияет собор Исаакья. Ах, как хотелось ему вновь увидеть Ленинград! Но командир попросил остаться, и Алексей согласился. Началась сверхсрочная служба. Шел январь 1941 года. И никто не верил, не предполагал, что скоро начнется война.

У Алексея Веркина с утра словно предчувствие было. Весь день 22 июня он не отходил от ради. Вот в наушниках раздались сигналы. Он кинулся к столу, принял шифровку.

— Война!

Жизнь на заставе с этого момента стала иной — полная боевая готовность.

С нетерпением ждали отправки на фронт. Вскоре поняли, что напрасно, стыдно стало: там гибнут советские люди, а ты ни одного фашиста не убил. Когда ждать устали, Алексей позвал в казарму своих друзей Костю Мартынова и Мишу Гуськова.

— Пойдем проситься бить фрицев,— предложил он.

Пошли к политруку Кислицыну. Сапоги начистили до блеска, гармошку с собой взяли. Мишка играл, они дружно пели: «Вставай, страна огромная...» Единство со всем народом ощущали, как никогда. Так вот к политруку с гармошкой и вошли. Он устало посмотрел на них: «Не вы первые».

И в который раз начал объяснять пограничникам, почему они нужны здесь.

От политрука шли понурые. А в поселке — шум, митинги. Многие из гражданского населения на фронт уходили. Вот когда Алексей первый раз в жизни другому человеку позавидовал.

Вскоре Веркина перевели на другую пограничную заставу. Там пришлось еще трудней. Застава находилась в районе, где курсировали японские суда. Провокации, шпионаж, незаконный вылов рыбы — вот чем занимались японцы. В дозоре пограничникам доводилось находиться по двенадцать часов. Именно тогда Алексей отчетливо понял, как прав был политрук, не отпустив его на фронт.

Особенно после такого вот случая.

К берегу подошло японское рыболовное судно. Все вроде бы, как обычно, вот только сами рыбаки привлекали внимание. Уж очень они походили выправкой на солдат. И манера держаться, и беспрекословное подчинение старшему — все подтверждало это. Рацию на судне, как положено, пограничники опечатали, и рыбаков свели на берег.

А ночью Алексей запеленговал чужой передатчик. Доложил начальству, несколько пограничников срочно отправились на задержание нарушителей. Успели вовремя. Четверо японских «рыбаков», на самом деле — диверсантов, были задержаны.

Миллионная Квантунская армия готовилась начать войну с Советским Союзом. В одном лишь 1941 году пограничники задержали

222 японских агента. В этом же году японские самолеты-разведчики вторгались в наше воздушное пространство восемьдесят раз. Японцы ждали падения Сталинграда, чтобы напасть на нас с востока.

Многие пограничники в этот напряженный период были отозваны на фронт. Ушел на войну и политрук Николай Григорьевич Кислицын. В сорок третьем году он погиб.

На заставу пришла его жена. Алексей часто встречал ее на улицах поселка. Она не плакала, достала серенький листок похоронки, сказала:

— Вы о нем не забывайте.

В полной мере Алексей Кондратьевич ощущает невосполнимость утраты друзей лишь сейчас. В те годы смерть он воспринимал по-другому. Многие люди гибли на войне. Важно было — как погиб и за что. За Родину умереть почетно и не так страшно. В 1942 году погиб на фронте отец Алексея.

А после этого... Нет, прежде еще один эпизод.

Однажды на заставу поступили свежие центральные газеты. Алексей как бывший кронштадтец жадно следил за событиями на Балтике. И вот он прочитал в газете, что в одном из сражений с фашистами геройски погибло его родное судно «Марти». Погибло судно, погиб весь экипаж. Вот такое расставание с друзьями большей всего...

А вообще-то газеты на заставе были редкостью. Главным источником информации служили сводки Совинформбюро. Алексей каждый день записывал их в тетрадь, а потом шел в поселок и выступал перед населением. Жители поселка, понимая всю сложность положения на фронте, помогали в борьбе с врагом, чем могли. Многие северяне сдавали в фонд обороны деньги и ценности. Колхозники, оленеводы, интеллигенция — никто не оставался безучастным.

А. К. Веркин с одной из ездовых собак упряжки, приписанной к пограничной заставе

Северяне вступали в батальоны всеобуча. Приходилось задерживать шпионов, которые маскировались под представителей местного коренного населения.

А разве не был знаменательным тот факт, что жители отказались от завоза продовольствия с материка! Решили сами себя прокормить и трудились, не покладая рук, плечом к плечу колхозники из «Рассвета Севера» и пограничники.

— Я подвигов не совершал,— сказал во время одной из наших встреч Алексей Кондратьевич.— Все как-то не было для подвигов условий. Однажды на лыжах девяносто километров с одной заставы на другую в пургу шли — и ничего не случилось. Ни лыжи, ни ноги мы не повредили, не обморозились. Не имели мы права не дойти. Война шла, и мы спешили сменить солдат, которые отправлялись на фронт. И спать ложились, и вставали, думая об охране границы. Затишья не было, а бдительность наших ребят спасла не одну жизнь и на фронте и в тылу.

Пришла победа. Эту новость Алексей узнал первый по рации. Какая радость сказать всем: «Слышите! Мы победили!»

Салют был дан из всех винтовок и автоматов, какие только нашлись на заставе. Он никого равнодушным не оставил, тот миг победы.

После победы над фашистской Германией Алексея Веркина переводят служить на контрольно-пропускной пункт. Началась война с Японией. Вот тогда-то пограничники и задержали транспорт «Хого-Мару».

От прошедшей войны у Алексея Кондратьевича остались правительственные награды. «У меня их больше дюжины»,— говорит он. Главная награда — орден Красной Звезды. И самое ценное, что у не-

го осталось,— воспоминания о тех днях, о верных товарищах. Память тревожит, память болит.

Сейчас Алексей Кондратьевич является инспектором по работе с моряками заграничного отдела кадров объединения «Магадан-рыбпром». До этого тринадцать лет был заместителем управляющего Магаданским рыбопромышленным трестом, тоже по кадрам.

Сегодняшняя его работа — это беседы с людьми. Главное — понять человека, узнать, что он из себя представляет. И Алексею Кондратьевичу помогает в этом деле чутье бывалого пограничника.

Последние несколько моих встреч с Алексеем Кондратьевичем проходили в больнице. К сожалению, сказывается возраст. Когда я с ним разговаривал, на нас удивленно смотрели больные — гадали, что же я записываю в блокнот. А один подошел и спросил:

— А что, у нас лежит знаменитость?

— Да как вам сказать...

— Понятно. Значит, по жалобе.

— Нет, просто этот человек защитил наши с вами жизни. Он охранял границу во время войны здесь, на Северо-Востоке.

Дмитрий Власов

ЗА ЧУКОТСКИМ МЕРИДИАНОМ

Впервые мне довелось услышать о Колочинской губе, что, как нож со стороны Ледовитого океана, отрезает полуостров Дауркин от остальной территории Чукотки, в вагоне скорого поезда «Москва — Куйбышев». Моими соседями по купе оказались два ветерана Великой Отечественной войны, возвращавшихся из столицы, куда приезжали они на встречу однополчан в День Победы. В воспоминания о днях давно минувших попутчики погрузились чуть ли не с момента отхода поезда от перрона Казанского вокзала. Мое внимание привлек рассказ одного из них о службе на Дальнем Востоке, на Чукотке. Может быть, потому что я сам собирался в эти далекие края, а может быть, и из-за того, что речь шла о событиях пятидесятилетней давности. Помню, очень жалел на следующее утро, что не познакомился поближе с ветеранами. Так и осталась в записной книжке пометка: «Воспоминания Паши-пограничника». А сам он вместе с боевым побратимом сошел на небольшой приволжской станции. Как объяснила проводница: «Билеты у старичков были до Сызрани, да вдруг решили они проведать однополчанина, почему-то не приехавшего на встречу, вот и сошли раньше». Ничего не оставалось, как записать все услышанное по памяти, повинаясь журнальной заповеди: «Когда-нибудь пригодится».

Вот этот рассказ.

«...Призывался я с Волги, а довелось, проехав всю страну, служить на Дальнем Востоке, в одном из погранотрядов. Место было в те времена бойкое. Считай, дня не проходило, чтобы на границе чего-нибудь не случилось. На той стороне сначала белокитайцы шалили да наши прохиндеи, кого гражданской войной за кордон вымело. А в конце тридцать первого года японцы пожаловали. Мы думали, может, передышка выйдет. Ан нет, как раз наоборот — провокация за провокацией. Белогвардейское отребье пуще прежнего зашевелилось. Знаешь, в наряд шли, два полных боекомплекта брали. Потери мы несли, это было, но и им спуска не давали. От банд, порой, по одному-два в живых оставалось. Потруднее стало, когда самураи свои регулярные части к границе выдвинули. Но тут уж первую скрипку играли наши артиллеристы да пулеметчики. В общем, жизнь была «веселая» — дальше некуда.

А в начале июня, это уже в тридцать втором, вызвали нас троих в штаб отряда. Там уже человек тридцать с других застав ожидает. Приглашают по одному на беседу с особоуполномоченным ОГПУ. Он пожилой, в штатском, встретил приветливо. Немного о службе поспрашивал, а затем говорит: «Так и так, нужны добровольцы для службы на Чукотке. Край этот очень отдаленный, регулярного сообщения с ним круглый год не имеется. Вот и пытаются, пользуясь этим, туда иностранцы проскочить, местное население пограбить». Я хоть и грамотный по тем временам был, семилетку до призыва закончил, но где эта самая Чукотка — представлял довольно смутно. Чекист меня к карте подводит, в самый правый ее угол показывает: «Вот тут она, родимая, на самой границе с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Через вон ту голубую полоску с бывшей российской территорией — Аляской — граничит». Посмот-

рел я внимательно на карту, и страшно мне сделалось. «Нет,— говорю,— здесь я привык уже, да и как боевых друзей бросать? Зачем на край света ехать, когда тут дел, да еще каких, хватает!» А он мне в ответ: «Зря, Павел, так рассуждаешь! Стали бы мы проверенных в боях, обстрелянных солдат с напряженного участка снимать, если бы не вот такая,— и по горлу рукой режет,— нужда в вас на самом северо-восточном отрезке границы? Конечно, боевые корабли пользы у тех берегов больше принесут, да где взять их пока? Один «Красный вымпел» да пара вооруженных шхун — вот и весь наш флот на Тихом океане! И тот занят сверх головы у берегов Камчатки и Сахалина борьбой с японскими браконьерами да всякими «визитерами». А на Чукотке американские контрабандисты туземцев грабят — за спирт, за бесценнок пушнину выменивают, а то и просто берут силой. Что такое пушнина, ты знаешь. Неужели мы позволим, чтобы «мягкое золото» за рубеж свободно уходило? Разве можем позволить мы грабить нашу с тобой рабоче-крестьянскую республику безнаказанно?»

Убедил он меня и остальных ребят. Дали мы согласие. Старшим по команде Васю Коломийцева, помкомвзвода с нашей заставы, назначили, и убыли мы в город-порт Владивосток. Вот где нам жарко пришлось, ведь на получение необходимого груза и погрузку отвели нам времени всего пять суток! Хорошо, Коломийцев людей правильно расставил: кого в порт — грузчиками, кого — в роли снабженцев-«толкачей» по складам и другим интендантским инстанциям отправил. К сроку успели: и получили все, что положено, и погрузились вовремя.

Перед отплытием прямо на пароход пришел наш «крестный», что с нами в штабе отряда беседы вел. Построил нас Вася Коломийцев на палубе. «Равняйся! Смирно!» — скомандовал, рапорт от-

дал. Все как положено, честь по чести. Старый чекист расцеловал каждого, руку пожал персонально. Речь короткую сказал. Запали в памяти слова: «Ну, сынки, не подкачайте! Помните, что на Чукотку вас посылаем не только как стражей границы, но и как полномочных представителей родной нашей Советской власти».

...Дней двадцать мотал нас океан. Думали, бог морской всю душу за это время вытянет. Штормило часто, а пассажиров на пароходе, почитай, еще человек сто находилось — «золотишники» с семьями на Колыму направлялись: «золотая Колыма» в те годы только-только свою огромную славу обретала. Сейчас и не вспомнить, ели мы в те дни или только воздухом питались. Дня за два до прихода в крошечный поселочек, Провидения называется, качка утихла, нам полегчало, стали ребята в себя приходиться. Ну, а когда дальше вдоль берега плыли, почти совсем оклемались. В бухте Лаврентия нас уполномоченный ОГПУ Андрей Андреевич Недольшин встретил. Коломийцев пакет ему от «крестного» передал. Прочитал тот письмо, видно, доволен остался, даже заулыбался. «Вовремя,— говорит,— прибыли, дорогие вы мои помощники. Мой старый товарищ отлично вас рекомендует. А он слов на ветер не бросает, на людей глаз у него наметанный. Мы с ним еще в госполитохране Дальневосточной республики начинали...»

Тем временем мы свои вещички собрали и только команды ждем высаживаться — так нам на пароходе надоело, что готовы были и без команды в баркасы прыгать. Увидел он, улыбнулся понимающе и, отозвав в сторону нашего старшего, что-то минут пять ему втолковывал. Мы сгрудились, переглядываемся. Недольшин нам рукой махнул: мол, до свидания, а сам за канат — и за борт ловко так соскользнул. Под бортом, оказывается, лодка его дождалась. Объяснил все Коломийцев. Оказывается, не прибыли мы еще в ко-

нечный пункт нашего назначения, в село Уэлен. Дня три посидели бойцы на борту судна, помогали разгружать грузы для берега, а потом появился Андрей Андреевич. Поднял пароход якоря, и пошли мы к мысу Дежнева, в арктические воды. Уполномоченный время зря не тратил: нас собрал и провел что-то вроде вступительного инструктажа. Получили мы первые сведения — о службе своей будущей, о крае, куда попали, об обычаях местного населения.

Уэлен — небольшой поселок на берегу Чукотского моря, приставившийся на косе — в этот раз довелось мне увидеть лишь издали, с парохода. Первоначально намечалось, что до острова Колючина нас четверых доставит то же судно, на котором мы приплыли к берегам Чукотки, а уже дальше чукчи перебросят в Колючинскую губу на байдарках. Получилось же все не так, как наметил Недольшин. Вмешалась погода. Дул почти все время норд-вест, и, как объясняли моряки, он пригнал ледовые поля из внутренних районов Ледовитого океана. Те в свою очередь напрочь закупорили для больших судов проход на запад, вдоль побережья. Судов ввиду Уэлена скопилось чуть ли не десятков во главе с ледорезом «Литке». Сколько он в одиночку ни бился, проход каравану обеспечить не смог. Сидим, смотрим на берег. Зло берет. Какой-никакой, но берег же, а мы почти месяц на пароходе торчим.

Прошло несколько дней, появился Недольшин. Сказал, что с капитанами советовался. Опытные полярники говорили, что ветер должен смениться, льды отогнать, но весь вопрос — когда. А ведь июль, разгар лета. Где нет прохода большим пароходам, запросто можно на небольших суденышках в нужное место проскочить. Вот и капитан вернувшегося из разведки ледореза рассказал, что вдоль берега неширокая полынья тянется далеко за мыс Сердце-Камень. «Делать нечего, товарищи, приходится идти на риск. Есть здесь одна

посудинка, не очень надежная, но уже плававшая по этому маршруту. Те, кто назначен на остров Колючин и на пост в Колючинской губе, будут доставлены на ней. Остальных развезем по берегу. Кто на мыс Северный и в Ванкарем — остаются на пароходе. Пойдут туда с караваном. Вопросы есть?»

Вопросов было много, да не стали тратить время на разговоры. Так и разошлись наши дороги. Часть ребят ушла на байдарках, человек десять на судне остались, а за нами подошел кавасаки с красивым женским именем «Елена». Принадлежал он какой-то экспедиции, проводившей изыскания на побережье Чукотки. Груз на кавасаки с парохода у Уэлена перегрузили, и капитан решил самостоятельно, под бережком, как он объяснил, проскочить в Чаунскую губу. «Там еще два наших плавсредства зимовали, теперь без горючки, а дело у нас серьезное, государственное», — пояснил он нам свое решение. Не знаю, как договаривался с ним Недольшин, но доставил нас капитан-шкипер до места назначения быстро — за двое суток...

...Скажу тебе откровенно, не враз освоились мы на новом месте. Вначале тоска съедала: куда ни посмотришь — вода да тундра. Связи никакой. Людей вокруг — и то нет. Думалось, какие уж тут контрбандисты? Но потом потихоньку втянулись в службу. Было нас пятеро, в последний момент уполномоченный нам своего человека добавил, второй год служившего в этих местах, Ваню Бердникова. Тот по-местному объясняться мог, да пока не с кем было. Учил Иван нас уму-разуму. Хотя и обещали снять наш пост в сентябре, заставил дров заготовить, благо — плавника по берегу было в избытке. Птицы про запас набили — в патронах особой нужды не испытывали. Затем полегоньку с тундрой сдружились, ягоды, грибки собирали. Домик-избушку в порядок привели. В общем жить стало

можно. Распорядок дня выдерживался свято. Часы одни на всех имелись — у Васи Коломийцева. Он их за год до этого за призовую стрельбу получил. А дело летом, без часов — поди разберись, когда ночь, когда день... То ли в караул заступать, то ли смену ждать? В августе полегче, темнота появилась, ориентироваться стали.

В дозоры мы на два мыса ходили. Один, что вправо от домика, не помню как звался. А второй, до него через заболоченный берег лагуны добирались, что-то наподобие «Канина» прозывался. Туда да обратно километров сорок намотаешь. Но мы — люди привычные.

Бердников про замысел Недольшина так рассказывал:

— Андрейч по этому побережью все знает. Сейчас ветер с океана в тундру холодный воздух гонит, а как переменится — чукчи со стадами оленьими сюда потянутся. Гнус олешков заедает, вот и откочевывают они на север. Проводали об этом и американцы, не один год сюда приходят. Ведь у тундровиков оружие чье? В основном пока ихнее. За год патроны кончаются? Кончаются. Чай, другие припасы пополнить надо? Надо. И спирт. Очень местный народ, в силу временной отсталости, до него охоч.

— Да и мы непрочь, — хмыкнул кто-то.

Иван лишь покосился и продолжал:

— Наша торговля до тундровиков еще с трудом доходит, это факт. Знают об этом американцы? Знают! Вот и стремятся опередить приход наших пароходов. А сюда, в губу, пароходы и зайти не могут — мелко. Есть одна шхуна, вот она и привозит товары. Когда придет — ни мне, ни Недольшину неизвестно, сумеет она опередить американцев или нет. А здесь у них со времен царя гороха обменный пункт с коренным населением существует. Так что сами мыслите — зря или нет нас тут охранять границу поставили. Если мы с вами на «Елене» в губу проскочили, что же может помешать

и любой шхуне по этому пути пройти? А если ветер сменится, то и подавно жди непрошенных гостей.

Слушая Ивана, мы верили и не верили ему. Кругом глушь, никаких признаков иного жилья, кроме нашего. Да и будучи в дозоре на «Правом» мысу, возвышавшемся над окружающей тундрой, осматривая ее вплоть до закрывавших горизонт горных вершин, никто ни разу не видел оленьих стад или хотя бы дымка. Сопки и тундра, какие уж там контрабандисты?

Но Бердников оказался прав.

В середине августа ветер сменился. Холодная, промозглая непогода с дождями и снегом уступила место ясной, теплой погоде. Как приятно было сбросить вконец надоевшие шинели, а то и гимнастерки с нателными рубахами и погреться на ставшем вдруг ласковым полярном солнце. Вместе с теплом пришли из глубин тундры полчища комаров, мошки, но даже эти несносные насекомые не смогли омрачить наше хорошее настроение. В очередной дозор на «Левый» мыс мы вышли с Бердниковым. Шли налегке, без лишних запасов. НЗ был припрятан на мысу. Иван шел по тундре: за два года он научился ходить по ней, да так, что мы все ему завидовали. Я предпочел идти по берегу, хотя подсохший песок — это тоже далеко не асфальт. Торопиться было некуда, без малого месяц, как на посту, но все обходилось тихо и спокойно. Ничто так не притупляет чувства бдительности, как длительное отсутствие опасности. В этой истине вскоре пришлось убедиться.

Пробираясь через каменистую осыпь на самом острие мыса, я больше смотрел себе под ноги, чем по сторонам, чтобы не споткнуться и не ухнуть в воду. Лишь миновав этот опасный отрезок, я перевел дух и взобрался на большой валун, как бы очерчивавший границу осыпи. По привычке потянулся к биноклю и остолбенел —

в нескольких сотнях метров от меня лениво покачивалась на волне шхуна. От нее к берегу шла двухвесельная шлюпка с тремя гребцами и грузом, сваленным в беспорядке на носу. Всего несколько секунд продолжалось мое замешательство, но этого было достаточно, чтобы меня заметили люди, толпившиеся у борта шхуны. Прозвучала резкая команда на незнакомом языке, и гребцы торопливо задержали веслами, разворачиваясь назад. Что было дальше — помню смутно. То ли я выстрелил первым, то ли кто-то со шхуны, но через минуту беспорядочная стрельба из доброго десятка винтовок подняла в воздух тысячные стаи гусей и уток, жировавших на прилегающих к губе озерах. Пожалуй, две мысли владели мной в те мгновения — лишь бы не кончились патроны и скорее бы подошел Бердников. Переползая от камня к камню, я методично посылал одну пулю за другой в сторону шхуны, почти не целясь. Но противникам было стрелять намного удобнее, чем мне. «Как рой шмелей», — почему-то пришло на память, когда густой посвист пуль заставил меня вжаться в песок. Думал — все, Паша, доигрался! И вдруг пальба стихла. Осторожно отполз в сторону, к камню, что побольше, и только тогда приподнял голову. Шхуна уходила, оставляя хвост дыма — что-то горело на палубе. Рядом суетились те, кто недавно выстрелами прижимал меня к земле. В ярости я вскинул свою «драгунку» и один за одним послал вдогонку все пять патронов из только что вставленной обоймы.

— Кончай живность пугать, — рука Ивана тяжело легла на мое плечо. — Жадность и уверенность в безнаказанности их подвела. Обнаглели — раньше банки со спиртом в трюмах держали, а нынче, как напоказ, на палубе сложили, вот и полыхнуло у них. Если б не это, туго нам с тобой пришлось бы, Павел. Но зато теперь не сунутся!

Выслушав мои путаные объяснения, что и как произошло, Бердников покачал головой:

— Сколько раз было говорено, что не нарушители здесь, а контрабандисты, и нечего их следы на песке караулить. Шли бы мы с тобой вместе — хотя бы шлюпку взяли, а то и шхуну задержали бы — не любят они своих людей нам оставлять! Ну, да ладно. Чему быть, того не миновать. Давай бинокль, пойдем наверх, посмотрим, что там. Не ради же собственного удовольствия американцы на берег собирались высаживаться.

Отведя глаза в сторону, я протянул Ивану то, что прежде называлось биноклем. Видно, когда прыгал от камня к камню, разбил.

— Эх, раззява. Последние наши глаза, и те поломал, — в сердцах пробурчал Иван.

Он полез на крутой тундровый берег. Я за ним. Километрах в пяти виднелись черные точки, уходящие в сторону подступающей с запада горной гряды.

— Упустили и этих, — произнес Бердников, но, оглянувшись на меня, вдруг улыбнулся и ободряюще потрепал по волосам. — Брось расстраиваться, Паша. Конечно, с трофеем вернуться в Уэлен лучше, но коль не вышло, чего ж горевать? Давай подкрепимся из нашего склада, да будем назад, в наш Унивеем возвращаться. Недолшин говорил, что скоро в том месте, где мы пост сотворили, намечено селенье строить, кочующих чукчей туда собирать будут. Откроют школу, факторию. Не придется тогда кочевому люду услугами наших врагов пользоваться. В этом и наша с тобой заслуга — отучим непрошенных гостей к советским берегам ходить. Вот увидишь, это все сбудется!

☆

Первые пограничники Чукотки. Как мало мы знаем о том суровом времени, о людях, положивших конец грабительским плаваниям американских купцов и иных любителей легкой наживы к берегам советского Крайнего Северо-Востока. Тем большее значение приобретают даже отрывочные воспоминания непосредственных участников событий начала тридцатых годов.

Летом 1983 года с экспедицией анадырских авиаторов, занимавшихся проверкой чукотской версии о месте гибели самолета СССР Н-209, пилотируемого С. Леваневским в 1937 году, побывал я в Колочинской губе. Сильный шторм заставил нас выбраться на берег в районе мыса Кайнын, у западного побережья губы на подходе к бухте Камак. Непогода надолго приковала нас к этому месту, можно было поразмышлять на досуге. Рассматривая старую карту, по которой прокладывался маршрут экспедиции, я вдруг почти до мельчайших подробностей вспомнил рассказ Паши-пограничника. Помните — название мыса напоминало, как он говорил, русское слово К а и н и н. Если смотреть от мыса Кайнын на юго-запад, губа постепенно переходит в лагуну с заболоченным берегом, затем еще в одну лагунку, на берегу которой существовал в конце тридцатых годов поселочек Юнивем (Унивеем). Здесь в те годы был пограничный пост, действовали школа и торговая фактория. Справа от бывшего поселка, если стоять лицом к губе, наиболее высокое место — мыс Нутейквин. Не тот ли это мыс «Правый», куда пролегал дозорная тропа Паши и его товарищей? К сожалению, молчали остатки домика на самой оконечности мыса Кайнын и разбросанные по берегу части разбитого промыслового суденышка — возможные свидетели первого боя Паши на чукотской земле. Время и суровая

природа оставили мало следов, которые могли бы подтвердить его воспоминания. А на двух тысячах квадратных километров, что занимает акватория Колочинской губы,— сотни мысов, десятки рек, речушек и лагун, добрый десяток оставленных малых селений, каждое из которых могло быть местом описанных выше событий. Но неопровержимым свидетельством силы малочисленной погранохраны Чукотского побережья является сам факт прекращения с навигации 1933 года плаваний сюда судов под иностранными флагами...

☆

Прошло время. Новому поколению пограничников Чукотки пришлось решать еще более значимые задачи. Первый послевоенный год. На арктическом побережье помнят караваны судов с грузами из США и Канады, спешившие на запад по Северному морскому пути в короткие полярные навигации военной поры, чтобы внести малую толику в борьбу с общим противником — фашистской Германией; не забыты полеты отважных советских пилотов, перегонявших американские самолеты по труднейшей трассе Фербенкс — Красноярск и далее, на фронты Великой Отечественной, где героическая Красная Армия решала исход битвы за сохранение мировой цивилизации. Для миллионов наших сограждан народ Соединенных Штатов оставался в то время союзником по борьбе с общим врагом...

По-иному думали правящие круги США. По ту сторону Берингова пролива, на Аляске, уже полным ходом шли работы по расширению и модернизации имевшихся, по строительству новых военно-воздушных баз, по реконструкции морских портов для приема большегрузных транспортов с солдатами и техникой. Еще не прозвучала подстрекательская речь Черчилля в американском городишке Фул-

тоне, возвестившая о начале «холодной» войны, а на землю Аляски уже приземлялись первые эскадрильи Б-29, составлявших основу стратегической бомбардировочной авиации США в те годы.

Зная об этом, Советское правительство принимает решение о распространении на Северо-Востоке страны единой системы охраны Государственной границы Союза ССР...

С Александром Александровичем Шустровым, ветераном Кенигсбергского орденоносного пограничного полка, преобразованного впоследствии в погранотряд, можно встретиться в Анадыре. Он — единственный из воинов в зеленых фуражках, заступивших на охрану северо-восточных рубежей нашей страны в далеком 1946 году, проживает ныне на Чукотке. Невысокого роста, худощавый, не по годам подвижный. Веселые, неунывающие глаза. На вопросы отвечает быстро, поясняя: «Что помню — то помню, что забыл — не обессудь, сочинять не буду».

Биография Сан Саныча напоминает миллионы судеб его сверстников: призывался в 1943 году из Калининской области, служить довелось в отдельном пограничном полку. Прошел с ним от отрогов Кавказа до Кенигсберга. Все было — фронтовые бои и очищение ближайшего тыла наших войск от националистических банд, стычки с диверсионными отрядами гитлеровцев. И горькие потери командиров, друзей-однополчан. День Великой Победы встретил в Восточной Пруссии. Думал — всё, теперь домой. Да вышло иначе — вновь эшелон, путь через всю страну. Последний раз в праздничном салюте разрядил личное оружие на территории Маньчжурии. Бойцов старшего возраста демобилизовали, а таких, как он, оставили для прохождения дальнейшей службы...

— Нас перебросили в Приморье,— вспоминает Шустров.— Личный состав в тайгу направили, на заготовку древесины для построй-

ки домиков. Зачем, почему? — в армии таких вопросов не задают. Надо — значит надо! Придет время, узнаем. Весной сорок шестого переформировали нас в погранотряд, привезли во Владивосток. 11 июня закончилась погрузка на пароход «Жан Жорес», и мы вышли в море. Куда плывем, только командиры знали...

Стынет чай на столе перед Александром Александровичем, а он где-то там, на борту «Жана Жореса», с двадцатилетними своими однополчанами, на митинге, где замполит майор Семин объявляет, что именно им поручено взять под охрану границу с Соединенными Штатами...

... Два месяца личный состав нового погранотряда высаживал на Чукотское побережье заставы, посты. Особенно трудно пришлось на острове Ратманова. Небольшое эскимосское селение расположилось на южной оконечности острова, а заставу намечено было поставить на противоположной стороне, северной. Обрывистый, скалистый берег, подводные камни на подходе к нему. На пароходе две паровые лебедки — вот и вся механизация. Сотни тонн груза на руках доставляются на выбранную площадку. Порой сутками, мокрые от штормовой волны, полуголодные, авралили пограничники, берегли каждый час. Призыв замполита: «Фронтвики, Гитлеру хребет сломали, неужели здесь отступим?» — придавал силы. Одновременно рубили пешеходную лестницу на островное плато. И еще до того, как закончили высадку, первые наряды заступили на дозорную тропу.

— Последней высаживалась на побережье наша пограничная застава. Сменили мы здесь лейтенанта и трех его солдат. Вот и весь пост был тогда. А холод подступает. В первую очередь стали жилье ставить. Штаб, казарму, столовую, пекарню. Местное население помогало, как могло. Но и мы не с пустыми руками приехали. Груз с причала на своих лошадях возили. Да еще и коровник сразу же

стали строить, две коровы прибыло с нами. Все же первым делом службу наладили: проверку приходивших пароходов, самолетов. Мало их тогда насчитывалось, но порядок на границе должен быть пограничным. Он таким и был.

Шустров задумался, вспоминая что-то: ведь без малого сорок лет прошло.

На вопрос о трудностях ответил однозначно:

— Понимаешь, мы были почти все с фронта, а после фронта любые трудности — мелочь. Здесь же не стреляли, в любом случае можно и нужно было живым оставаться. Вот так!

... Четыре года службы в новых краях прошли быстро. Где только не бывал каюр-пограничник со своей упряжкой — по всему побережью, от Анадырского лимана до Уелена. Разные приходилось выполнять задания, но всегда возвращался Александр Александрович на родную заставу целым и невредимым.

— Завидую, в общем-то, нынешнему поколению пограничников, — продолжает он разговор. — Завидую их технической вооруженности. Все у них есть — от вертолетов и вездеходов, до радиолокационных станций и переносных радиостанций. У нас же собачки главным транспортом считались. Сколько пург пережить вместе с ними в тундре пришлось!

В 1950 году настал черед Шустрову уходить в запас. Уехал на Родину, проработал там два года. Да не отпустил от себя Север.

— Потянула меня обратно чукотская тундра, ее просторы, люди, что строили здесь новую жизнь. Вернулся. Освоил нужные специальности — плотника, слесаря. И в этажах Анадыря есть доля моего труда. Иногда идешь по городу и диву даешься — столько изменений произошло на твоей памяти. Горжусь, не боюсь этим словом чувства выразить, что лично ко всему этому причастен...

И сегодня ветеран Великой Отечественной войны и труда, ветеран пограничных войск Александр Александрович Шустров в строю. Встречи со школьниками, представителями трудовых коллективов города — это его вклад в военно-патриотическое воспитание новых поколений.

Особую радость вызывают у него встречи с пограничниками Чукотки.

☆

Вновь по ту сторону Берингова пролива дуют ледяные ветры возрождающейся «холодной» войны, и полощут они флаги очередного «крестового похода» против мира, социализма, против Страны Советов. И продолжают бдительно нести службу ребята в зеленых фуражках, новое поколение пограничников Чукотки...

Километр за километром отмерял наш вертолет над чукотской тундрой — горящейся пологими горными кряжами, с выжженными не по-весеннему ярким солнцем проталинами на склонах. В многочисленных распадках, долинах еще скованных в эту пору льдом речушек лежал перевозанной чистоты снежный покров.

— Прямо по курсу — мыс Дежнева, а справа — остров Ратманова, — сказал сопровождающий.

С расстояния в несколько десятков километров четко просматривались очертания острова. Вертолет резко взял вправо от берега, и тундровый ландшафт сменился ледовыми полями, перечерченными кое-где полосами чистой воды.

Через несколько минут заходим на посадку. Успеваем заметить промелькнувший по правому борту силуэт острова Круzensхтерна — часть американской земли. Быстро выгружаемся, и вертолет уходит

за пролив на материк. За нами он прилетит через несколько часов, если позволит погода.

Идем по тропинке вниз по склону, на ходу задавая вопросы встретившему нас заместителю командира заставы по политчасти лейтенанту Геннадию Михайловичу Карпизенкову. Ответить на все он не успевает — «kozyрек», как в просторечии зовут на острове плоскогорье, резко обрывается. Вниз по почти отвесному склону ведут вырубленные в скале ступеньки.

— Наша достопримечательность — «Лестница 155 Ступеней», — улыбнулся лейтенант.

Навстречу поднимался пограничный наряд.

Обратите внимание на рюкзаки, — продолжал Карпизенков, — в каждом по двадцать пять килограммов угля. Это для обогревателей, что установлены вдоль дозорных троп.

Наряд поравнялся с нами, встал на лыжи и вскоре растаял вдали, слившись белыми маскхалатами со снежным покрытием «козырька».

Все это произошло быстро, без минутного отдыха после тяжелого подъема.

Лейтенант был вынужден пояснить, заметив недоумение на лицах гостей:

— Тренировка. Даже соревнования устраиваем — кто быстрее в полном снаряжении и с грузом угля преодолеет лесенку. Иначе у нас нельзя.

Застава на острове Ратманова. Самый северо-восточный форпост нашей страны. Здесь стоит знаменитый столб, где указаны расстояния до многих точек земного шара — Москвы, Северного полюса... Но одна надпись запоминается на всю жизнь: «США, Аляска — 4160 метров». Это отсюда, от заставы. Там же, где проходят

дозором пограничные наряды, лишь узкая полоска — недолгим полярным летом воды, а зимой льда — отделяет «краешек земли советской» от территории Соединенных Штатов. Невидимая линия Государственной границы делит пополам отрезок в полтора километра. Нигде больше две крупнейшие державы современности не соседствуют в такой близости.

— Пожалуй, это и накладывает свой отпечаток на весь ход службы на заставе. Здесь обострено чувство ответственности за охрану рубежей нашей Родины. Служба, боевая учеба — на первом плане, — неторопливо, взвешивая каждое слово, говорит Карпизенков. — Вы уже видели, как хорошо подготовлены ратмановцы физически. На таком же высоком уровне мы стремимся держать огневую выучку, специальную подготовку. На учебный период взяли высокие социалистические обязательства. Как показывают итоги — застава слово держит. Более шестидесяти процентов личного состава — отличники.

На вопрос, а можно ли кого выделить отдельно, Геннадий Михайлович задумывается.

— Понимаете, все ребята нашей заставы по-своему интересны. Каждый своеобразен, полезен и нужен. В сущности, мы живем, как одна семья. Поэтому расставаться с тем, с кем делил радости и горести, ходил в дозор, не жалея себя работал на разгрузке судна-снабженца, преодолевал все трудности островной службы, намного тяжелее, чем на других заставах.

Для самого Карпизенкова остров — вторая застава в его офицерской биографии.

— Здесь на острове Ратманова много специфических особенностей. Отмечу главное — сверхсложные природные и климатические условия ставят нас в суровые рамки службы. Вот почему

командование и комсомольская организация много выдумки и изобретательности прилагают, чтобы как можно меньше действовал психологический фактор отрыва от Большой земли. Очень уважают на заставе старшину Владимира Яценко, сержанта Валерия Юрова, ефрейтора Александра Осинцева. Любовью пользуются и те, кто своим веселым нравом, умением пошутить в трудную минуту способствуют подъему настроения бойцов. Например, Сергей Свириденко — непрменный участник всех концертов художественной самодеятельности. Это не мешает ему отлично нести пограничную службу.

Лейтенант Карпизенков долго рассказывал нам о тех, кто, говоря военным языком, составляет понятие «личный состав». Затем, спохватившись, предложил встретиться со свободными от службы пограничниками.

Двое парней одновременно вошли в комнату, четко доложили замполиту о прибытии по его приказанию. Геннадий Михайлович подал команду «вольно» и коротко бросил: «Поступаете в распоряжение журналистов». Потом извинился перед нами: «Нужно идти проводить разбор утренних стрельб, вы уж с ребятами поговорите без меня».

Знакомимся. Рядовой Дауд Кабанов, ефрейтор Александр Бучков — второй год служит в погранвойсках. Дауд родом из Адыгейской автономной области, Александр — сибиряк, до призыва работал в Бердске, что под Новосибирском. Стеснение понемногу отступает, начинается оживленная беседа. Гости на острове появляются нечасто, так что за интересным разговором незаметно пролетает время.

Два парня — сын крестьянина и сын рабочего. До призыва в армию о службе пограничной знали лишь из книг и кинофильмов.

Премудростями своих воинских специальностей овладевали сначала в учебных частях, один — на Севере, другой — на Юге. Вот уже больше года их объединяет служба на острове Ратманова. В их словах звучит гордость за свою заставу, за то, что именно им предоставлено почетное и ответственное право охранять самые дальние рубежи страны.

— Служить здесь намного труднее, чем где-либо, — говорил Кабанов. — Я сюда прибыл на катере в мае. Посмотрел с моря — и сердце оборвалось. Угрюмо поднимаются черные отвесные скалы, поверху снег лежит. Вначале загрустил. Думаю про себя: как же здесь люди живут? А потом стал привыкать.

Характерно вот что: ратмановцы не любят говорить о трудностях, хотя их тут в избытке. Летом уходят бойцы на «kozyрек» при ясном солнце, а через час все плоскогорье затягивается густым, липким туманом.

Зимой, словно дождавшись своего часа, на многие сутки закрывает остров от внешнего мира белая круговерть пурги. А на заставе идет обычная по здешним меркам, расписанная по уставу жизнь, продолжается несение службы.

— Многие на материке знают о нашей заставе. Так что не клицу нам отступать перед трудностями. Я сюда только приехал, мама письмо прислала, пишет: «Не урони, сынок, рабочей чести. Тебе такая ответственная служба доверена, будь ее достоин». — Многим ребятам такие письма пишут, — Александр Бучков помолчал немного, а затем продолжил. — Вот как выходит: не только мы гордимся тем, что служим на Ратманова, но и наши родственники, друзья, товарищи. Ведь если разобраться, то каждый из нас представляет на заставе свой коллектив: Дауд — родной колхоз, я — завод.

Достоинно несут службу на беспокойных рубежах наши советские парни в солдатских шинелях, с двумя буквами ПВ на зеленых погонах. Надевают их, правда, редко, больше по торжественным дням. Более привычны ребята зимой к белым маскхалатам, а летом к пятнистым маскировочным курткам.

Четким строевым шагом проходят двое парней перед домиками заставы, без усилий поднимаются по «Лестнице 155 Ступеней». Они идут в дозор. Этой дорогой прошло уже не одно поколение пограничников.

НА ДАМЬНЕЙ
ЗАСТАВЕ

Виктор Зиновьев

НА ГРАНИЦЕ МУЖАЮТ РАНО

Над нами кричали чайки, у ног плескалось море, а вокруг лежали, поблескивая сединой, камни — много серых камней, целые сопки. Северная природа не балует разнообразием красок или звуков. Под стать суровой красе края и люди — строгие, скупые на слова. Даже если они здесь недолго, всего полтора года, как Сергей Кудряшов. К его ногам присела рослая овчарка — ровно на такое расстояние, чтобы не мешать, но постоянно чувствовать хозяина. Время от времени она бросает на Сергея быстрый взгляд: что за чужак рядом, не исходит ли от него опасность? Но отличная выучка не позволяет зарычать без команды. Собаку зовут Жанна, о ней мы ведем разговор.

— А как вы считаете, след лучше держится на траве или камнях? — после молчания отвечает он вопросом на вопрос.

Далеко не обо всем имеет право рассказывать пограничник — в деликатной форме Сергей дал мне это понять. И в то же время объяснил, почему собаке на Севере трудно нести службу.

Я представил, сколько километров по галечным отмелям, прыгая по валунам и вскарабкиваясь на скалы, приходится преодолевать Сергею со своей помощницей. И напряженно трудиться, зорко

вглядываясь в каждый по-особому повернутый камешек, в морщину на берегу. Было время, чрезмерно доверились технике, но вовремя спохватились — живые глаза, уши, чуткий собачий нос на охране границы ничем не заменить. Впрочем, чутье овчарки сейчас прекрасно дополняется техническими средствами. При помощи прибора можно взять запах со следа, перенести или сохранить его до времени, а потом дать понюхать служебному псу, и он пойдет по следу.

— Служить мне осталось полгода, жаль расставаться с Жанной. И она ко мне привыкла, скучает без меня,— Сергей опускает натруженную солдатскую ладонь на дымчатый мех, вздрагивающий в ответ на прикосновения.— Потихоньку знакомлю ее с солдатом первого года службы, готовлю себе замену.

Словно понимая, что речь идет о скорой разлуке, Жанна смотрит на своего хозяина умными, грустными глазами. Ничего не поделаешь — служба.

Собаки Чукотки — сколько веков верно и надежно служат человеку? Лохматые с широкой грудью ездовики, быстроногие оленегонные и сильные, зоркие охотничьи лайки. Ваше чутье, сила, выносливость, а нередко и кровь много раз спасали жизнь человеку. В раскалывающий землю мороз дотащить нарту до поселка; в пургу, выстегивающую глаза, вернуть в стадо заблудившегося оленя; броситься навстречу разъяренному медведю; отдать жизнь замерзающему, голодному хозяину... Нет, это не подвиг, это ее работа, скажет в ответ северянин. И будет прав, потому что подвиг и труд на Крайнем Севере так тесно переплелись, что являются каждодневной реальностью, нормой. Ратный труд — тоже каждодневный подвиг. У пограничных собак Чукотки нет векового опыта жизни на Севере. Их мех короткий, лапы ранимы, нос еще не научился чутко надвигающуюся непогоду. Но — служба. И в пургу,

мороз, сквозь тайфуны пограничные псы выходят в дозор, рядом с людьми они охраняют стыдую, но все же бесконечно родную землю. Впрочем, пограничная собака Чукотки — не обязательно овчарка. Вот что рассказал мне ныне пенсионер, а когда-то начальник заставы на берегу Охотского моря М. М. Журавлев. Мы встретились с ним во дворе домика, с крыши которого видно море — то самое, в которое он много лет подряд вглядывался до боли в глазах, неся пограничную службу.

— На здешнюю заставу прибыл 18 октября 1942 года. Прислали меня сюда из бухты Нагаева. Работал я в гражданской жизни на радиции, это когда еще в Хабаровске жил, откуда и призывался. В Нагаево мне поручили радиостанцию отремонтировать. Справился успешно, потому меня сюда и направили — тоже радиостанцию налаживать.

Максим Макарович говорит не спеша, обдумывая каждое слово. Между фразами делает паузы, видимо, чтобы сосредоточиться. Вроде и немного по историческим меркам времени прошло, но сколько минуло событий, как жизнь переменилась с той поры — сложно прорваться сквозь дебри воспоминаний к самым нужным мыслям, интересным фактам.

— Дозорная служба шла — как полагается. Дождь ли, пурга — круглые сутки обходили мы свой участок границы. Правда, без служебных овчарок, но ездовая упряжка собак у нас имела, как и на каждой заставе по побережью. Без транспорта как обойтись? Нельзя! Транспорт и связь в военном деле — половина успеха. И уж такой вожак в упряжке умный был! Вот едешь зимой по берегу на нартах или в глубь материковой части, вдруг вдаль человек идет на лыжах. Вожак сам, без команды, к нему упряжку поворачивает и обязательно догоняет. И пока у того человека документы

я не проверю или не поговорю несколько минут, пса нашего со снега не поднимешь. Привык, что пограничники всех повстречавшихся у границы людей проверяют, и сам бдительным стал! — смеется Журавлев.

Трудно поверить, что всего 50—54 года назад, на пятнадцатом году Советской власти, Охотское побережье было почти открытым для чужестранцев. Через Олу, один из редких поселков на берегу, в верховья Колымы проникала самая разномастная публика. В поисках золота сюда забралась артель корейцев из Хабаровска. И даже с Аляски в погоне за «желтым дьяволом» приплыли американские дельцы, вооруженные винчестерами и паровым бойлером. Огромные богатства расхищались иностранцами прямо у побережья, на лососевых нерестилищах. Участники Первой Колымской экспедиции, шедшие на судне вдоль берега в период путины, в устьях всех рек подряд видели японских рыбаков. По свидетельству одного из этих рыбаков, капитана Нукагавы, за путину японцы в здешних водах вылавливали до восьми миллионов пудов лосося. Нарушители границы, пользуясь безнаказанностью, действовали уверенно и нагло: перегораживали сетями устья речек. В единственном лице олицетворявший исполнительный орган Советской власти в Оле милиционер ничего поделывать не мог. Геологи из экспедиции Ю. А. Билибина действовали смело и решительно, взяв на себя роль пограничников. Вот как пишет, вспоминая об этом, Герой Социалистического Труда В. А. Цареградский:

«23 июля 1928 года. Сегодня в Оле праздник. Из ольского устья мы прогнали, наконец-то, японцев, конфисковав их неводы и весь улов. Совсем обнагтели. То хоть немного пропускали рыбы в реку, а тут перегородили устье наглухо. Тунгусы в панике кинулись к нам:

— Япоска олру всю забрал. Ты, Билиба, улахан нацальник, посто япоске такое позволяес? Сто зимой есть будем? Цем собаки кормить?

Нужно было, вероятно, при таких обстоятельствах Москву запросить или хотя бы Владивосток. Но как их запросишь, когда телеграф только в Тауйске и тот работает от случая к случаю? Решили разделаться с японскими браконьерами на свой страх и риск. Явились к ним почти всей экспедицией, с винчестерами и карабинами. Билибин для большей убедительности нарядился в шинель и буденовку Чистякова, кобуру с наганом нацепил. Ни дать ни взять — пограничник.

Несмотря на свою наглость, японцы перетрусили не на шутку. Когда Билибин объявил, что в наказание за недозволенный лов в территориальных водах Советского Союза и браконьерство мы конфискуем их сети и весь улов, капитан судна в ответ только что-то залепетал, но что — мы не поняли. Однако приказ Билибина очистить все трюмы от бочек с засоленной рыбой и икрой и свезти все на берег они поняли прекрасно и выполнили его без сопротивления. Знала кошка, чье сало съела. Теперь вся Ола бьет в бубны и пляшет ритуальную хеду — что-то вроде танца урожая. Бочки-то с рыбой и икрой достались им, ольчанам...»

Базирующийся на Охотском побережье пограничный отряд был физически не в состоянии обеспечить надежную охрану протянувшегося на тысячи верст берега. Лишь за 10 месяцев 1933 года в районе Камчатки в наши воды вторглись 112 рыболовных и 15 военных японских судов. В конце 30-х годов было решено создать на Северо-Востоке страны прочный щит из пограничных застав, закрывающий северо-восточные границы страны. Это решение было продиктовано также резко усилившейся агрессией милитаристской

Японии, напавшей в мае 1939 года на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. И когда летом того года Журавлев на пароходике «Уэлен» попал в жестокий шторм на пути из Хабаровска к Магадану, в это самое время...

В ЭТОТ ДЕНЬ И ЧАС

Скрыто одолев 700 километров по незнакомой местности под угрозой нападения японской авиации, в район боевых действий прибыл пограничный батальон особого назначения. Им командовал начальник штаба Кяхтинского погранотдела майор А. Е. Булыга. Партийно-комсомольская прослойка в батальоне, сформированном из пограничников-дальневосточников за 5 дней, составляла более 60 процентов. Батальон тут же приступил к очистке прилегающих к фронту районов тыла от вражеской агентуры. Под видом местного населения — торговцев, цирюльников, нищих — шпионы пытались проникнуть в расположение воинских частей для сбора данных или диверсий. Уже за две недели бойцам батальона, имеющим опыт чекистской работы, удалось задержать и обезвредить несколько десятков шпионов. Появились свои «передовые методы». В журнале «Пограничник» (1979, № 8) генерал-майор в отставке А. Е. Булыга вспоминал:

«Особенно большие «уловы» приносили ночные секреты. Расставляли мы их так: грузовик со спущенными бортами на средней скорости шел по густой траве, и пограничники буквально выкатывались из кузова в заранее оговоренных местах. Прошла машина вдоль линии фронта — все наряды на службе. А где — противнику неизвестно...

Узнав про эту тактику, Г. К. Жуков похвалил нас и весело сказал:

— Вот пограничники, всегда что-нибудь придумают. Молодцы!»

Доблесть и мужество проявили дальневосточные пограничники в боях на Халхин-Голе. Цепью шли они впереди броневиков, уничтожая огневые точки противника и артиллерийские расчеты. Взвод лейтенанта Казначеева смело атаковал сопку, взорвал склад боеприпасов, и, пользуясь растерянностью противника, уничтожил пулеметные расчеты, 20 вражеских солдат. Смертельно раненный в бою коммунист А. П. Шипунов обратился к бойцам: «Мы победим!» За время боев в батальоне вступили в партию 31 человек и в комсомол 46. «Иду в атаку; буду себя держать мужественно. Не щадя своей жизни и сил, буду громить врага. Если меня убьют, прошу считать меня коммунистом»,— писали пограничники в заявлениях*.

За разгром милитаристов на Халхин-Голе 285 бойцов отдельного пограничного батальона были удостоены орденов и медалей, а также наград МНР.

В годы, когда формировались на Северо-Востоке первые пограничные заставы и подразделения, пограничникам было ни чуть не легче, чем в бою. Непривычных к суровым условиям людей Север учил жестоко. За малейшую непредусмотрительность, слабинку в требовательности к себе, к дисциплине приходилось платить очень дорогой ценой.

...Тихий зимний вечер. Наст скрипит под валенками часового, время от времени, задирающего голову к небу. Нет, сегодня северного сияния не видно. Да и звезды мутные, будто припорошенные

снежной крупкой. Из казармы во двор выходит солдат и начинает снаряжать собачью упряжку. Кроме шинели на нем еще тулуп — солдат распахивает огромные полы, вытирает пот со лба. Щурит глаз на звезды и мечтательно произносит:

— От це ночка, як на ридной Украине!

— Не ездил бы ты сегодня за почтой, Микола,— предостерегает его часовой.— Смотри, собаки носы в хвосты прячут, звезды какие-то чудные — как непогода вдруг?

— Ни,— трясет головой Микола,— поеду. Сегодня обязательно цидулку с дома получу!

Покрикнув на собак, исчез Микола во тьме коварной северной ночи. Вроде бы не далек путь в поселок, чего бояться здоровому, тепло одетому парню? А через час завыл, засвистел ветер в стропилах пограничной вышки, ударил тяжелыми залпами снега в окна казармы — пурга... Дневальный через каждый час с трудом приоткрывал дверь барака, дергал за конец прочной веревки. В ответ также раздавалось подергивание — жив часовой, несет службу. Веревкой за пояс обвязывать бойцов прошлая пурга подсказала, когда сбил часового с ног ветер и закатил в сугроб. Научились тросы протягивать от наблюдательной вышки к дверям, чтоб не заблудиться — ведь в пургу собственной руки не разглядишь.

Суровую науку преподнес Север и в этот раз.

На третий день прибежали псы из упряжки с перегрызенными постромками. А Миколу нашли только весной: вожак путь указал к месту случившейся трагедии. Лежал Микола, поклеванный птицами с остолом в руках... Видно, бил собак, гнал их вперед, когда пурга застала. А надо было просто положиться на их природное чутье. Они бы без понуканий сами вывели к жилью, сами нашли короткий путь, как делали их лохматые предки сотни лет. Жить на

* Часовые советских границ. М., Политиздат, 1983.

Севере — значит, жить по северным законам, понял тогда М. М. Журавлев.

20 мая 1947 года уже в качестве начальника заставы он получил предложение служить на границе в Белоруссии или на Украине. Дескать, заслужили вы своей добросовестностью право жить и работать в более теплых, освоенных краях. А здесь в ближайшее обозримое время пограничникам заботы поубавится — американцы наши союзники, а японцы после сокрушительного разгрома и вовсе приутихнут. Японцы... Максим Макарович запомнил на всю жизнь встречу с ними на пути морем в Магадан.

...25 августа 1939 года отчалил небольшой пароходик «Уэлен» из бухты Золотой Рог. Максим уже слышал это нерусское слово Уэлен. Ведь он вместе со всей страной следил за полярной эпопеей ледокола «Челюскин». Через Уэлен проходила эвакуация челюскинцев со льдины из района гибели легендарного парохода. Активное участие в спасении полярников, в переброске их на материк принимали пограничники Чукотки. Вот что писала об этом газета «Известия» 1 мая 1934 года:

«На всем тяжелом пути самолетов группы Каманина, а также Голышева и Водопьянова пограничники показали высокий класс большевистской организованности, стойкости, дисциплины, подготавливая хорошие аэродромы, перебрасывая горючее в самые глухие места, встречая и отправляя самолеты, неутомимо готовя заботливую встречу героев-авиаторов, а также спасенных ими героев-челюскинцев.

Особо почетное место в этой огромной, отлично проведенной работе принадлежит пограничникам бухт Лаврентия, Дежнева, Провидения и Уэлена, которые все время были органическим центром замечательной операции».

Вот какую телеграмму послал пограничникам Северо-Востока летчик В. С. Молоков после окончания работ по спасению челюскинцев:

«Сегодня покинули пределы вашего отряда, сердечно благодарим за большую помощь отряда и комендатуры, без которой нам из этих мест, пожалуй, не удалось бы выбраться»*.

Другие летчики, пилоты-пограничники В. А. Шурыгин и А. А. Шестов за обеспечение надежной связи с лагерем полярников на дрейфующей льдине, за мастерское ведение ледовых разведок были награждены именным оружием. А начальнику морского контрольно-пропускного пункта бухты Лаврентия Д. В. Небольсину и начальнику контрольно-пропускного пункта мыса Дежнева Я. Г. Погорелову были вручены ордена «Знак Почета». Так был отмечен их вклад в организацию спасательных работ полярников, непосредственное и оперативное участие в госпитализации больных.

Вместе с товарищами, как и он, призванными на военную службу в Хабаровском крае, стоял молодой солдат у поручня, провожал глазами тающий в дымке Владивосток. Потом с удивлением рассматривал стальные тросы, которыми на палубе были накрепко привязаны тракторы. Неужто опасаются матросы, что качкой сдвинет тяжеленные машины? Глубоко в трюмах лежал и другой груз, предназначенный далекому, неизвестному Магадану.

Через несколько дней показалась чужая земля. Путь судна пролегал мимо, однако полагалось войти в местный порт на таможенный досмотр. Закон есть закон, экипаж беспрекословно впустил на борт японских таможенников. А те с нескрываемым презрением поглядывали на пассажиров и матросов, небрежно листали

* Боевой путь советских пограничных войск. М., 1967, с. 108.

судовые документы. Осматривая палубное хозяйство, представители страны Восходящего Солнца несколько раз пытались создать провокационные ситуации. Это не удалось — их придирки наталкивались на безукоризненную вежливость наших моряков. Разозленные «дети микадо» спустились в свой катер, тот очень быстро отчалил. Не успели матросы поднять трап, как... прямо на судно устремился японский крейсер, стоявший все это время неподалеку под парами. Лишь секунду длилась растерянность экипажа от такого «гостеприимства». Стальной нос серой громадины приближался, через поручни свесились японские матросы — они с интересом ждали, как сейчас разломится скорлупка маленького парходика. Но команда «Уэлена» сработала быстро и четко, судно успело отойти от страшного удара.

Однако опасность на этом для «уэленцев» не миновала. Уже в открытом море с обоих бортов внезапно всплыли две японские подводные лодки. Несколько миль они сопровождали пароход, постоянно демонстрируя торпедные атаки и другие приемы нападения. Хороши шутки, когда берегов не видно, да и где — в нейтральных водах!

Лодки скрылись, лишь когда в небе появилась вызванная по рации наша морская авиация.

А испытания дальневосточников продолжались. На судно налетел жестокий шторм. В первый же день волнами оборвало тросы на верхней палубе и смыло за борт всю технику. По настилу метался последний трактор, прикованный цепью за гусеницу. Сжавшиеся в отсеках люди вздрагивали от ударов тяжелой машины по тонким переборкам. Чтобы трактор не сделал пробойн, цепи пришлось обрубить — плотный шквал тут же унес его на морское дно... Капитан отдал было приказ бросить якорь, но и якорную цепь

пришлось обрубить, потому что поволокло судно в сторону чужой территории.

Одиннадцать суток продолжалась борьба людей со стихией. Два месяца длился путь «Уэлена» к магаданской земле. И вот, когда трап с судна был переброшен на причал, когда нога первого пограничника ступила на берег бухты Нагаева, Максим Журавлев сказал друзьям: «Пока из Магадана на материк железной дороги не проложат, я отсюда не уеду!»

Это была шутка. Однако он сдержал свое слово и на предложение в 1947 году перевестись служить в более благодатные края ответил отказом. Возможно, сыграла свою роль и супруга молодого начальника заставы, коренная жительница здешних мест... Да и сам М. М. Журавлев эти места уже считал родными. Как же иначе, если заставу, дома для комсостава строил собственными руками?

Со дня образования пограничных войск их бойцы обувались в сапоги. Даже в дни разрухи, когда солдатам Красной Армии приходилось носить обмотки, а то и лыковые лапти, молодое Советское государство выделяло пограничникам добротное обмундирование. В ответ на заботу народа пограничники удесътерили свои усилия в ратном, да и не только в ратном труде.

— Сами все оборудовали, — вспоминает М. М. Журавлев. — Перво-наперво сделали оборонительные сооружения — окопы, подземные переходы, огневые точки. Поставили вышку наблюдательную, определили пограничный участок. Принялись нести службу и одновременно строить заставу. Срубили казарму из лиственницы, склады. Начали подсобным хозяйством обзаводиться. Это обязательно, чтоб меньше у государства довольствия получать. Завели корову, свиней, своими силами заготавливали рыбу — для питания себе и собакам. Осенью ходили по ягоду на сопки. По соседству

колхоз располагался — мы им помогали рыбу ловить, сено косить. Конечно, продолжали каждый день нести службу и обучение стрельбе, политграмоте, тактике... В общем, охраняли рубежи, как полагается. Трудно было столько работать, везде поспевать, но мы не жаловались. На кого жаловаться-то, на народ? Так это мы и есть.

По сей день помнит Максим Макарович названия судов сторожевого флота тех мест. Вдоль берегов Тихого океана курсировали «морские охотники» «Киров», «Дзержинский», «Воровский», учебно-боевой корабль «Ворошилов» и две подводные лодки — «щуки». Пограничники побережья контролировали не только береговую полосу, но и прибрежные воды. Работы хватало. То и дело с наблюдательной вышки поступал сигнал: «Вижу объект». Наблюдатель семафорил флажками, его сигнал принимал воин у радиостанции и уже по рации вызывал ближайшего из «морских охотников». Пограничные сторожевики подходили к нарушителю и предлагали следовать за собой в бухту...

Начало Великой Отечественной войны грозно прогрохотало и здесь, на далеком от линии фронта Севере. В Охотское море нагло вторгся военный флот империалистической Японии.

Через 10 дней после нападения фашистской Германии на Советский Союз в Токио состоялось тайное совещание военной и политической верхушки страны. Император провозгласил: «Если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для решения северных проблем*». И вскоре у наших границ милитаристы сосредоточили 1 миллион 200 тысяч солдат и офицеров, 1000 танков, 1400 самолетов, 5500 орудий, мно-

* Внешняя политика Советского Союза. М., 1948, ч. 1, с. 460.

жество кораблей. Не на шутку считая себя хозяевами Тихого океана, японцы участвовали провокации на советской границе, чтобы вызвать повод для нападения. Излюбленным методом заброски шпионов была для «сыновей микадо» доставка их к советским берегам под видом рыбаков.

Вдвое усилили дисциплину и бдительность в эти грозные дни М. М. Журавлев с товарищами, втрое больше проливали они пота на учениях, вчетверо зорче стерегли границу. Застава перешла на военное положение, пограничники каждую минуту готовы были дать отпор врагу. Спали не раздеваясь. По команде «Тревога!» личный состав за считанные секунды преодолевал подземные ходы и занимал места в боевых расчетах. Стволы пулеметов, автоматов и винтовок глядели в сторону хищных низких силуэтов, уютившихся далеко в дымке морскую гладь. Но слабину противнику, демонстрирующему свое военное превосходство во флоте, пограничники не давали. Под прицелом пушек крейсеров и эсминцев пограничные сторожевики бесстрашно сопровождали «рыбачьи» шхуны, вторгшиеся в наши воды, в порт на досмотр.

«Заблудились», «Отказал двигатель», «Подвел мотор», — лицемерно сокрушаясь, объясняли причину нарушения границы капитаны японских судов. Но пограничников не удавалось сбить с толку. Они тщательно, умело осматривали трюмы, палубы и часто находили то, что искали.

— Доводилось и мне участвовать в досмотрах, — рассказывает М. М. Журавлев. — На заставе намаешься — ведь по двенадцать — четырнадцать часов в дозоре или секрете находишься, — а потом в порт помочь зовут. Конечно, никогда не отказывался. Находили разное на судах — оружие, литературу диверсионную, а то и лишнего человека в экипаже. На всякие хитрости они шли, чтобы шпио-

нов к нам забросить — в советскую военную форму переодевали, в местного жителя. А тут еще из тыла была опасность — бандиты объявились в тайге. Шли к границе с оружием, чтобы захватить какие удачи суда и сбежать за кордон. По пути уничтожали мирное население, отнимали продукты, одежду. Нас по тревоге подняли и в бой. Ликвидировали мы банду, но и с нашей стороны были потери. Ведь не ждали, что со спины на нас нападут.

Это происходило в 1942 году. И в то же время...

В ЭТОТ ДЕНЬ И ЧАС

Прибывший под Сталинград с дальневосточной границы младший политрук Дмитрий Яковлев сражался в составе 10-й дивизии 272-го полка. Он увидел, что прорвавшийся фашистский танк приближается к линии окопов. Со связкой гранат коммунист Яковлев бросился под танк, своим подвигом сохранив жизнь многим товарищам.

Дмитрий был одним из 82 тысяч пограничников, направленных в 1941—1942 годах на формирование частей регулярной Красной Армии. В течение же войны участвовали в боях с оккупантами 113,7 тысячи пограничников — 72 процента довоенного состава пограничных войск. Под Сталинградом он сражался в дивизии, состоящей полностью из пограничников, чекистов и бойцов внутренних войск. А рядом бились 79-й, 91-й, 98-й и 2-й пограничные полки. «Ни шагу назад!» — был тогда приказ Родины. Лишь с 23 августа по 8 октября 1942 года, согласно боевым сводкам*,

* Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов. М., 1968, с. 441.

10-й дивизией уничтожено 15 тысяч вражеских солдат и офицеров, 113 танков, 8 бронемашин, 2 самолета, 6 орудий, 138 станковых и ручных пулеметов, 51 миномет, 2 склада боеприпасов. 79-й погранполк охранял центральную волжскую переправу, по которой двигались наши войска. Во время особо ожесточенной атаки врага, усиленной бомбардировкой с воздуха, по рукам пограничников пошла записка: «Товарищи, умрем, но не пропустим фашистов к переправе!»

Успешные бои вели пограничники в те же годы на дальневосточных границах с союзниками гитлеровцев — японцами. Перед наступлением 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов наши пограничные войска ликвидировали 232 пограничных кордона японцев, 12 гарнизонов, 7 узлов сопротивления и заняли 125 населенных пунктов. Таким образом будущий тыл нашей армии был очищен от вражеской агентуры. А в городе Джалайноре были захвачены списки заброшенных на нашу территорию шпионов и лиц разведывательной сети. Пограничники действовали смело и решительно: группами по 35—40 человек они совершали операции по разгрому отрядов врага, захвату «языков», налетали на военные объекты. Благодаря их высокой выучке и умению, подрывная деятельность японцев у нас в тылу и на границе была предотвращена. И уже в первые дни войны с Японией погранвойсками был ликвидирован 241 полицейский отряд, 42 бандитско-диверсионные группы и 38 войсковых формирований. Потери милитаристов составили 4,4 тысячи убитыми и пленными. Пограничники разоружили 20 тысяч капитулировавших японских солдат и офицеров, задержали сотни вражеских агентов, захватили много оружия и боеприпасов*.

* Боевой путь советских пограничных войск. М., 1967.

На западных фронтах шли тяжелые бои. Красная Армия один за другим освобождала советские города, теснила фашистов к Берлину. Упорно сопротивлялись и японцы. Однако они не могли сдержать мощи наших войск, путь которым прокладывали пограничники.

За доблесть, мужество и героизм, проявленные в боях с самураями, были награждены орденами и медалями 3282 бойца пограничных войск от солдата до генерала. 14 пограничных отрядов, авиаполк, 2 сторожевых корабля и батальон связи также были удостоены орденов. Четирем пограничным отрядам были присвоены почетные наименования. Наши восточные границы остались неприкосновенны.

☆

Пограничнику М. М. Журавлеву были вручены медали «За победу над Германией» и «За победу над Японией». Дорогие награды потемнели от времени. А может быть, их блеск смыл солдатский пот, выел северный мороз? Но не тускнеют воспоминания ветерана пограничной службы. В поселке, где сейчас проживает М. М. Журавлев, сохранились остатки той, построенной им заставы, где прошел он путь от рядового до начальника.

Мы стоим у приземистого бревенчатого барака, долгое время служившего казармой. Вернее, возле половины барака — часть его уже снесена. Возле обнажившейся внутренней перегородки возвышается железная печка — большая бочка из-под горячего на каменной кладке. Представляю, как под свист пурги ее обступали бойцы: на плечи брошены шинели, протянуты ладони к малиновым металлическим бокам...

Бывшая казарма стоит сейчас в самом центре поселка. Вокруг

заставы, как вокруг очага, один за другим вырастали дома местных жителей побережья. За прошедшие годы их встало несколько сот. Почему местные рыбаки — орочи, эвены, якуты — строились непременно около заставы?

— Друзьями нас считали, защитниками — вот и держались к нам ближе, — говорит М. М. Журавлев. — Чуть в поселке беспорядок, даже скандал в семье — бегут на заставу управу искать. Новости узнать, радио послушать — снова к нам. Ну, и, конечно, сами нам помогали. Появился на побережье подозрительный человек, нам сразу сигнал. Мы меры принимаем срочные. Да... на праздники нас приглашали. Ни одни танцы без пограничников не обходились.

Ветеран задумчиво смотрит на домик возле бывшей казармы. Крепкий домик, для себя строил — в нем жил с семьей в те трудные годы. Домик и теперь служит людям, в нем расположен небольшой магазинчик.

— Рядом, вот здесь, — Журавлев поводит рукой, — наблюдательная вышка стояла. Тут окопы, огневые точки.

Спрашиваю его, хотя об этом может быть и не полагается:

— Не щемит у вас сердце, глядя на дом, на разрушенную казарму? Все же молодые годы здесь прошли.

Минуту Максим Макарович молчит, ему трудно ответить однозначно. Потом пожимает плечами:

— Как вам сказать — иногда щемит. А потом думаешь: хорошо, что старые бараки ломают. В новое время люди и жить в новых условиях должны. Нынешние пограничники живут разве так, как мы когда-то? У меня сын Владимир на границе служил, рассказывал, какая у них техника. Да я и сам видел — приглашали меня как ветерана перед молодыми воинами выступить.

Задаю коварный вопрос:

— А нынешнее поколение пограничников сильно отличается от вашего?

— Отличается,— не раздумывая отвечает М. М. Журавлев.— Я с тремя классами — меня грамотеем считали. Seriously. У нас такие бойцы были, что на первом году по неграмотности время на часах определить не могли. А теперь каждый с десятилеткой, а то и техникум за плечами. Политически грамотные, легко техникой овладевают. Но уровнем дисциплины, я скажу, мы им не уступали.

☆

...Жизнь идет, жизнь многое изменяет. Однако граница по-прежнему существует, потому что существует коренная разница между мирами — социалистическим и капиталистическим. И по-прежнему в наших водах на Охотоморье нет-нет да покажется «случайно» судно чужой державы. Это судно, как правило, оснащено мощными двигателями, современным навигационным оборудованием, электронной аппаратурой. Но объяснения капитана не отличаются новизной. Как и в далекие 30—40-е годы, звучат на иностранном языке все те же неубедительные оправдания: «Отказал мотор», «Сбились с курса», «Сломался руль». И так же, как в те годы, идет на Северо-Восточной границе служба.

...Шум многочисленных приборов обрушивается на человека, переступившего порог пункта технического наблюдения. В полутьме помещения светятся голубоватые экраны. Здесь — технические «глаза и уши» пограничников, ведущих наблюдения за участком суши и моря круглые сутки, в дождь и снег. Начальник всей сложной аппаратуры рядовой Олег Цыпленков.

— Вы и до армии работали с подобной техникой?

— Нет, овладел ею здесь. Ребята помогли разобраться, научили управляться с ней. У нас ежедневно проходят тренировки, отработки нормативов, дальнейшее изучение методов работы на аппаратуре. Так что мастерство свое мы повышаем постоянно, расслабляться себе не позволяем.

Познав секреты мастерства, Цыпленков взял под опеку только что прибывшего на заставу бойца. Такая традиция у пограничников: научился сам — помоги товарищу. Его подшефный — рядовой Владимир Бабчук рассказывает:

— Прибыл на заставу с Украины, из теплых краев, но не почувствовал растерянности. Ребята у нас дружные, сплоченные, сразу рассказали много о Севере. Служить здесь нелегко, но мне нравится. Не все сначала получалось, но Олег не жалел времени, чтобы научить меня. Теперь нормативы по работе с техникой, по огневой подготовке, тактике и следопытству сдаю на «хорошо» и «отлично».

Крепкая дружба спаяла ребят этой заставы. Из разных союзных республик, с разных концов страны прибыли они сюда. Сближает их чувство интернационализма, общее дело — защита своей Родины. Может быть именно здесь, на самой дальней от столицы границе, ребята по-настоящему понимают, что это такое — наша страна. Многоязыкая, для каждого своя, и в то же время единая наша Родина. Граница учит солдат защищать Отчизну, она же готовит их к мирной, гражданской жизни.

Из жаркого Казахстана приехал на Север Шакис Уруспаев. Он делится со мной:

— У нас, пограничников заставы, национальность разная, а цель одна: хорошо служить Родине. Сейчас — на охране границы, по-

том — в мирном труде. Мои друзья — Алексей Ушаков, Владимир Бабчук научили меня работать на РЛС оператором. Специальность эта радиотехническая, она мне пригодится и после увольнения в запас. А дружбу с ребятами я не хочу прерывать и на «гражданке».

Нынешний пограничник Севера — не просто ловкий, смелый, выносливый и хорошо знающий местные условия воин. Он еще политически зрелый, технически очень грамотный человек. Впрочем, эти качества присущи всем советским пограничникам, служат ли они на Севере или жарком Юге, ходят ли в дозор по горным тропам или густому лесу. Какая бы совершенная техника ни стояла на вооружении в пограничных частях, все же главной силой остается человек — рядовой боец, прапорщик, сержант, офицер.

...Мы шагаем по плацу, окруженному прочным забором. Удивительная штука — асфальтовый плац на вечной мерзлоте, и где — на отдаленной заставе. Начальник заставы Леонид Анатольевич Иванов одет в повседневную полевую форму, поэтому его сапоги ступают твердо, но не кокают. У каждого пограничника вырабатывается особый мягкий шаг, готовый мгновенно перейти в бег.

— Вот сюда прибыл я с девятнадцатью солдатами, и личный состав нашей заставы приступил к охране Государственной границы. Различные подсобные помещения пришлось, конечно, строить своими руками. Сначала из бревен, потом дерево заменили на камень. Материал носили с разрушенного рыбозавода, подбирали на берегу. И, конечно, одновременно строго несли воинскую службу. Охраняли порученный участок границы, проводили обучение солдат, сдачу нормативов, тренировки по физической подготовке, следопытству...

Леонид Анатольевич задумывается на минуту, пожимает плечами:

— Ну, 18 марта 1981 года получил орден Красной Звезды. Что еще про себя рассказать? Больше нечего...

В беседе с первым начальником заставы М. М. Журавлевым я обратил внимание, как хорошо он помнит даты событий, в которых принимал участие. Разговаривая с нынешним начальником этой же заставы, я уже не удивлялся. Профессиональная черта пограничника-кадровика — ясно, в четких деталях запоминать время и место важных ситуаций, в которых приходилось оказываться. Цепкая память и наблюдательность вырабатываются годами службы, многими и многими усилиями. Это относится и к физическому облику бойцов в зеленых погонах. Как и большинство пограничников, Л. А. Иванов подвижен, сухощав и жилист. Кажется, что он рожден для того, чтобы невидимкой лежать в секрете, бесшумно ходить в дозоре, совершать длинные и стремительные переходы по сопкам или болотам. Соблазнительно написать, что он с детства мечтал служить на границе и не представлял себя без военной формы. Эта фраза была бы весьма выгодной в создании его портрета. Но Леонид Анатольевич не простит мне неправды, потому что предельная честность — тоже профессиональная черта советского пограничника.

Его не баловала жизнь, и судьба складывалась, как у большинства представителей послевоенного поколения.

С детства узнал, что такое есть не досыта, донашивать чужую одежду. Со школьной скамьи пошел работать. Настал срок — отправился служить в армию. Отслужил три года срочной на границе и вновь вернулся в Ижевск, на родной автозавод. Судьба обычная, как у многих его друзей, как у большинства парней страны.

Однако не прошло и года, как уволенному в запас воину предложили пройти сверхсрочную службу. Вспомнил он своих товарищей, с которыми ходил в дозор, маленький уютный поселок

пограничников, где все друг друга знают, где каждый человек на виду. А ярче всего всплыли в памяти спортивные соревнования по лыжному кроссу. Лыжи Леонид любил, в армии не в диковинку ему были дистанции в 50—60 километров, как отличный спортсмен он пользовался известностью в округе. Одним словом, он снова оказался на границе.

Не прошло нескольких месяцев его работы спортивным инструктором, и лыжи пришлось связать. Направили его учиться на курсы младших офицеров в «безлыжный» край — в Казахстан. Вернулся с учебы — что ты будешь делать! — вновь попал служить на бесснежный участок. А организм, привыкнув работать «на больших оборотах», властно требовал нагрузки. Где взять лыжню? Как выражается сам Л. А. Иванов, ему удалось «выпроситься» служить на Сахалин. И там для него начались такие нагрузки, о которых он и не предполагал.

Чувство подлинной ответственности — это не подарок судьбы, который дан человеку от рождения или сваливается ему на голову внезапно. Понимание ответственности за себя, за людей, за происходящее вокруг — плод долгих, порой тяжелых сомнений и размышлений. Ответственность — результат честного разговора человека с самим собой, его честного труда.

Молодой офицер здесь, на самой удаленной от родного дома географической точке страны, почувствовал свою личную, огромную ответственность за его безопасность. И пришедшее чувство оказалось так велико, что заслонило собою легкоатлетические турниры, погоню за рекордами, чемпионские титулы... Все резервы своего организма, все возможности собственного «я» отдать делу — такая встала цель перед лейтенантом с новенькими погонами. А дело у него теперь было единственным — защищать Родину.

Началась упорная, изнурительная работа над собой. Чтобы приносить максимальную пользу стране, своему делу, нужно не только обладать стальными мышцами, но и много знать. С 1971 по 1974 год Л. А. Иванов работал замполитом одной из сахалинских застав. И все четыре года он ни на день не расставался с книгами, с учебниками. Читал утром, ночью, делал выписки, конспекты в свободные минуты, которых у замполита не очень много. Работал с таким напряжением, что теперь 60-километровый кросс считался отдыхом... В 1974 году Леонид Анатольевич поехал в Москву и сдал экстерном экзамены за все курсы пограничного училища.

С той поры прошли годы. Л. А. Иванов помнит свои бдения за письменным столом. Он помнит, как до красных пятен в глазах всматривался в борозды контрольной — следовой полосы во время дозора. По сей день ощущает в пальцах хрупкий стебелек травинки, которая скользит по натянутой вдоль полосы проволоки, невидимой в темноте. Он щедро делится опытом с молодыми бойцами, прибывшими с учебного пункта. Солдаты верят командиру, глубоко уважают его и стараются ему во всем подражать.

Мы идем с Л. А. Ивановым по казарме, он показывает помещения. Как-то не укладывается двухэтажное каменное здание в привычное представление о казарме. На столах — цветы, полы застелены дорожками, на стенах — эстампы. В учебных комнатах красочные средства наглядной агитации, чистота. Смотришь на бодрые открытые лица солдат, и у самого на душе становится веселее. Начальник заставы будто угадывает мои мысли:

— Ребята у меня отличные, на них и в бою, и в труде положиться можно. Например, прапорщик Петр Лектусаров с первого дня существования заставы здесь. Перед службой он закончил техникум, вот по его чертежам мы все здесь и строили. И продолжаем

строить. У нас возводится теплица, подсобное хозяйство держим, по лицензии ловим для своих нужд рыбу...

— А служба как идет?

— Как говорится, граница на замке. На сухопутной границе ты видишь противника, на морском участке дело обстоит сложнее. Кроме того, наш округ граничит с такой мощной империалистической страной, как США. Обострение международных отношений мы, пограничники, чувствуем особенно быстро. Взять хотя бы известный инцидент с южнокорейским самолетом — он нарушил границу не так уж далеко от нас. Но комсостав заставы старается так вести воспитательную работу, чтобы напряженная атмосфера не подавляла, а мобилизовывала солдат, будила их инициативу. Кое-что сделать удалось. На побережье в населенных пунктах уже не увидишь праздношатающихся лиц без документов. Наведен порядок в регистрации плавсредств, имеющих у местного населения. Без нашего разрешения уже никто не выходит в море.

Иному читателю последний факт может показаться не столь важным. Но контроль за выходом маломерного флота на участке заставы дает ощутимые результаты. Например, пограничникам удалось задержать некоего гражданина, пытавшегося уйти за границу с острова. На острове он подготовил бот, запасы воды, продуктов. Уже давно его разыскивал уголовный розыск.

Рассказал Л. А. Иванов еще об одном случае нарушения морской границы на его участке — на этот раз иностранном судном. Оно причалило к острову, и его первым заметили наши рыбаки. «Почему вошли в советские территориальные воды?» «О, случайно, потребовалось пополнить запасы пресной воды, а штурман сбился с курса». Тут же по радию был вызван пограничный корабль, который препроводил нарушителя куда следует. Надо сказать, что по-

граничники с пункта технического наблюдения неоднократно засекали суда юго-восточных «соседей». И вот ведь закономерность — их штурманы норовят сбиться с курса всегда в одном и том же месте...

Оба названных случая задержания прошли относительно спокойно — без лишнего шума. Но однажды пограничникам заставы пришлось обнажить оружие.

Говорит начальник заставы:

— В 23 часа ночи 15 октября 1977 года часовой заставы услышал донесшийся издали глухой выстрел. Через пятнадцать минут еще один. О стрельбе тут же было доложено дежурному и затем мне. По тревоге я поднял группу. Наша машина выехала из ворот, и вскоре мы увидели бегущего в сторону леса человека. С ружьем. Я дал команду, и группа стала действовать, как положено при задержании: отсекали подозрительного человека от леса, начали сжимать кольцо. Так как тот был вооружен, я приказал: «Оружие к бою». Но стрелять не пришлось. Увидев нас, он бросил ружье и поднял руки. Это оказался матерый преступник.

Автору этих строк известны и другие случаи, когда пограничники Магаданской области задерживали опасных преступников. Скажем, в 1983 году по дороге в местный аэропорт был арестован особоопасный уголовник, долгое время разыскивавшийся по всей стране. В распоряжении пограничников имелась лишь нечеткая фотография 3×4. Однако боец сумел опознать лицо бандита, на секунду мелькнувшее за ветровым стеклом автомобиля. Примеры, когда пограничные подразделения оперативно и успешно выполняли задачи, откликнувшись на просьбу органов милиции или гражданских властей, можно продолжить. Мне хочется подчеркнуть другое. Постоянная готовность помочь гражданскому населению, в любую минуту

защитить его, ярко проявляется в подобных ситуациях. Отправляясь по тревоге в путь, пограничники не считают, что совершают нечто героическое — они выполняют долг и не любят при этом произносить громкие слова. Не все из них знают, как проходила служба их дедов на этом же участке границы в 30—40-е годы. Однако они честной службой продолжают героические традиции старших поколений, и это — самое важное.

Бойцы заставы, о которой я рассказываю, крепко дружат с жителями близлежащих поселков, и это тоже продолжение давних традиций. Соседний совхоз почти ежегодно выращивает такие богатые урожаи картофеля, что на уборке своими силами просто не управиться. Пограничники не отказываются помочь: на поля выходят бойцы, выезжает часть техники.

С первого дня существования заставы бойцы взяли шефство над школьниками 5—8-х классов. Юные друзья пограничников частые гости не только на заставе, но и на стрельбище, на практике изучают науку охранять границу. Ребята словно к старшим братьям тянутся к бойцам в зеленых логонах. Впрочем, не только ребята. И не только для того, чтобы научиться ратному делу. Пограничники показывают хороший пример и в организации досуга. Без их инициативы, расторопности отдых в поселковом клубе не был бы таким веселым. Дело в том, что бойцы заставы создали кружок обучения игры на гитаре для местного населения. Мало по малу кружок сплотил любителей художественной самодеятельности. Появились свои чтецы, певцы, танцоры...

В тот вечер в клубе проходил концерт, подготовленный местным населением и личным составом заставы. В зале под гитары, баян звучали душевные песни. На сцену поднимались самодеятельные артисты — жители поселка, пограничники. Уже исчезла

грань между солдатами и тружениками совхоза — в клубе собрались добрые друзья, чтобы отдохнуть, поговорить. Иные бойцы сами до призыва работали на селе, сыновья многих жителей поселка служили в армии.

...Каков завтрашний день государственной границы, омываемой двумя океанами — самой удаленной от столицы нашей Родины и самой восточной в стране? Протянувшейся по самому сложному климатическому поясу и являющейся рубежом с самой мощной из противоположных нам по социально-политическому строю государств. Самой протяженной из очерчивающих единую административную единицу. Вода, суша, скалы и болота, тундра и тайга, вечная мерзлота...

Видимо, еще совершеннее станет техника, помогающая ее охранять. Конечно, главным стражем рубежей по-прежнему останется человек — пограничник. Сегодня он, возможно, обыкновенный школьник, студент, молодой рабочий, а завтра граждански зрелый, грамотный, отважный боец пограничных войск.

Мой последний вопрос Л. А. Иванову.

— Ваши сыновья как относятся к пограничной службе?

— Сыновей у меня двое — один старшеклассник, другой маленький. Уверен, что я не последний пограничник в нашем роду. Оба запоем читают рассказы о знаменитом Николае Карацупе. С детства им стараюсь разъяснить, что работа пограничника — тяжелый труд. Это, во-первых, огромная ответственность, и только во-вторых — романтика. А вообще, почетнее профессии, чем защищать Родину, на свете нет. И ребята, которым посчастливится служить на границе, понимают это очень скоро, быстрее, чем их сверстники. На границе мужаешь раньше, ведь за твоею спиной вся наша огромная страна.

Нариман Дадабаев

НА САМОЙ ВОСТОЧНОЙ ЗАСТАВЕ

В туман и в пургу, в шторм и ливень несут бесменную вахту пограничники самой восточной заставы нашей Родины на границе с Соединенными Штатами Америки. О них, о необычной судьбе острова Ратманова рассказывается в очерке, автор которого неоднократно бывал там.

В МЕТРЕ ОТ МОСКВЫ

У нас, на острове Ратманова, в разгаре новый день. А всего в четырех с небольшим километрах, в американском поселке Елике, что на острове Крузенштерна, был все еще день вчерашний: мы находились вблизи меридиана, разделившего землю на западное и восточное полушария.

— Про международную границу перемены дат, обозначенную на картах линией точек, — говорит начальник заставы старший лейтенант Александр Яковенко, — я объясняю молодым солдатам так. Если бы, говорю, житель Крузенштерна добрался через пролив к нам в понедельник, то на Ратманове он оказался бы во вторник, а через час-другой, вернувшись к себе, опять попал бы в понедельник.

Старший лейтенант Александр Яковенко ростом невысок, но крепко сбит, широкоплеч. Приятно смотреть на его подтянутую фигуру в хорошо подогнанной военной форме. Белоснежный подворотничок подчеркивает смуглость кожи. Взгляд темно-карих глаз внимательный. Собеседника Александр слушает не перебивая. Если же у него возникают вопросы, откладывает их на конец разговора. Неясностей и недоговоренностей не любит; если уж чем заинтересуется, то расспрашивает дотошно, с пристрастием.

Однажды он показал мне большую карту Севера нашей страны. — Подарок полярников. Где еще такую увидите?

Эта карта действительно необычная. На ней не было привычных цветов, которыми обозначают пустыни, горы, леса — желтого, коричневого, зеленого. Светло-голубой Ледовитый океан, оплетенный меридианами и параллелями, белые острова, причудливая линия тоже белого материка... Ратманов — маленький кружок у правого обреза карты.

— Сколько же километров отсюда до Москвы?

Александр достал линейку. На карте от Ратманова до Москвы получился ровно метр. Сто сантиметров вобрали в себя шесть тысяч четыреста восемьдесят километров.

В канцелярии начальник заставы отдавал боевой приказ дежурному по заставе, и вдруг я услышал:

— В случае начала подвижки снега вы обязаны подать команду: «Лавина!» Немедленно принять меры к выводу личного состава из помещения.

Одна из стен заставы выходила к крутому склону сопки. Вверху огромный снежный козырек. Однажды с него сорвалась белая глыба, и здание заставы оказалось засыпанным снегом под самую крышу.

В свой последний приезд на остров я спросил у нынешнего начальника заставы старшего лейтенанта Владимира Сучкова про этот коварный козырек.

— Теперь его нет,— сказал он.— Специалисты взрывами подчистили. А слово «козырек» в обиходе осталось. Сейчас это название носит вон та высотка.

В минуты короткого светового дня оживленно во дворе заставы.

Полярник Павел Николаевич Крылов снимал показания метеоприборов. Позже на телеграфном бланке он выпишет длинные колонки цифр про пургу и ветер, мороз и видимость в проливе. Потом цифры превратятся в точки, тире и улетят в эфир. Они помогут капитанам и штурманам теплоходов и самолетов, работающим за Полярным кругом.

На небольшой каменной площадке, засыпанной снегом, дочь начальника заставы маленькая Аленка, укутанная в черную пушистую шубку, пыталась что-то слепить из рассыпчатого снега. Около нее крутились два добродушных лохматых пса, Бек и Рюрик. Повар-хлебопек рядовой Сергей Попов заготавливал снежные кирпичи. Потом он растопит их в чугунных котлах, и будет вода к обеду.

Мы тоже решили воспользоваться светлыми минутами. С начальником заставы и рядовым Сергеем Ульяновым спешим подняться на наблюдательный пункт.

— С чего наша служба здесь начиналась? — переспрашивает Сергей.— С занятий «Подготовка личного состава к условиям пурги». Нет, оторванными от материка мы себя не чувствуем. А связь с Большой землей сержант Сергей Киреев по радио держит.

— А вдруг помощь медиков потребуется?

— Ну, у нас свой фельдшер — сержант Борис Лунгол... Кто

приезжает к нам, обычно еще спрашивает: «А если аппендицит?» А нас сюда без аппендиксов подбирают,— смеется Ульянов.

Сегодня с наблюдательного пункта американский поселок Елик не рассмотришь даже в бинокль: его прикрыла плотная завеса тумана. Видна лишь белая макушка мыса Всадник, поднявшегося из воды почти на двухсотметровую высоту. Укутан стывшим туманом и наш остров. Туманы здесь постоянны в любую пору года. Из-за них-то в биографии острова Ратманова есть и не совсем обычные строки.

ЗЕМЛЯ, ОТКРЫТАЯ ДВАЖДЫ

Хлопает входная дверь. Клубы морозного пара прихватывают ноги.

— На ужин, книгочек. Жена ждет,— командует с порога Павел Николаевич Крылов.

Можно не смотреть на часы. В двадцать два ноль-ноль, передав сводку погоды, полярник П. Н. Крылов приходит за нами. «А мы с Александром Яковенко сидим в библиотеке полярной станции. Кто и когда завез на остров тысячу редчайших книг? Трудно даже себе представить, что делали бы без них обитатели острова в длинные полярные ночи. Сначала мы искали в литературе просто упоминание о Ратманове, но потом работа увлекла нас: захотелось узнать его биографию от первой строки до последней.

...Капитан «Святого Гавриила» Витус Беринг самые сокровенные тайны души своей доверял лишь святому Диомиду, по семейному преданию благоволившему к тем из Берингов, кто отправлялся в далекие и опасные морские плавания.

Оставшись один в тесноватой каюте, командор долго молился при неровном свете сальной свечи. Он просил святого Диомида быть свидетелем его отчаянных, нечеловеческих усилий выполнить повеление Петра I. Поклоны святому Беринг отбивал не напрасно: за нерадивость при исполнении царских указов Петербург взыскивал строго.

Отдав положенное молитвам и отхлебнув перцовой из большого кубка, командор склонился над картами и бумагами, грудями лежавшими на столе.

Бумаги, карты... Царский указ предписывал ему, командору Витусу Берингу: «На Камчатке или другом месте сделать один или два бота с палубами, на оных ботах идти возле земли, которая идет на Норд, ...и для того искать, где она сошлась с Америкой».

Под указом подпись и дата — 23 декабря 1724 года. На календаре 1728 год. Бот «Святой Гавриил» построили. Мелькнула мысль: нужно бы назвать его «Святым Диомидом», тогда были бы в путешествии счастливее...

Вышли из устья Камчатки 13 июля 1728 года. Двинулись на норд. Как бы там трудно ни было, а положили на карты заливы Святого Креста, Преображения, остров Святого Лаврентия. Ушли еще севернее, а вот выяснить главное — сошлась ли Азия с Америкой — оказалось не так-то просто. Густые туманы встали на пути.

Идти дальше? Алексей Чириков настаивает на этом. Беринг перелистал страницы своего дневника. Взгляд задержался на записи, сделанной со слов чукчей: «Земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы и всюду прилегло море». А найдешь ли в тумане эту Колыму? Беринг открыл чистую страницу дневника и решительно вывел: «Земля более к Северу не простирается».

Утром последние строки дневника стали приказом командора

о возвращении на Камчатку. Через несколько часов «Святой Гавриил» бросил якорь меж двух суровых скалистых островов. Неизвестные земли после торжественного молебна по распоряжению Беринга нарекли именем Святого Диомида.

Пройдет немало лет, прежде чем эти острова получат нынешние названия. И опять перелистаем несколько страниц истории, имеющих самое непосредственное отношение к нашему рассказу.

7 августа 1803 года под гром орудий Кронштадтской крепости в первое кругосветное путешествие ушли русские корабли «Надежда» и «Нева»: флагманом командовал Иван Федорович Крузенштерн, а старшим офицером парусного шлюпа был участник морских сражений на Балтийском, Черном и Адриатическом морях Макар Иванович Ратманов. Нельзя не упомянуть еще про одно обстоятельство, сыгравшее впоследствии немаловажную роль. По просьбе известного в ту пору писателя Августа Коцебу в экспедицию был взят его сын морской кадет Отто Коцебу. Спустя годы он сам возглавит две кругосветные экспедиции на кораблях «Рюрик» и «Предприятие». Он-то и увековечит имена славных русских моряков, участников первого кругосветного плавания.

Случилось это в 1816 году. Почти на шестисотый день похода увидел Отто Коцебу в Беринговом проливе два острова. И по доброй традиции, в память о старших товарищах, назвал их Крузенштерном и Ратмановым.

Прошли годы, курсы других кораблей пролегли в этих местах, но остров моряки не обнаружили. Посчитали, что О. Коцебу принял за землю облака густого тумана. Прошло еще немало времени, прежде чем восторжествовала честь мореплавателя и знаки вопросов рядом с названиями островов на морских картах были сняты. Не затерялись эти небольшие островки среди сотен других, откры-

тых русскими исследователями Мирового океана. И не только не затерялись, но и удостоились чести быть упомянутыми в высоких государственных документах.

**Из «Договора
между Соединенными Штатами Северной Америки
и его Величеством Императором Всероссийским,
заключенного в Вашингтоне 30 марта 1867 года»**

Пункт о границе сформулирован в статье первой: «Западная граница... проходит через точку Берингова пролива, находящуюся под 65-м градусом 30-тью минутами северной широты, у пересечения с меридианом, проходящим по середине между островом Крузенштерна или Игмалуг и островом Ратмановским или Нукарбуским и следует прямо к северу, без ограничения, в тот же Ледовитый океан. Та же Западная граница, начиная с той же исходной точки, следует оттуда по направлению почти прямо юго-восточному, через Берингов пролив и Берингово море, так, чтобы пройти по середине между северо-западной оконечностью острова Св. Лаврентия и юго-восточной оконечностью Чукотского носа...»

Так более ста лет назад невидимый меридиан стал границей между двумя великими державами. Меридиан разлучил острова, поделил земной шар на Восток и Запад, на день вчерашний и день сегодняшней.

Павел Николаевич в нетерпении топчется у порога.

— Ну, скоро вы? — спрашивает он. — Пельмени по-ратмановски пробовали? Нет? Ну то-то... Собирайтесь, собирайтесь.

— Идем-идем, — отвечает Александр и продолжает свою мысль: — Что же получается? Заполучив Аляску и русские владения в Калифорнии, американцы затем потянулись и сюда, через границу.

Из материалов по туземному вопросу на Дальнем Востоке

По официальным данным США, американские шхуны с 1873 по 1903 год добыли в русских водах китового жира и уса на сумму около 50 миллионов золотых рублей.

Из отчета Камчатского окружного ревкома

Только один американский торговый дом «Гутчинсон, Кооль и К^о» за 1871—1900 гг. истребил на Командорских островах свыше миллиона голов морских котиков.

Из донесения Камчатского военного губернатора

1916 год. «По побережью бухты Провидения, мыса Дежнева в 25 селениях по случаю упадка промысла моржей начался голод, чукчи питаются ремнями. Главная причина — массовое истребление моржей у наших берегов американскими хищниками. В 1913 году каждая шхуна, промысля до 12 тысяч моржей, пользуясь клыками, кожей, жиром, выбрасывает мясо в море».

— А вот снимок американского медного знака, — продолжает горячо Яковенко, — обнаруженного уже в советские годы в бухте Провидения. Вот что было написано на нем: «Станция магнитного наблюдения и геодезических измерений побережья Соединенных Штатов. За справками обращаться в Вашингтон. За снятие этого знака — штраф 250 долларов или тюремное заключение».

Какая наглость!

«Известия», 16 декабря 1924 года.

Из «Протеста против нарушения суверенитета СССР»

«Решительно протестуя перед правительством Соединенных Штатов Америки против таких незаконных поступков его должностных лиц, не различающих, где кончается территория их государства и начинается территория другой суверенной страны, считаю долгом отметить, что подобное нарушение законных прав СССР, если таковые нарушения повторяются, будут решительно пресекаемы... Народный комиссар по иностранным делам СССР Чичерин».

Характерная деталь: некоторые наряды в зимнюю пору (а зима здесь девять месяцев в году) уходят в дозоры в полном альпинистском снаряжении. В летнюю же пору пограничные наряды идут с рюкзаками. В них — уголь. Его заготавливают для зимних обогревателей, установленных вдоль дозорных троп. Но отличаются ратмановские солдаты не только выносливостью.

— Каждый солдат,— рассказывает старший лейтенант Владимир Сучков,— умеет по звуку высоко летящего самолета определить его принадлежность, скорость и направление движения. Знают пограничники и о времени торошения льдов в проливе и о господствующих ветрах, течениях, которые подходят к острову.

Всему этому учат не напрасно.

Из истории заставы... Пограничный наряд во главе с коммунистом ефрейтором Николаем Русановым двигался по заданному маршруту, внимательно осматривая с обрывистого берега узкую прибрежную полосу. Среди валунов ефрейтор заметил два небольших предмета. Русанов доложил об этом на заставу и попросил разрешения спуститься по скалам к воде. Такое разрешение выдается в исключительных случаях, а случай был не совсем обычный, и начальник разрешил. Подстрахованный товарищами, ефрейтор по канату спустился к воде. Оказалось, что течением к берегу прибило два целлофановых пакета с жевательной резинкой и идеологически вредной литературой.

Из истории Кенигсбергского ордена Красной Звезды пограничного отряда. 1953 год. Остров Ратманова. Пограничный наряд в составе старшего пограннаряда сержанта Ланкина, сержанта Ильенко, рядовых Миронова и Жукова задержал гражданина США Сесила Августа Стоунера, нарушившего Государственную границу на надувной весельной лодке. На допросе Стоунер показал, что перед заброской в Советский Союз прошел специальную подготовку. Перед ним ставилась задача: в туман высадиться на остров, а затем пробраться на материк.

Еще в Уэлене мне довелось побывать в известной косторезной мастерской имени талантливого чукотского мастера Вуквола. В воскресный день в музее было малоллюдно, и мы с мастером Наташей Хухутан не спеша переходили от экспоната к экспонату.

Чего здесь только не было!

И вдруг я увидел летящую по снежному насту собачью упряжку. На ней колхозники и пограничники. В скульптуре передана кульминация сюжета. Нарушитель уже где-то рядом: еще мгновение — и враг будет взят. Здесь же гравюра — «За нарушителем».

— Автор — наш главный художник Иван Иванович Сейгутегин,— с гордостью сказала Наташа.

Иван Иванович... А помнят его на Чукотке и рядовым, каюром пограничной заставы. У Ивана была самая сильная собачья упряжка с легкими нартами. Когда море не пускало суда к берегу и не мог подняться в воздух самолет, рядовой Сейгутегин выезжал на задание со своими собаками. Службу он закончил старшим каюром, отличником боевой и политической подготовки. В том же году на смену собачьим упряжкам, которые долго и надежно служили пограничникам, пришла современная техника. А Иван вернулся в родной Уэлен и стал резать из кости миниатюры. Его композиция «Возвращение с ярмарки» побывала в Монреале на Всемирной выставке, получила золотую медаль. Рядом с этой медалью заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина Иван Сейгутегин хранит и другую награду — медаль «За отличие в охране Государственной границы СССР». Заслужил Иван Иванович пограничную награду, возглавляя добровольную народную дружину, которая в любое время дня и ночи готова помогать пограничникам.

На остров Ратманова два пути. По морю и по воздуху. Откровенно говоря, ненадежны на Севере эти дороги. А потому и объявляется на острове аврал, когда приходит судно с топливом и продуктами, со всем тем, что необходимо островитянам на долгую зиму.

Теплоход «Ульяновск» остановился в пяти кабельтовых от берега. За пять дней, помимо других грузов, нужно было перевезти на берег двести тонн угля, а это 4000 пятидесятикилограммовых мешков. Начальник заставы старший лейтенант Александр Яковенко и старший сержант Михаил Карманов, казалось, рассчитали все. Для понтонов у крутых скал солдаты подготовили причал, отремонтировали подъемники, заново перестроили угольный склад. Каждый день работы рассчитан по минутам. Разгрузку начали с раннего утра. В первый день сделали столько, сколько и намечали. Но на следующее утро заштормило, радио передало о циклоне, который через три дня должен подойти к Берингову проливу.

Начальник заставы и старшина поздним вечером пересматривали график работ. Вдруг в канцелярию вошел ефрейтор Леонид Тузиков. «У нас есть предложение», — сказал он.

Заключалось оно в том, что каждый комсомолец решил за счет своего личного времени работать на причале. Молчит начальник заставы, молчит и старшина. Истолковал это Леонид по-своему, начал убеждать их, что все это под силу солдатам. Напомнил, как по своей инициативе комсомольцы ефрейторы Павел Шейко и Владимир Сидоров строили причал, как опять тот же Николай Русанов изучил дизель, чтобы в дни разгрузки у старшего дизелиста-электрика ефрейтора Владимира Мирошниченко подмена была. Сказал и о том, что с обязанностями повара на это время управится один ефрейтор Анатолий Агарков, а рядовой Сергей Попов сможет работать на угольном складе.

Те три авральные дня остались в памяти у многих. Звенели лебедки на «Ульяновске», сильные прожекторы указывали понтонам дорогу между скал. Залит светом и причал. Постарался тогда и начальник радиостанции сержант Сергей Киреев. По просьбе лучших грузчиков, как объявлял он по радио, регулярно передавались концерты по заявкам. Каждые восемь часов выходил «Боевой листок»,

который выпускал редактор стенной газеты «Пограничник Ратманова» ефрейтор Петр Окишев. И ничего, что порой листы ватмана были перепачканы углем: редактор работал вместе со всеми. Четыре тысячи мешков с углем и остальные грузы были перевезены на остров досрочно. «Ульяновск» до начала циклона ушел в открытое море...

ДО ТРОЙМЕЗИ — РУКОЙ ПОДАТЫ

На Ратманове нет дорог. Есть дозорные тропы. И все они начинаются у столба со стрелками: «Москва — 6480 км, Троймези (ЧССР) — 8360 км». Устанавливали его ефрейтор Владимир Сидоров и рядовой Геннадий Швецов. Было это в феврале 1974 года.

В тот день вместе с фотокорреспондентом прапорщиком Григорием Бибином мы привезли из Москвы на остров письмо ратмановцам от пограничников с чехословацкой заставы Троймези. Вечером решили обсудить его на комсомольском собрании.

Собрались пограничники в ленинской комнате. Солдаты в парадной форме, начищены знаки отличия, отутюжены стрелки на брюках. Начальник заставы старший лейтенант А. Яковенко, волнуясь, зачитывает письмо от братьев по оружию:

«Мы гордимся тем, что наша застава входит в число лучших застав пограничных войск Чехословакии. Мы добились отличных результатов в охране рубежей родины. Уже несколько лет никому не удается безнаказанно нарушить охраняемый нами участок.

Мы обращаемся к вам, боевые друзья, с предложением установить дружеские контакты между нашей заставой — заставой пограничных войск ЧССР на западной границе социалистического содружества и вашей заставой Пограничных войск СССР на Крайнем

Северо-Востоке. Мы убеждены в том, что, несмотря на тысячи километров, разделяющие наши заставы, у нас много общего, мы со всей ответственностью и решимостью будем выполнять наш интернациональный долг».

— Кто желает высказаться? — спросил начальник.

Одна за другой поднимаются руки. Выступают рядовые Василий Шевердин, Владимир Звягин, Сергей Ульянов... Каждое выступление — это рассказ о заставе, товарищах, о себе. Владимир Звягин, например, сказал:

— Я буду говорить от имени первогодков. Наша заставка тринадцатый год отличная. У нас нет безнаказанных нарушений границы. Солдаты моего призыва дают слово сохранить за заставой звание отличной.

Молодежь дружно поддержала это предложение.

— А еще вот что хочу сказать, — поднялся Геннадий Швецов, — давайте установим столб с указателями, чтобы понятно было, сколько километров придется лететь к нашим друзьям.

— Смотрите-ка! Он уже и в гости собрался.

— А что? — не унимался Геннадий. — Пригласят — полетим.

За столб были все. Делали его под присмотром Григория Бибики. А мы с начальником заставы, обложившись картами, высчитывали расстояние от Ратманова до Троймези. У нас получилось 8360 км. Так на табличке и написали. Утром столб вморозили в снег.

Через несколько месяцев в Москве я встретился со старшим лейтенантом А. Яковенко. Спросил его про ратмановские новости.

— Помните про столб? — улыбнулся Александр. — Вскоре после вашего отъезда мы получили ответ из Чехословакии. Ефрейторы Франтишек Чижек и Вацлав Кленк писали, что такой же указатель они установили у себя на заставе. А наш повар-хлебопек Сергей

Попов получил от повара с Троймези ефрейтора Пиштора даже телеграмму с просьбой: «Дорогой Сергей, друг и коллега! Вышли мне срочно рецепты украинского борща, макарон по-флотски и пельменей по-сибирски». Ответы писали всей заставой.

И вот новая встреча с Ратмановым.

— Убрали? — спросил я у начальника заставы Владимира Сучкова, не обнаружив столб на старом месте.

— Что вы? — удивился старший лейтенант. — Мы перенесли его к посту технического наблюдения. Теперь он ближе к границе. Столб замечательный. Вон сколько на нем указателей: расстояние до Петропавловска-Камчатского, до Северного полюса и даже до Звездного городка. Без фотографии у столба ни один солдат домой не уезжает. А с чехословацкими пограничниками мы переписываемся по-прежнему. В ленинской комнате установили специальный стенд, посвященный боевым делам чехословацких пограничников.

Из истории пограничной заставы Троймези ЧССР. В 1948 году в дремучем лесу собственными силами пограничники построили заставу. Это был период, когда обстановка на чехословацкой государственной границе из-за враждебных действий западных империалистических государств была особенно напряженной. Только в первое десятилетие был задержан 361 нарушитель. Среди них — 27 профессиональных шпионов. Но и в последующие годы на западном форпосте социалистического содружества обстановка не стала менее напряженной.

Однажды пограничный наряд в составе рядовых Прашила, Крайнера и Сподняка с собакой Бигой задержали троих нарушителей, пытавшихся переправить в ФРГ фотографии чехословацких военных объектов.

Плачевно окончилась и попытка пяти нарушителей нелегально перейти границу. Сразу же, как только обнаружили следы, были высланы тревожные группы, выставлен заслон. Нарушителей задержал наряд во главе с офицером Сладечным.

А в канун 1978 года из Чехословакии пришла телеграмма: ратмановцев приглашали в Троймези. Было принято решение: поедут начальник заставы капитан Виктор Сергиенко и секретарь комитета ВЛКСМ ефрейтор Валерий Климов.

РАССКАЗ КАПИТАНА ВИКТОРА СЕРГИЕНКО

Поздним вечером поезд Москва — Прага подошел к границе. Стук в дверь. Открываю. В коридоре пограничный наряд. Приготовили, как положено, документы. А офицер взял под козырек, говорит: «Рады приветствовать на чехословацкой земле дозорных острова Ратманова. О вас запрашивали из Праги. Ждут! Счастлива следовать!»

Утром мы были в столице ЧССР, а оттуда — в Троймези. С начальником заставы Троймези Антонином Хорватом мы были знакомы заочно: переписывались. Теперь, при встрече, мне было приятно рассказать друзьям, что наша застава в семнадцатый раз добилась звания отличной, что в нашем пограничном отряде, напугавшая молодое пополнение, обычно говорят: «Служите, как ратмановцы, стреляйте, как ратмановцы». Ну, а потом я преподнес друзьям наши полярные сувениры — сбрую для собачьих и оленьих упряжек из шкуры нерпы, клык моржа с орнаментом, выполненным уэленскими косторезами. А какой восторг вызвал у наших друзей трехметровый китовый ус! Он тут же был водружен на видное место.

Беседы с чехословацкими друзьями были душевными. Заместитель начальника заставы по политической части Клад Роман говорил: «В своей работе мы опирались и будем опираться на пример советских пограничных войск, на нашу дружбу. А в том, что она крепкая, вы убедитесь».

Ну и, конечно, самой памятной для нас стала встреча с Густой Фучиковой, женой отважного коммуниста-интернационалиста Юлиуса Фучика. Вместе с ней мы побывали в Пражском Граде, у могилы Неизвестного солдата.

Навсегда останутся в памяти и дни пребывания в Москве, где мы были гостями начальника ордена Ленина Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Георгия Тимофеевича Берегового. При встрече он сказал: «Остров Ратманова на самом краю нашей Родины. Звездный — на самом краешке Земли. Ведь отсюда люди отправляются в космические дали. Не роднит ли нас это? Дружба пограничников с космонавтами уже традиционна. А хорошие традиции тогда хороши, когда они постоянно поддерживаются».

Перед расставанием Георгий Тимофеевич подвел нас к карте, отыскал остров Ратманова.

— Вот здесь вы служите,— сказал он.— Расстояние от острова до чехословацкой заставы, где вы гостили, космический корабль пролетает примерно за восемнадцать минут. Так что, как видите, не так далеко от Ратманова до Троймези, как говорится, рукой подать. Мне очень понравилась ваша фотография с указателями на столбе. Я, конечно, не могу вам приказывать,— пошутил генерал Береговой,— но прошу, напишите на указателе: от Ратманова до Звездного столько-то километров. По моему, после вашего визита к нам это будет справедливо.

☆

На большой карте Севера нашей страны нет привычных цветов — желтого, коричневого, зеленого. Светло-голубой Ледовитый океан, белые острова, причудливая линия тоже белого материка...

Ратманов — маленький кружок белого островка у правого обреза карты. Не затерялся он среди сотен других островов, открытых русскими мореплавателями. Его биография вобрала в себя и страницы истории нашей Родины с судьбами многих, многих людей.

С острова Ратманова начинается Советская земля. С него начинается отсчет нового, советского времени.

Зоя Ненлюмкина

ДРУЗЬЯ С ЗЕЛЕНЫМИ ПОГОНАМИ

В былые времена самым страшным временем года для коренных народностей Чукотки считалась осень. Эту пору эскимосы называли «Пора коротких дней». Но вот пришла Советская власть на нашу студеную землю, и, как выражалась моя прабабушка, наступила навсегда Пора длинных дней. Пора, которая принесла свет, тепло, удачу человеку...

Нет, не по кинофильмам и книгам мы, дети, выросшие на пограничной заставе, полюбили защитников Родины. Без преувеличения скажу: путь наш от яранги до деревянных домов с электрическим освещением прошел под знаком заботливого внимания наших шефов — пограничников. С ними пришла новая жизнь на нашу землю.

В нашем древнем эскимосском селе пограничники были во всем примером для коренных жителей. Мой дедушка, выдвинутый односельчанами на пост председателя сельского Совета, вспоминал: стоило ему сказать землякам, какие журналы или газеты он видел у начальника заставы, как всем колхозникам тотчас же хотелось выписывать именно эти газеты и журналы. Аккуратная выправка бойцов убедительно показывала нашим землякам — новый человек должен быть собранным, культурным.

1957 год. К Дню Советской Армии нам задали по родной речи выучить наизусть стихотворение «Наша Советская Армия». Мне всего семь лет. Я повторяю наизусть: «Наша армия родная...», — но не могу сосредоточиться. Вижу на картинке советского воина в каске. Мне не нравится его каска, потому что в кино видела стреляющих фашистов в касках. Советский солдат, по-моему мнению, другой. Ведь мы, ребята, видели часового-пограничника в шапке-ушанке зимой или же в зеленой фуражке — летом. Очень хочу, чтобы солдат в моем учебнике был в такой вот — мирной, зеленого цвета фуражке. Захлопываю учебник, прикрываю глаза и пытаюсь представить его не в каске, а в пограничной фуражке...

В поселке, где мы жили, слово «застава» эскимосы произносили с огромным уважением. В слове «солдат» для всех нас воплотились образы людей, принесших новую жизнь, культуру моему народу в те, казалось бы, не такие уж далекие годы. Ни одно мероприятие в поселке не проходило без участия пограничников. В праздники битком набивалось народу в семилетнюю школу нашего села. А такого радостного праздника, как встреча Нового года с елкой, с хороводами, песнями, в селе, конечно, раньше не было. У эскимосов вообще до революции было мало праздников. В последний месяц сидячего солнца, это приблизительно декабрь, праздновали «Полъя», что дословно значит в переводе с древнего языка «Танцы». Но с той интонацией, с какой это слово произносилось, оно означает «Большие танцы, от веселья даже страшноватые». Причем праздновали «Полъя» только тогда, когда удавалось какому-то роду загарпунить кита. А если последний месяц осени «пуруг'нег'вик» оказывался неудачным, праздника вовсе не было. Старики в таких случаях пребывали в мудром молчании. А молодежи было грустно. Нам хотелось веселиться.

В моем детском воображении тесно переплелись зелень поганов наших шефов и зелень новогодней елки. Красивой и большой, которую каждый год ставили в здании семилетней школы. Елку делали из канатов. Распущат кусочек, как ветку ели, потом покрасят зеленой краской и накрутят на проволоку. Русские учителя объясняли суть празднования Нового года. Наш учитель эскимос Василий Иванович Емрон предложил: «Давайте изготовим маски, какие делали предки на наших древних праздниках. Это делается легко: глина, кровь морского зверя и топленый жир». Конечно, тогда не было красивых готовых костюмов или масок в магазинах. Только для школы с помощью бойцов заставы привозили игрушки, елочные украшения, которые мы очень берегли. Воины, охраняющие мир на нашем берегу, казались нам волшебниками, когда при помощи движка зажигали разноцветные лампочки на елке. А мы, водая хоровод вокруг елки, громко кричали: «Зажгись, елка! Елочка, зажгись!» Взрослые подхватывали наш клич, простодушно полагая, что если они прибавят свой голос, будут причастны к чуду.

Все, кто собирался на праздник в школе, любовались нашими молодыми, красивыми шефами, которые учили нас прекрасному, доброму. Вот закружилась пара вокруг елки. Это офицер-пограничник пригласил нашу учительницу по пению Галину Александровну Белоногову на вальс. Школьники и взрослые, затаив дыхание, с восхищением смотрели на танцующих. И конечно же, всем зрителям казались самыми нарядными на свете крепдешинное платье учительницы с причудливыми узорами на белом поле и ее брошка «колокольчики». Точно такие цветочки растут на окраине нашего села в месяц цветения природы, в середине полярного лета. Женщины-эскимоски удивляются: «Надо же, какое чудо придумали русские — зимой невянущие цветы на платье!» Одна эскимоска от вол-

нения проронила: «Нельзя ей так резко кружиться, вдруг цветочки упадут!» Но дети-то уже знают, что брошка — украшение к одежде, напоминание о лете зимой — маленькое счастье для женщины. Надо было видеть, с каким восхищением дети следили за плавным танцем людей, ставших для молодежи села идеалом. Девчонки тайно мечтали быть похожими на учительницу. А мальчики, несомненно, видели себя в будущем такими, как пограничник...

Однажды в зимнюю ночь, как только затихла долгодневная пурга, к нам в ярангу постучали. Дедушка, зверобой, оглушенный шумом моря и всегда громко говоривший, спросил, приподняв пол: «Саугак'а?» («Что там такое?») В ответ послышалась русская речь. Мы, дети охотника, хорошо знали, что по пустякам ночью не станут тревожить, значит, что-то произошло в селе. В те послевоенные годы на Чукотке, как и по всей стране, было трудно. Некоторые коренные жители, старавшиеся жить по старинке, сильно сопротивлялись наступлению новой жизни. Но были и сознательные, как мой дедушка, сразу понявшие большую пользу новой жизни для нашего народа.

В ту тревожную ночь, когда дедушка услышал русскую речь за порогом ук'атак'а (маленького коридорчика холодной части яранги), он быстро встал и оделся, как он это делал весной, когда его будили рано утром перед охотой на моржей. Крича на ходу что-то полурусское-полуэскимосское, дедушка Тынетегин пошел отпирать дверь.

Гость рассказал, что в сильную пургу молодые ребята с пограничной заставы потеряли дорогу обратно в село. И вот уже несколько дней от них нет никаких вестей. Надо помочь пограничникам: на собачьей упряжке поехать на поиски.

На заставе тогда служил парень-чукча. Дедушка Тынетегин

имел много друзей среди оленных людей. Люди, с рождения живущие на Чукотке, очень хорошо знали друг друга, и было бы неприличным, зная превосходно чукотский язык, не спросить, чей он сын, как зовут его отца? Когда Тынетегин впервые увидел чукчу-пограничника, то заговорил с ним по-чукотски. Парень ответил. Дедушка спросил у него сочувственно: «Наверное, тебе иногда хочется нашего национального блюда поесть?» Парень сначала засмутился, ведь он прежде всего солдат. Но потом сказал откровенно: хочется. Дед заулыбался, похлопал его по плечу и бодро сказал: «Приходи к нам всегда, когда тебя будут отпускать. Вон моя яранга». Впоследствии этот чукотский паренек начал ходить к нам. Бывало, как зайдет в холодную часть яранги, соблюдая обычай северных жителей, затопает своими валенками или сапогами о земляной пол, а из полога спрашивают: «Кто там?» Он в ответ: «Гым гуай» — («Это я»). Так мы его и прозвали — Гым Гуай. И восхищались: он, наш земляк, защищает Родину.

А когда ребята с заставы заблудились в сильную пургу, Гым Гуай порекомендовал командиру моего деда как опытного проводника собачьей упряжки. Оказывается, ребята выехали на лыжах на учебный маршрут, отошли порядочно от села, и вдруг началась сильная пурга. Пурга на Чукотке так жестока, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно...

Помню, как, возвратившись в ярангу, дед, обычно громкоголосый, тихим голосом попросил у бабушки. Мы смотрели на деда и ждали, что вот сейчас он скажет что-то важное. И дед заговорил, поминутно вытирая неудержимые слезы: «Много красивых, молодых замерзло насмерть. Одного совсем занесло снегом, только одни лыжи торчали. Будь проклята такая пурга! Мы с капитаном ехали в моей нарте с надеждой, что хоть кто-то из них жив, просто

обморожен, пока не доехали до этого места...» Тут у деда подступил комок к горлу. Он плакал, не стесняясь своих слез. Бабушка, много раз за долгую жизнь видевшая смерть своих родственников, сочувственно молчала. Она знала, что после слез ему полегчает. Ей, как и нам, было очень жаль красивых и молодых ребят. В наших ушах будто звучал голос капитана: «Ну, что поделаешь, Тынетегин...» Капитан старался вести себя хладнокровно. Дед сильно растерялся и взглядом словно давал понять русскому солдату, что он просит прощения за суровость природы своего края. Ведь в мирные дни, не от пуль врагов погибли чьи-то дети, которых ждут дома... Когда нарты дошли до заставы, капитан тоже не смог сдерживать чувств. Он отказался от приглашения пообедать и долго стоял на крыльце один...

Эти люди с зелеными погонами всегда остаются нам родными и близкими, как остается родным место, где стояло наше старинное селение. Нашим древним предкам тоже приходилось защищать его от иноземных племен. Предание гласит: моим пращурам-односельчанам надоело умирать, и однажды они проучили врагов. Когда воинственные враги показались из-за мыса, эскимосы начали петь и танцевать, нарядив в яркие одежды даже камни. Враги тогда убрались восвояси, сказав: «Нет, мы этот народ не сможем победить. Очень уж он веселый и жизнерадостный».

Пограничники первыми в нашем районе организовали музей, рассказывающий о Чукотском крае, его нелегком пути от прошлого к сегодняшним дням. А ведь и самим бойцам приходилось тяжело.

Помню погожий летний день. Светило яркое солнце, но дул сильный ветер, поднимающий высокую волну с белыми барашками. Охотники остановились на берегу. Бабушка ворчала на деда: «Что все высматриваешь? И простым глазом видно, что погода не для

выхода в море. По хозяйству делай что-нибудь!» Дедушка не хотел ее слушать, все смотрел на море в бинокль. Вот он решил посмотреть, не идет ли кто по тундре из соседнего села. Он повернул бинокль на ту тропу, что проходила по подножию кладбищенской сопки. По ней поднимался человек в военной форме совершенно один, с непокрытой головой, и нес маленький гробик. Деда будто ветром сдуло с большого мшистого камня. Вышедшая из яранги бабушка спросила: куда исчез дед? Я, потупившись, ковыряла носком землю, боясь встретиться с взглядом бабушки и выдать деда.

Уже садилось солнце, проделав долгий летний путь по небу, когда вернулся дед. Он пришел со стороны высохшей речки Куингасок, за которой располагались дома семей пограничников. По выражению его лица бабушка поняла, что отлучался муж не по пустяку. Не стала его ругать, а ласково спросила: «Где ты был?» И тогда дед сказал: «Представляешь, столько народу в нашем селе, а он один пошел хоронить своего ребенка, совсем еще грудного. Мы даже не переживаем вместе их беды, хотя они живут с нами в одном селе. А ведь у них тоже случается горе...» Бабушка не могла сразу понять, о чем говорит муж, поэтому спросила: «Кто? Кого хоронит? Ты о чем, Тулук селук?» Настоящим эскимосским именем она называла деда по древнему обычаю только в значительных случаях.

«Кто? — сердито передразнил ее дед. — Офицер-пограничник. Я в бинокль его увидел, как он один шел на кладбищенскую сопку. Разве можно все это делать одному? Вот я и побежал...»

Бабушка сказала, что они еще молодые, будут у них еще дети. Дед согласился: «Да, именно это я объяснил офицеру. Сказал: что один — плохо, много — хорошо. Нельзя один». Бабушка опять спросила, взглянув недобро на сверток в его руках: «Жена-то плачет?» Дед рассердился: «Конечно! Сильно плачет».

Бабушка молча начала хлопотать с ужином. Дед зашуршал бумагой, разворачивая нечто диковинное. Я не отрывала от него глаз. Наконец он вытащил разноцветную корзиночку, какие я видела в книжках и в кино. С ними русские дети ходят в лес за ягодой и грибами. А мы за растениями ходили с высушенным мочевым пузырем нерпы.

— Вот,— нарочито громко произнес дед, ставя на широкий и длинный стол перед пологом яранги сказочную русскую корзиночку,— так мне сказал на прощание русский пограничник: «Тынетегин, спасибо за человечность. Я все понял. Один — плохо, много — хорошо. Нельзя одному. Вот, была ее корзинка. Знаю, что у тебя есть внучка. Возьми эту корзинку для нее. Пусть она растет и не болеет».

По обычаю эскимосов ни в коем случае нельзя было приносить незнакомые вещи в ярангу. Тем более от тех, у кого случалась смерть. Мне так хотелось взять корзиночку, но я боялась. К моему счастью, бабушка промолчала. В таком же молчании она подала ужин. Прекрасная корзиночка стояла возле к'аюак'а (деревянного блюда для мяса) и не одобренная, и не отверженная хозяйкой яранги. Боязнь духов в ней боролась с симпатией к пограничникам...

Неузнаваемо изменилась наша Чукотка за годы Советской власти. Коренные жители покинули яранги, живут в многоэтажных домах с паровым отоплением, имеют электропечи. Главный светильник и «печка» яранги — жиршик — давно уже музейная редкость.

...Маленькое стойбище в селении Угрилык, расположенное при входе в одну из северных бухт,— вот откуда началась Советская власть в этих местах. Ибо в июне 1928 года здесь появились пограничники.

Ольга Белякова

ХАРАКТЕРИСТИКА

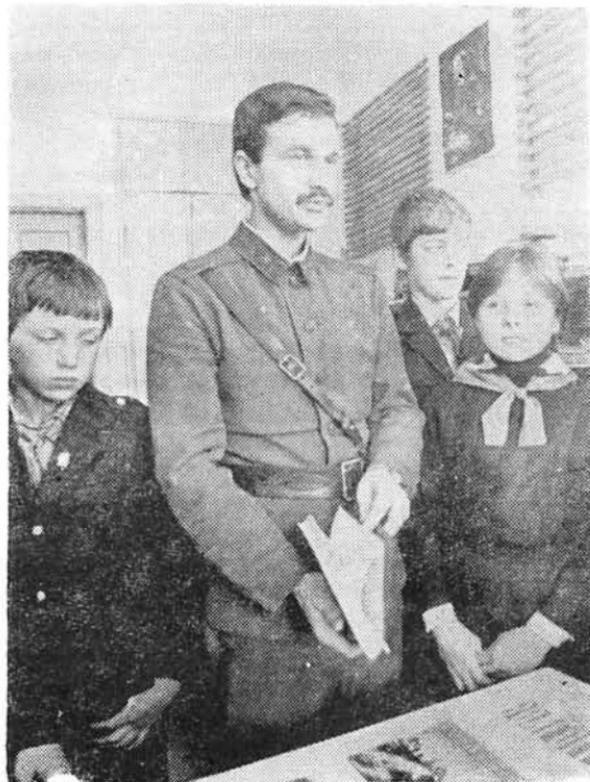
В школе Васильеву не хотели давать характеристику. Было это, когда он закончил восемь классов и собрался устраиваться на работу. «Признайся, ведь это ты из-за физики,— попытывалась у Павла классная руководительница.— Ну, не поладил с преподавателем, бывает. Все равно надо десять классов заканчивать».

А Павел уходил из школы вовсе не из-за физики. Работать решил в строительной бригаде отца. Когда об этом решении он сказал дома, Васильев-старший обрадовался: продолжается трудовая династия. В семье был еще один строитель — старший брат Павла, который второй год работал в бригаде отца.

Мать Павла вздохнула. Ей так хотелось, чтобы дети получили среднее образование. Старший-то уже заканчивает школу рабочей молодежи, а вот что будет с младшим? «Я уже взрослый,— сказал Павел.— Доучусь в вечерней».

«Взрослые дети — большими хлопоты»,— думала мать. Кроме сыновей у Васильевых было пять дочек, которые подрастали одна за другой, и семья требовала все больших расходов. Зарплата Павла стала заметной прибавкой к семейному бюджету.

Каждый день мужчины вставали затемно. За тридцать кило-

Прапорщик контролер П. Васильев выступает перед учащимися подшефной школы

метров ехали на автобусе в поселок, где бригада Васильева возводила молочнотоварный комплекс. Работали в комсомольско-молодежной бригаде отца представители разных строительных профессий. «Каменщики, высотники, маляры да плотники», — шутил бригадир. Павел под началом отца освоил все эти специальности. А начинал с самого трудного — учился делать кладку.

Когда пришел на стройку, там только приступили к фундаменту здания. Прочно, основательно учил строить сыновей отец и не давал им снисхождения в работе. Так закладывался фундамент характера и личности его детей.

Поначалу с непривычки младший Васильев уставал настолько сильно, что, казалось, придет домой, сразу завалится в постель и будет лежать весь вечер... Автобус подъезжал к родному поселку, вот уже виден изрытый берег Енисея, где на футбольной площадке гоняют мяч мальчишки, а на пригорке висится школа. Нет, не может Павел пропускать занятия — ни сегодня, ни завтра. Это он окончательно решил в тот день, когда вместе со свидетельством о восьмилетнем образовании получил в руки первую в жизни характеристику. В ней были такие строчки: «Много читает, увлекается историей, настойчив в достижении цели...»

— ...Что можно сказать о прапорщике контролере Павле Васильеве? — переспрашивает меня замполит заставы Александр Викторович Степанюк. — Лучшая характеристика для него, отличника пограничных войск первой и второй степеней, это безупречная служба.

А служба у Павла Васильева — ответственная и беспокойная, без выходных. Не преувеличивая, можно сказать, что весь морской порт находится под контролем прапорщика Васильева. За время навигации ни одно судно не заходит в этот порт без его ведома и не

может уйти из него до тех пор, пока Васильев с пограничным нарядом не проверит документы экипажа и пассажиров, не осмотрит груз. Прошло чуть больше года, как Павел стал прапорщиком контролером, но его уже хорошо знают капитаны всех каботажных судов. К приходу пограничного катера они всегда готовятся очень тщательно. Моряки и рыбаки давно убедились, что Васильев никогда не отступает от правила: «дружба — дружбой, а служба — службой». Его требовательность к другим начинается, в первую очередь, с высокой требовательности к себе.

В любое время дня и ночи прапорщик контролер должен быть готовым выйти в наряд.

...На заставу позвонили ночью и сообщили, что надо немедленно отправлять экипаж лихтеровоза. В бухте же второй день штормило. Только что из-за непогоды задержали рейс теплохода. Однако приказы не обсуждаются. Васильев отдал распоряжение, и пограничный катер взял курс на рейд, где стоял огромный лихтеровоз.

Катер мотало, как щепку. Вдоль бухты вслед за ним катился диск луны. Он то исчезал из виду, то показывался снова, будто выныривал из-за волн. Рулевой на катере в любую минуту готов повернуть обратно. Инструкция позволяла ему сделать это, накат волны намного выше допустимого. Вот катер вошел в зону тумана, и лихтеровоз вовсе пропал из виду. В пору было возвращаться. Но пограничники знали, что каждый час простоя этого гиганта стоит дорого. Если сейчас не сделать проверку документов и не отправить судно с грузом дальше, то неизвестно, сколько времени ему еще придется простоять — шторм обещал быть затяжным.

Когда пограннаряду после долгих поисков удалось обнаружить лихтеровоз, гостей там уже не ждали. Экипаж приготовился к вынужденному отдыху. Видимость была не более двух метров.

Прапорщик контролер Павел Васильев, как обычно, сошел на трап первым. Прижимая к себе одной рукой кожаный портфель, другой он схватился за поручни. И вовремя. На трапе его чуть не снесло внезапно подкатившей волной. Павел успел спрыгнуть на палубу, а на катере махали руками и что-то кричали товарищи... Через сорок минут операция проверки документов закончилась. Экипажу можно разрешить отход. Прапорщик попрощался с капитаном и дал команду наряду возвращаться на заставу.

Не успел Павел как следует обсушиться после вынужденного купания, как на заставу поступила новая сводка из порта: на подходе в бухту еще несколько судов. Васильев надел на плечо рацию и пошел отдавать приказ.

Отправляясь на очередную проверку, Васильев всегда берет с собой портфель, в котором лежат выписки из законов и Таможенный кодекс. Уважение Павла к букве закона продиктовано его стремлением быть точным во всем. Пожалуй, точность — основная черта его характера, свойство личности. В беседе Павел без ошибки называет даты событий и имена; его памяти можно позавидовать или подумать, что к разговору он подготовился заранее. Нет в его мыслях той приблизительности и отвлеченности, которая вполне свойственна вольной беседе. Крайне собранный и аккуратный, Васильев держится спокойно и уверенно. И есть в этой сдержанности нечто большее, чем армейская привычка.

А к конкретности и точности Павла, может быть, приучила история — один из любимых его предметов в школе. Он помнит многое, наверное, еще и потому, что привык придавать значение всему происходящему вокруг него и наполнять смыслом любое дело, с которым соприкасается. Это подтверждают товарищи, хорошо знающие Васильева как секретаря комсомольской организации заставы.

Недавно они дали ему рекомендацию для вступления в члены КПСС.

Если бы года два назад Васильеву сказали, что, отслужив положенный срок в пограничных войсках, он опять вернется сюда, Павел бы не поверил. Казалось, не для этого готовил себя парень...

...Когда его, совсем еще молодого рабочего, комсомольцы стройки выбрали заместителем секретаря своей организации, Павел впервые задумался над тем, сложна ли работа с молодежью. «Что я могу сделать для комсомола?» — этим вопросом он задался понастоящему после избрания его членом райкома ВЛКСМ. Наутро он пришел в райком и сказал: «Давайте работу». Павлу предложили вести кружок прикладного искусства при Доме пионеров. Он подетски обрадовался поручению. Озадачивало одно: как выкроить время? Ох, уж эта занятость! Работа, учеба да еще занятия в секции каратэ...

Мальчишки сразу потянулись к Павлу, в поселке для пацанов он был авторитетом. С первого дня в кружок начали приходиться знакомые и незнакомые, приводили своих знакомых. Были здесь почти ровесники юного руководителя, а самому маленькому ученику едва исполнилось шесть лет. Каждый занимался тем, что ему больше нравилось. Тут выжигали и выпиливали, делали резьбу по дереву, лепили из гипса и рисовали. Один принцип здесь всегда соблюдался точно — ребятам предоставлялась полная свобода и творческая самостоятельность.

Каждую неделю мальчишки ходили в лес. Собирали материал для будущей работы: камни, листья, сучки деревьев. Павел строго следил за ребятами. Никогда не позволявший себе даже для нужного дела срезать свежую ветку, он не разрешал делать это и другим. И в коллективе сложились особые теплые отношения, скрепленные нерушимой мальчишеской дружбой. Наверное, из

Павла мог бы получиться неплохой педагог. Мальчишки терпеливо ждали его возвращения из армии и писали ему письма.

Они в армию провожали его всей ватагой. Призывался Павел осенью 1980 года. Все Новоселово провожало новобранцев. Особенно много гостей в этот день побывало у Васильевых. В их доме за празднично накрытым столом собрались школьные товарищи Павла, члены отцовской бригады, ребята из передвижной механизированной колонны, куда Васильев-младший устроился перед самой армией. Опять украдкой вздыхала мать, слушая рассказы одноклассников сына. Многие из них уже учились в техникумах, институтах. У Павла в аттестате об окончании школы не было ни одной «тройки», но идти учиться дальше он не захотел потому, что еще ничего не решил для себя. То, что его друзьям далось легко, Павлу доставалось ценой напряженного труда. Производство, общественная работа, учеба — аттестат для него стал свидетельством подлинной зрелости.

Павел был своим, нужным в поселке человеком. Потому-то и хотелось ему поскорее вернуться назад. Дежуря на вахте или по ночам, после отбоя, он часто вспоминал родной Красноярский край. Стоило закрыть на минуту глаза, как одна и та же картина вставала перед ним: берега Енисея, с одной стороны — вековая тайга, а с другой, насколько хватает взгляда, — хлебные поля...

Иногда Павлу мечталось: уволится в запас и поедет учиться на художника. Его способности к рисованию ярко проявились на службе. Ни одна стенгазета, ни один «боевой листок» не обходились без его участия.

Срочную воинскую службу Васильев нес отлично. Хорошо подготовленный и физически и морально, он не чувствовал особенных затруднений или лишений. О том, чтобы остаться на сверхсрочную,

Павел не задумывался. Скоро он вернется домой — это было делом решенным. Чем меньше оставалось времени до окончания срока службы, тем чаще Павел в письмах домой спрашивал: «Как поживает моя коллекция?» Эту коллекцию из древних наконечников копий и стрел, кремневых ножей и керамических осколков он собирал несколько лет. Уезжая, оставил ее сестрам.

Выдано проходное свидетельство, оформлены все документы. Павел прощается с армейскими друзьями. И вот уже скорый поезд мчит его на запад. Возвращаясь домой, Павел был уверен, что продолжит работу в бригаде отца, возобновит занятия с ребятами в кружке прикладного искусства и, по возможности, займется историей — самой любимой из наук. Жизнь распорядилась по-своему. Не успел Васильев отдохнуть, как ему предложили поработать художником на автопредприятии.

Вначале было интересно. Многое он сделал по своей инициативе. К примеру, оформил доску обязательств и красный уголок так, что все ахнули. А потом не то чтобы вдохновение прошло, нет, но посыпались однообразные и скучные заказы. Оставались еще, правда, занятия с ребятами в кружке, книги и масса свободного времени. Именно вынужденный досуг и заставил Павла о многом передумать заново. Часто вспоминал он разговоры с командиром части, в которой служил. Постепенно Павел пришел к мысли, что ему не хватает серьезного и ответственного дела, которому бы он отдавал себя целиком, без остатка. Когда Васильев служил в армии, ощущение нехватки дела его не мучило.

Как-то ему вспомнились слова замполита Степанюка:

«На пограничной службе всегда ощущаешь себя в центре событий, на самом ответственном участке. Иначе говоря, чувствуешь свою постоянную необходимость людям, и готовность помочь пос-

тепенно становится твоим внутренним состоянием. Граница проверяет человека. Кто-то может быть хорошим парнем, но не стать хорошим пограничником. Граница обнаруживает в человеке грань, отделяющую хорошее от плохого».

Когда Павел сделал выбор, все встало на свои места. Он написал запрос командиру части, в которой служил, и вскоре пришел положительный ответ. А восьмого июня 1983 года Павел уже катил в поезде из Красноярска в Хабаровск. Потом он пересел в самолет и долетел до отряда. Затем — учеба в школе прапорщиков контролеров и возвращение в свою часть.

— Вернулся и окончательно понял, что человек я — армейский, — говорит Васильев, — и наконец нашел, что мне надо.

Сомневаться в выборе сейчас его заставить невозможно. Пограничная служба для прапорщика Васильева — ответственная и любимая работа.

— Может быть, кому-нибудь должность прапорщика контролера покажется непрестижной, — поделился со мной мыслями замполит Степанюк. — Только не всегда воинское звание определяет качество человека. Главное, чтобы он был на своем месте. Отношение Васильева к службе я могу назвать образцовым. И в то же время такое отношение является нормой для нас, пограничников.

Выбор прапорщика Васильева — не случайность. Это глубоко продуманный шаг, подготовленный всей его честной жизнью. Павел Васильев изо дня в день доказывает это добросовестной работой и крепким, мужским характером, обуславливающим постоянную готовность пограничника к подвигу.

Отсюда, от границы, начинается наша Родина. И все любимое нами тоже начинается отсюда. Живет по-прежнему в Павле художник. На досуге, которого теперь гораздо меньше, он читает книги

по истории, рисует. Васильев — частый гость в подшефном сельском профтехучилище. Недавно он начал вести со школьниками занятия в кружке «Юный пограничник». Глядя на новых друзей — ребят из этого кружка, Павел вспоминает младших братишек и сестреноч. Они остались дома и пишут ему письма: «Паша, твоя коллекция в порядке, ждет тебя...»

Сергей Пономарев

САМОЕ ВАЖНОЕ ДЕЛО

С верхней площадки сторожевой вышки свинцовая гладь залива, синие скалы, окружившие небольшой поселок, голая гряда камней вдалеке кажутся не настоящими, какими-то «киношными». Не удивлюсь, если сопровождающий меня офицер, шепотом распекающий сейчас часового на вышке, вдруг улыбнется и скажет:

— Ну что, повторим эпизод?

С юных лет мы окружали службу на границе романтическим ореолом, да и «пограничные» повести, пьесы и рассказы немало способствовали тому, что на нелегкое, прямо скажем, это дело смотрят через розовые очки. Коварный нарушитель, которого крадется через контрольно-следовую полосу, наряд, затаившийся в засаде, прыгающая в машину тревожная группа обычно уводят на задний план ту повседневную кропотливую и тяжелую работу, которая называется службой на границе.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля прочитал я значение слова «застава». Дошло оно до нас из глубины веков и, может быть, поэтому несет особую, глубинную народную мудрость. Знаете ли вы, что «застава» от глагола «заставлять, застоять», то есть задерживать, останавливать на ходу, на пути,

заступать кому-нибудь дорогу, не пропускать, а еще отстаивать, заступаться и защищать, оборонять?

Именно так, заступаясь и обороняя, выполняют свой долг здесь, на краю земли, ребята из разных уголков страны.

Пожив на заставе несколько дней, вдруг замечаешь, что ощущение нереальности происходящего исчезает, а вчера еще незнакомые тебе люди становятся ближе и дороже. Сколько же их — настоящих друзей — появляется у пограничника за два года совместной жизни на заставе!

— Да все, кто служит с тобой рядом на границе, становятся тебе как братья,— говорит Саша Ефимов, мой сопровождающий.

Вместе с Сашей мы идем обычным маршрутом — как здесь говорят, правым флангом. Узкая дозорная тропа, петляющая между каменных осыпей и остроконечных скал, то спускается к самой кромке береговой полосы, то убегает в зеленые, яркие от тундровых цветов распадки. А мой спутник все рассказывает о себе, службе, товарищах.

— Сам я из Томской области, Колпашевского района. А у нас там сами знаете какие леса — сосны корабельные, кедры в три обхвата. Когда прилетел я на Север, прямо обомлел — до чего же все необычно кругом. Сейчас ничего, привык, и даже нравится.

Самое сильное впечатление у Саши осталось от здешней весны. Врезалось в память, как поплыли по заливу льдины, а на них устроились усатые нерпы, греются на солнышке.

— Ну а все-таки, сержант, трудно служить?

— Не просто. Чукотка — это, конечно, не Приморье и не Забайкалье. Граница здесь другая, поспокойнее, что ли. Но там свои сложности, у нас свои. Одни морозы под сорок с гаком, да ветры чего стоят!..

За разговорами не замечаем, как доходим до обогревателя — небольшой будки, построенной руками пограничников заставы. Такие обогреватели разбросаны здесь по всему охраняемому участку. Воннам не обойтись без них зимой. Даже расстояние пограничники обычно измеряют не в километрах или милях, а так — до первого обогревателя, до второго.

«Хозяйство» это доставляет немало хлопот, особенно сейчас, когда нужно подремонтировать стены и крышу, забросить на обогреватели материалы и инструменты. Даже вездеходу пройти до валунистой морены нелегко, и поэтому каждую доску, доставленную на «точку», ценят особо...

Не успели мы с Сашей отойти от берега, как из-за груды валунов нас окликнули. Так и произошла встреча с дозором, возвращающимся со своего маршрута.

За спиной у старшего наряда ефрейтора Саши Нестерова поблескивает гибкий штырь антенны, его напарник Саша Казак, как и положено по уставу, идет на несколько шагов позади. Я знаю, что Нестеров с Кубани, из большой казачьей станицы, а Казак — коренной сибиряк, томич. Это служит поводом для нескончаемых шуточек ребят — дескать, не попутали ли адреса, земляки?

Впрочем, на подначки здесь не принято обижаться. Что это за пограничник, который не умеет пошутить, весело посмеяться с товарищами, а в трудную минуту поддержать друг друга участием, обогреть словом. В ежедневном круговороте дел любая разрядка кстатн, и когда расспрашиваю дозорных о прошедших после ухода на задание часах, ребята смеются — шпионов не было. Ну, проверили несколько грибников и рыбаков, документы оказались в порядке. Потом поработали на обогревателях. За день отшагали километров двадцать пять — тридцать.

— Ничего, к этому мы привычные,— добавляет явно для меня Саша Нестеров.

В последние годы на помощь пограничникам все больше приходит современная техника: радиолокаторы, приборы ночного видения, вертолеты и самолеты, быстроходные морские катера, но и о старых «дедовских» методах охраны рубежей здесь не забывают.

Что бы там ни происходило в сферах технической мысли, на границе еще долго не обойтись без обычного пешего дозора, и, думается, знаменитые служебно-розыскные собаки будут еще долго в почете.

Я вспоминаю забавный случай, произошедший в самолете, летевшем в Анадырь. Моими соседями по салону оказались... пять огромных псов, которых молодые солдаты в зеленых фуражках везли куда-то на чукотские заставы. Пока Ту-154 был в воздухе, необычные гости Аэрофлота вели себя смирно, но стоило самолету коснуться бетонки, как овчарки подняли лай и скулеж. Лишь появление пограничного наряда, поднявшегося на борт для проверки документов, успокоило четвероногих пассажиров...

— Так как? — говорю Саше Нестерову,— не исключено, что придется вскорости ходить в дозор вместе с Шариком или Трезором, кормить пса и ухаживать за ним?

— А что,— вновь улыбается Саша,— питомник для овчарок мы уже достраиваем, жильцы вот-вот придут. Ну, а лечение я им обеспечу в случае чего...

Шутка шуткой, но Нестеров знает, что говорит. Перед армией он окончил медицинское училище в Армавире, усовершенствовался в учебном пункте погранотряда, и теперь один из лучших специалистов на заставе. А еще Саша Нестеров комсорг.

Для него, как и для других воинов, годы службы в Вооружен-

ных Силах стали серьезной школой физической закалки, привили смелость, решительность, наблюдательность и хладнокровие.

Как вы думаете: легко ли отличить по расплывчатому силуэту рыбацкую шхуну от замаскированного под нее корабля-разведчика или гражданский самолет не спутать с летающим шпионом? Многому, в том числе и этому, учит граница.

А еще она учит разбираться в людях, видеть за отведенным в сторону взглядом неоправданное волнение, а может, страх. Впрочем, разговор об этой стороне солдатской службы еще впереди, а пока нас ждет застава и горячий чай с белым хлебом и маслом, которым по традиции встречают пограничников, вернувшихся из дозора.

Столы уже накрыты в маленькой, но очень уютной столовой, украшенной цветами и фотографиями с видами тех мест, в которых пограничники служат. Здесь же рядом небольшая кухня, на большой сковороде шкварчит «выловленная» старшиной заставы неизвестно на каких складах горбуша.

Мы дружно пьем чай, а рядом за стеной многоголосно звучит эфир. Здесь невольно вспоминаешь, что живешь ты на последних метрах родной земли, а там, всего в нескольких десятках миль, начинается чужой мир — и не только по языку, а по строю, образу мыслей и жизни.

Вот почему несут здесь свою службу двадцатилетние сибиряки и кубанцы, уральцы и волгари, составившие сейчас единое целое — воинскую дружину, заставу на пути врага.

Мне неоднократно приходилось бывать в различных армейских подразделениях, но пограничники — род войск особый. Я бы сравнил заставу с подводной лодкой в автономном плавании. Настолько здесь все подчинено единой цели — охране закрепленного участка

суши и моря. Такой охране, чтобы, как говорится, мышь не проскочила.

Специфика службы выработала и особые требования к солдатам — бойцам-универсалам, специалистам на все руки. Вряд ли думал Володя Лапин, что придется ему в армии варить каши и жарить котлеты. Но случилось именно так. Об этом не жалеют ни сам Володя, ни особенно его товарищи. Я тоже могу засвидетельствовать — готовит обеды Володя просто отменно. Ну, а стрельба из автомата, метание гранаты? И на полигоне, и на комплексной полосе пограничника, и в дозоре Володя Лапин тоже в числе первых.

Этот в общем-то суровый и малоприветливый край, который они защищают, платит им любовью. Помните слова Саши Ефимова о первых впечатлениях на Севере? Сейчас-то он уже по-другому думает. Хочет даже после службы остаться в поселке.

А что? Будет он уже третьим или даже четвертым пограничником с заставы, кого Север крепко-накрепко привязал к себе. «Земля, ставшая родной» — это и о Ефимове, и о других ребятах, которых привела на Чукотку судьба. Добавлю, счастливая судьба.

...С Эдуардом Боргояковым в первый день так поговорить и не пришлось. Молодая женщина, открывшая дверь, замахала руками: «Что вы, он после дежурства отдыхает...» Но разговор все же состоялся, и, думаю, был этот разговор очень характерным. В том смысле, что позволил еще раз оценить школу границы, ее влияние на всю дальнейшую судьбу людей, прошедших эти университеты.

Эдуард Боргояков служил на той самой заставе, о которой мой рассказ. Служил отлично, о чем свидетельствуют многочисленные поощрения и благодарности командования. Сейчас младший сержант Боргояков один из лучших сотрудников районного отдела внутренних дел.

Не знаю точно, как пришло к уроженцу Хакасии решение остаться в этих местах, но то, что один памятный армейский случай сыграл большую роль, совершенно точно.

...Вертолет пришел из тундры. И когда пограничники, старшим среди которых был Боргояков, попросили пассажиров предъявить документы, у одного из прилетевших паспорта не оказалось. Нашлась лишь трудовая книжка.

«Фамилия уж больно знакомая,— подумал Боргояков,— и приметы совпадают». Прибывшего попросили пройти в комнату якобы для оформления штрафа, а сами позвонили на заставу.

Задержанный оказался опасным преступником, объявленным во всесоюзный розыск.

Просто? На первый взгляд действительно просто. Но в том-то и состоит профессионализм, чтобы не только запомнить из журнала фамилии и приметы более тридцати человек, но и суметь в острую минуту не растеряться, действовать именно так, как нужно...

— И все-таки, Эдик, почему милиция?

— На заставе я понял, что самое главное — безопасность и покой людей. Ну, а где еще заниматься этой работой, как не в органах внутренних дел?

Впрочем, связи со своей заставой Боргояков до сих пор не теряет. Служба такая, что работники милиции и пограничники постоянно контактируют, помогают друг другу. Общих забот, к сожалению, немало — проверки паспортного режима, борьба с браконьерством и другое. А недавно личный состав райотдела милиции и погранзаставы был поднят по общей тревоге. Пьяный хулиган обстрелял из охотничьего ружья машину и затем скрылся. Двое суток дежурили вместе пограничники вчерашние и сегодняшние, пока опасный преступник не был задержан.

Но есть встречи и гораздо более приятные — на спортивной площадке, например, где милиционеры и пограничники играют за одну команду — «Динамо». Или в Ленинской комнате погранзаставы, где обычно происходят встречи с ветеранами войны и пограничных войск, с теми, кто служил здесь раньше.

В дни моего пребывания в подразделении Ленинскую комнату ремонтировали. Приближалась дата особой значимости — 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, и встретить ее нужно было по-праздничному. Но, обновляя плакаты и планшеты, самодеятельные художники оставляли неизменным содержание одного из стендов — «Боевой путь части». Для нынешних защитников рубежей Отчизны подвиг отцов не был и не легенда, ведь служат они в Кенигсбергском ордена Красной Звезды пограничном отряде, прошедшем в годы войны славный путь.

Дорога эта не особенно богата вехами, но зато какие они! Созданный в первый день войны (!) в Ростове-на-Дону отряд 11 октября 1941 года вступил в бой с фашистами, а в июне 1942 года часть совершила исключительно трудный 1200-километровый марш от Ворошиловграда до Кавказских гор. Во время этого марша политрук П. И. Нечаев под сильным огнем фашистов первым ворвался в ущелье и увлек за собой бойцов. Атака была успешной, но отважный политрук пал в бою смертью храбрых...

Этот эпизод не вошел в книгу «Пограничная застава», вышедшую в Политиздате в 1980 году, но зато здесь есть строки о подвиге дальневосточника, имя которого носит сегодня одна из застав Камчатского пограничного округа.

13 июля 1944 года застава под командованием 25-летнего младшего лейтенанта Гавриила Кирдищева осуществляла в прифронтовой полосе меры по охране тыла действующей армии. Внезапно

бойцы заметили движущийся в сторону деревни Пустоваловка фашистский отряд численностью до 300 человек. Бой предстоял неравный, но, заняв выгодный рубеж, Кирдищев решил принять его.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Пограничники пошли на хитрость, сначала ослабив, а потом вовсе прекратив огонь. Решив, что горстка храбрецов уничтожена, гитлеровцы двинулись на позиции заставы. На это и рассчитывал командир пограничников. Подпустив фашистов на близкое расстояние, пограничники обрушили на них шквальный огонь и уничтожили основные силы. Затем Кирдищев поднял заставу в контратаку.

Раненный в этом бою, Гавриил Федотович, тем не менее, продолжал руководить схваткой. Фашистский отряд был разгромлен, однако отважный воин погиб от ран. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Г. Ф. Кирдищеву присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Застава героя. Она не так уж и далека от этих мест. Впрочем, разве могут существовать расстояния для памяти?

Каждый выполняет свой долг по-своему. Эти ребята, заступающие на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик, делают, может быть, самое главное, самое важное дело в наше напряженное время — охраняют мир на земле.

Кажется нескончаемой череда минут, часов и дней службы, но рано или поздно приходит время прощаться с этим островком Родины. Поднимитесь, ребята, напоследок на свою пограничную вышку и еще раз взгляните в даль своего залива. Может быть, вам посчастливится, и вы увидите, как режет голубую волну Берингова моря большой океанский корабль с гордыми словами на борту — «Гавриил Кирдищев». Помните у поэта: «Чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела...»

Анатолий Смирнов

«ВНИМАНИЕ ПО СУДНУ! ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР...»

Причал, к которому несколько дней назад пришвартовался прибывший в местный морской торговый порт с грузом угля теплоход «Капитан Самойленко», в вечерние часы тих и безлюден. Замерли портовые краны, не слышно шума КамАЗов, в течение всего дня подъезжавших к судну. Выгрузка угля закончена. На асфальте причала тени стоящих невдалеке контейнеров, неяркая полоса света от иллюминаторов и палубных огней, в которую неожиданным гостем «вклинился» силуэт остановившейся почти у самого трапа автомашины. Это пограничники. Экипаж же занят последними приготовлениями к отплытию. Путь «Капитану Самойленко» предстоит неблизкий — семидневное плавание до порта Кобе в Японии, затем через Тихий океан в Канаду. Через минуту-другую пограничный наряд поднимется на судно. Начнется таможенный досмотр, оформление документов.

Эта привычная для моряков заграничного плавания процедура длится обычно несколько часов. Впрочем, точно угадать, сколько в каждом конкретном случае будет продолжаться досмотр, почти невоз-

можно. Многое зависит от размеров судна, от того, возвращается оно к своим берегам или отправляется к чужим. И хотя среди пограничников считается, что в последнем случае забот у них немного меньше, задача, которая ставится таможенному наряду, отнюдь не из легких. Шесть пограничников во главе с офицером должны тщательно осмотреть все помещения и службы корабля. Современное же торговое судно такого класса, как «Капитан Самойленко», по размерам своим не уступит четырех-пятиэтажному дому. Множество коридоров, кают, подъемов и спусков, насыщенное до предела механизмами машинное отделение значительно осложняют осмотр. Чтобы провести его на уровне, исключающем проникновение на борт посторонних лиц, обнаружить запрещенные (если они есть) к вывозу из СССР предметы, пограничникам нужно знать почти все, что касается устройства корабля.

Забегая вперед скажу, что встреча судов на рейде и их осмотр перед уходом в рейс — не единственная служебная обязанность таможенного наряда. Пограничники (как правило, тем же составом) несут службу и в аэропорту, встречая прибывающие в город самолеты. Так что к знанию устройства определенных типов судов прибавляется еще не менее хлопотная обязанность проверки документов, точное знание правил их оформления, предотвращение возможных нарушений пограничного режима.

...Я поднимаюсь вслед за старшим наряда капитаном Дудником на борт теплохода. По селектору раздается голос капитана корабля Николая Ивановича Александрова: «Внимание по судну! Открыть помещения к обследованию. Будет производиться таможенный досмотр».

Мы идем в кают-компанию. Из шести человек наряда непосредственное участие в оформлении документов и обследовании примут

четверо. Остальные охраняют подходы к «Капитану Самойленко» со стороны порта. Необходимо исключить возможность проникновения на судно в последний момент «гостей», предотвратить передачу на борт каких-либо предметов...

Итак, четверо. Кроме капитана Дудника в кают-компанию входят ефрейтор Сергей Сулимов, рядовые Александр Михайлов, Сергей Мамонов. После проверки таможенных деклараций, уточнения курса, численности экипажа и других необходимых формальностей ефрейтор Сулимов начинает проверку документов. Открыв чемоданчик «дипломат», достает из него толстую пачку заграничных паспортов темно-вишневого цвета с гербом Советского Союза. По очереди вызывает их владельцев. Ровным голосом зачитывает фамилии, сравнивает фотографии. Порядок есть порядок. Даже капитан судна, человек, хорошо знакомый и Дуднику и Сулимову, наравне со всеми отвечает на вопрос пограничника, называет свои имя и отчество.

В атмосфере, царящей сейчас в кают-компании, чувствуется даже некоторая торжественность. Это одновременно и официальный и чисто человеческий момент прощания, минута, когда наиболее остро чувствуется та мера ответственности, которая ложится на каждого члена экипажа советского судна.

Но вот проверка закончена. Все расходятся по рабочим местам. Остаются сопровождающие — ответственные за определенные участки корабля. Капитан Дудник отдает приказ: «Рядовой Михайлов — бак, корма, надстройка. Ефрейтор Сулимов — машинное отделение, подсобные помещения...» Начинается самая ответственная часть работы пограничного наряда.

Машинное отделение на судне, о котором идет речь, представляет собой три расположенных друг над другом огромных зала.

Они до предела заполнены различными приборами, автоматикой, кондиционерами, больших и малых размеров вентиляционными трубами и еще очень многим, в чем несведущему человеку, то есть в данной ситуации мне, решившему пойти именно сюда, разобраться просто невозможно. Зато спрятать что-то или укрыться в этом лабиринте механизмов, на первый взгляд, несложно.

Сергей Сулимов уверенно идет впереди своего провожатого, на секунду-другую останавливаясь, чтобы открыть дверцу шкафа с автоматикой, заглянуть в темноту простенка, приподнять крышку ящика с песком... Вот он берет в руки коробку с импортным клеем, вскрывает ее и начинает тщательно изучать ярко-желтого цвета баночки с надписями на японском. Ставит на место. Все в порядке. Постепенно мы добираемся до самого верха. Сколько продолжался осмотр: час, полтора?

Наконец, мы снова в коридоре, рядом с кают-компанией. Меняется провожатый, меняется и объект осмотра. Теперь это подсобные помещения — душевая, сушилка, каюты, предназначенные для хранения продуктов. На первый взгляд обследовать их проще. Везде образцовый порядок, чистота. Но вот и первая заминка. У одной из кают Сулимов останавливается, просит открыть. Провожатый ищет ключ. Ключа нет. Он у капитана. Сулимов спокоен. «Сходите к капитану, я подожду».

Ефрейтор Сергей Сулимов до службы на границе жил и работал в Юрге, небольшом сибирском городе, расположенном на стыке Кемеровской и Томской областей. По специальности он токарь. Спрашивая у Сергея о том, сколько типов судов он знает, сколько времени ушло на их изучение. «Полтора года», — отвечает мой собеседник. — А судов, пожалуй, типов пять...» Полтора года — это ровно столько, сколько служит Сулимов в погранийских. Сразу

после призыва, как и все новобранцы, проходил курс начальной подготовки, потом несколько месяцев изучения теории, первые выходы в наряд в качестве стажера. Сейчас он — один из лучших специалистов подразделения, отличник боевой и политической подготовки. Именно ему, как правило, и доверяют самые сложные участки досмотра.

Пока артельщик ходит за ключом, задаю Сергею еще несколько вопросов. Он отвечает не сразу, чуть помедлив. Но отвечает твердо, уверенно. По его речи можно судить и о некоторых чертах характера. Сулимов всегда спокоен, немного медлителен в движениях, но подмечает каждую мелочь, каждую, на первый взгляд, незначительную деталь. Я вспоминаю, как он, войдя в начале досмотра в кают-компанию, сразу обратил внимание Дудника: «Товарищ капитан! Телевизор сменили. В прошлый приход у них «Рубин» стоял, теперь — «Изумруд»...

Остается добавить, что прошлый приход «Капитана Самойленко» в этот морской порт был пять месяцев назад...

Появляется запыхавшийся провожатый. Входим в помещение. Осмотр его занимает минут двадцать и заканчивается без замечаний. Сулимов доволен, что заминка оказалась чистой случайностью. Вообще пограничники (и в этом я убедился во время наблюдения за работой наряда) относятся с большим уважением и вниманием к экипажу судна. Каждое происшествие, каждое нарушение, если они случаются, огорчительны не только для моряков. Судно-то ведь советское! Поэтому любой пограничник чувствует полное удовлетворение от выполнения своих обязанностей в первую очередь тогда, когда происшествий нет.

...И вот весь наряд снова собирается в кают-компанию. Капитан Дудник закончил обход жилых помещений, рядовые Михайлов

и Мамонов — отведенных им участков корабля. Смотрю на часы. С момента, когда мы ступили на трап «Капитана Самойленко», прошло три с половиной часа. Заметно, что пограничники немного устали. За это время ими осмотрены все помещения судна, оформлены все документы, кроме одного, итогового. Через несколько минут готов и он. В справке о результатах досмотра появляется завершающая запись: «Посторонних лиц и предметов, запрещенных к вывозу из СССР, не обнаружено». Снова раздается по селектору голос. Н. И. Александрова: «Внимание по судну! Таможенный досмотр закончен. Электромеханику проверить рулевую установку»...

«Капитан Самойленко», как и было намечено, отправляется в плавание без задержки. Пограничный наряд прощается с экипажем. Причал, к которому несколько дней назад пришвартовался прибывший с грузом угля теплоход, минут через пять окончательно пустеет. Виден только удаляющийся силуэт судна на фоне ночных огней уснувшего города. Капитан Дудник и пограничники смотрят, как корабль медленно направляется к выходу из бухты...

Майя Кострюкова

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

На Северо-Востоке страны граница особая. Территории сопредельных государств вовсе не сопредельны — их разделяет океан. И эта чисто условная линия — рубеж без контрольной полосы, безграничная, как море и тундра, — все требует особого подхода, особого внимания.

Новичку Север кажется однообразным.

А побживется, пообвыкнет, или, говоря современным языком, адаптируется, и поймет: многолик Север, непостоянен. Сегодня — мороз и солнце, завтра — пурга, ветер, который мгновенно меняет направление от северо-западного до юго-восточного; в январе, смотришь, температура поднялась до нуля, задул «южак», началась бешеная круговерть на... Вот именно, то ли на три дня, то ли на неделю. Это — зимой. А летом? Капризы летнего Севера вовсе ни с чем не сравнимы — тридцатиградусная жара (и такое в Арктике бывает), а через день — снег выпал. Попробуй, приноровись!

А молодому бойцу и принаравливаться некогда. Раз есть граница, значит, надо ее охранять. Охранять безбрежную тундру, синие сопки-великаны с надвинутыми по самым брови снежными, отливающими слепящей голубизной шапками.

— У нас служат ребята, которых армия направляет по комсомольским путевкам, — объясняет замполит Александр Александрович Ковальчук. — А что значит по комсомольской путевке? Во-первых, хотя это в общем-то само собой разумеется, молодой солдат должен быть комсомольцем. Второе — спортсменом, а это уже означает, что пограничник здоров физически, морально стоек, умеет все быстро понять, вовремя сориентироваться, не растеряться.

Александр Ковальчук считает, что в наших условиях очень важно, чтобы солдат не был эгоистом, был коммуникабелен и не лишен чувства юмора.

— Юмор — отличный помощник. Без юмора у нас не проживешь.

— С чего начинается офицер? Не вообще офицер, а офицер-пограничник? — спрашиваю я.

— Еще когда учился в школе, знал, что для меня, кроме армии, нет другой жизни, — говорит о себе Александр Ковальчук.

Александр прожил четверть века, сослуживцы считают его грамотным, вполне сложившимся офицером. В двадцать пять лет далеко не каждый имеет свою биографию. Александр — имеет. Его отец встретил войну в Бресте. Первым принял удар врага, в числе немногих защитников крепости остался жив и умер одиннадцатого июня 1966 года. В этот день Александру-младшему исполнилось семь лет. После десятилетки Александр подал заявление в военное училище и... не прошел по конкурсу. Решил приобрести мирную профессию — начал учиться в ПТУ на огранщика алмазов. Потом служба в Советской Армии. Присягу солдат Ковальчук принимал там, где принял первый бой его отец — в крепости-герое Бресте. Прямо из армии поступил в военное училище, окончил и вот — офицер на далекой пограничной заставе. Замполит.

— Трудно?

— Ответственность большая. Ведь понимаешь, что тебе доверена граница. Ты в ответе за нее, за людей.

Эта застава в жизни Александра Ковальчука — первая. Значит, служба на ней запомнится надолго, на всю жизнь.

Несмотря на молодость, Александр имеет твердые, устоявшиеся правила жизни. Такое, например: для пограничника нет слов «не хочу», «не могу». Есть одно — «надо». И это «надо» регламентирует все остальное: надо, чтобы каждый солдат смог сделать марш-бросок на лыжах; надо по тундровому бездорожью добраться до оленеводческого стойбища; надо уметь поговорить с оленеводами, охотниками; надо проследить, чтобы все всегда было «в полной боевой».

Надо, надо, надо. Очень многое надо...

Для пограничников Севера всегда была важна дружба с местным населением. И Ковальчук делает все, чтобы связь с коренными жителями была не тонкой ниточкой, а прочной, надежной. Он выступает с лекциями (член лекторской группы обкома комсомола), руководит ребячьей игрой «Орленок», участвует в рейдах ДНД. Александра хорошо знают местные школьники — здесь на заставе проходит торжественный ритуал приема в пионеры.

Ковальчук, что называется, локоть к локтю работает с секретарем парторганизации комендатуры — тоже Александром, только Смирновым.

У Александра Семеновича Смирнова биография насыщенная. Служил на советско-китайской границе, потом была Чукотка, и вот — берег Северного Ледовитого океана. Родом Смирнов из Иванова — города ткачей. Также не поступил в училище с первого захода, пошел работать монтером. А в армию был призван

сразу в пограничные войска, в Северо-Западный округ. Александр Семенович считает, что путь в военное училище через солдатскую службу наиболее правильный. Легче быть командиром, когда сам был рядовым.

За двенадцать лет офицерской службы им многое увидено, многое осмыслено. Есть такой термин — военнослужащий. Но когда приглядишься, то поймешь — не служба на границе, а работа. Сложная работа без начала и конца трудовой смены, работа, не регламентированная профсоюзом. Ведь долг офицера — в самый короткий срок сделать из новобранца закаленного солдата. И тут, конечно, не считаешься с личным временем. Надо.

— Интересно, усложняется или становится легче с годами пограничная служба?

Александр Семенович считает этот вопрос неправомерным. Легкой службы на границе никогда не было. А вот контингент пограничников меняется. Сегодня на заставе нет солдата без среднего образования. И это хорошо. Чем человек грамотнее, тем легче он усваивает знания, более умело исполняет воинский долг. Но высокий образовательный уровень подчиненных налагает серьезные обязательства на офицера: хочешь сохранить свой авторитет командира — учись. Учись постоянно.

Хочу рассказать еще об одном офицере — Арипе Магометовиче Абдулкадырове.

Он здесь — самый старший по возрасту. За его плечами кочевая жизнь офицера-пограничника.

— Границы у меня были самые разные — Прибалтика, Средняя Азия...

Почему Абдулкадыров стал военным?

В семье совхозного бригадира-коммуниста Магомета Шагидо-

вичи и крестьянки Абаху Алихановны Абдулкадыровых было восемь детей. Глава семьи в годы Великой Отечественной служил артиллеристом. Главным в жизни всегда считал он привить детям любовь к труду на своей земле. Почти все его дети, три дочери и четыре сына, связали свою жизнь с сельским хозяйством. Из семьи Абдулкадыровых вышли зоотехники, медики, есть свой председатель колхоза. А военный — один.

Школьником любил Арип слушать песни военных лет, юношу волновала музыка военных оркестров. Вызывали восхищение строгая подтянутость офицеров, твердый строевой шаг, аккуратная форма. Позднее понял — это увлечение внешним проявлением воинской дисциплинированности было не случайным. Оно шло от подсудного, глубинного чувства уважения к армии. К тем, кто стоит на страже наших границ, к тем, кто по первому сигналу тревоги заклонит собой страну.

— По-моему, кто-то из семьи обязательно должен быть военным. Ведь пока границы разделяют государства, кто-то должен охранять наши рубежи?

Отец учил: если взялся за какое-то дело, сделай его хорошо. Сын крепко усвоил наказ отца. Служит он на «отлично». Об этом говорят многочисленные почетные грамоты, поощрения. Звание передовой присвоено заставе, где служит Арип Магомедович Абдулкадыров.

Чтобы сегодня мы, каждый из советских людей, могли спокойно трудиться, воспитывать детей и без страха смотреть в ясную синь неба, ежечасно должны нести пограничную службу Александр Ковальчук, его тезка Александр Смирнов и он, Арип Абдулкадыров.

Не размеренным спокойствием, а постоянным напряжением наполнена жизнь на далекой, затерянной в синих сопках заставе. Здесь

граница особая — на море следов не отыщешь, а тундра — она такая же немеренная, как море. И посылают усиленные наряды в ближайшие аэропорты, в оленеводческие бригады, на дальние буровые. Ставятся конкретные задачи перед представителями предприятий, ведутся беседы с шоферами-дальнерейсовиками, с членами комсомольских оперативных отрядов.

Там, где рядом граница, не должно быть места благодущию.

Бывает, что от частого употребления слова как бы стираются, несколько утрачивают смысл. Они легко произносятся и также легко забываются. Казалось бы, что нового в этой фразе: «Наша армия — плоть от плоти, кровь от крови своего народа». А вот поближе познакомишься с офицерами, солдатами, и вдруг понимаешь: а ведь нашу армию любят потому, что она всегда защищает. Армия-агрессор не может быть народной. Советская Армия — защитница мира. Ее интересы — наши общие интересы.

Идут на заставу письма. Евдокия Тимофеевна Шевченко, мама Евгения Шевченко, того, что принят недавно в партию коммунистов, пишет: «Мой сын отдаст все, что Родине потребуется».

Родители сержанта Александра Бурухина — Елена Ивановна и Григорий Иванович выражают надежду, что их сын «...будет достойным пограничником, надежным защитником».

Из Александра уже вышел хороший солдат — он принят кандидатом в члены КПСС, возглавляет комсомольскую организацию. Александр — меткий стрелок, отличный лыжник, добрый товарищ.

Товарищи во всем могут положиться на сержанта Юрия Вутякова, молодого коммуниста. Этими ребятами гордится коллектив заставы, они возглавляют социалистическое соревнование, проводимое под девизом: «Быть начеку, стойко защищать интересы Родины на Государственной границе СССР».

Вячеслав Огрызко

МУЖЕСТВО РОЖДАЕТСЯ В ТРУДЕ

Сигнальное устройство сработало, как всегда, неожиданно. На заставе показывали фильм «В зоне особого риска». С напряжением следили пограничники за боевыми учениями десантников. Заинтриговал фильм и нас — гостей. Поэтому от сигнала тревоги поначалу только вздрогнули, но внимание по-прежнему было привлечено к экрану: хотелось узнать, чем закончится история с десантом. А в эти секунды уже буквально летела, не давая нам опомниться, по проходам зала, где демонстрировался фильм, тревожная группа. У выхода из казармы слышалось бряцание оружия, а вскоре донесся привычный голос начальника заставы капитана Виктора Шуварского. Он ставил тревожной группе задачу. И только тогда наш взгляд оторвался от мелькавших на экране кадров. В сознании пронеслось: на границе ЧП.

Ребята запрыгивали в «уазик», который уже готов был сорваться с места. На ходу захлопнулась дверца. Машина помчалась в ночь. А нам оставалось гадать, что случилось — учебная тревога или обнаружен нарушитель. И как дежурный по заставе ни уговаривал вернуться, досмотреть фильм, кино не могло больше никого увлечь. Мы ждали возвращения пограничников.

На этот раз ситуация была вполне обыденная: тревожная группа обнаружила следы зверя. «Нарушителем» оказался медведь.

В сердцах мы принялись дружно ругать таежного хозяина, ведь из-за него не досмотрели фильм и пережили столько волнений. А пограничники только улыбались. Будто не им, а кому-то другому медведь доставил массу неприятных хлопот.

— Мы на зверей не в обиде,— объяснил Шуварский.— Ведь они наши.

И это «наши» в устах начальника заставы прозвучало так, словно он предполагал «советские». Столько в его голосе было и грусти и тепла.

Шуварский рассказывал:

— Застава от ближайших поселений находится далеко, шефы здесь появляются нечасто. А ребята скучают. Вся их нежность, доброта переносится на «меньших братьев» — медведей, зайцев, мелких зверюшек.

Потом еще не раз на наших глазах раздавался сигнал тревоги. И никогда в поведении тревожных групп не было никакой рассеянности или самонадеянности. Никто не торопился утверждать, что их ждут встречи с зайцами. Хотя на поверку нередко оказывалось и так: приезжала тревожная группа на место происшествия, а кругом — заячьи следы. Но силе инерции здесь не поддаются, потому что граница полна неожиданностей. И надо постоянно быть готовым к любой, самой непредвиденной ситуации.

Начальник заставы капитан Шуварский уверяет, что граница — это прежде всего трудная боевая учеба и каждодневный упорный труд.

— Я сам раньше думал, что служба на границе состоит из бое-

вых дозоров и романтических погонь. Но вот приехал я семь лет назад на Дальний Восток. Получил тогда первое после училища назначение — замполитом на эту заставу. А жилья на заставе как такового не было. Стоял только вблизи сопки одинокий ветхий домишко — бывшее пристанище геологов. Признаться, я считал себя тогда бывалым пограничником. За плечами у меня было два года срочной службы на западной границе и учеба в училище. Но тут растерялся.

Сейчас Виктор Шуварский, вспоминая о первых днях офицерской службы, смеется, шутит. Но тогда ему было не до того. Одно дело, когда он проходил срочную на отдельном контрольно-пропускном пункте. И там было трудно: от него требовалось предельное внимание, острая реакция, наблюдательность, в какой-то мере знание психологии людей. Но ему не приходилось думать о том, где в положенные часы отдыхать, питаться. Рядом была казарма, по соседству имелся хоздвор...

Рядом с Шуварским стояла жена. Она готова была заплакать. Светлана в какой-то мере представляла, что столкнется с трудностями. Но с какими? Она полагала, что нелегко будет в ближайшем поселке снять комнату — даже без удобств, не сразу сможет устроиться по специальности, на первых порах придется работать там, где найдется свободное место, до отпуска следует отложить мечты о музеях и театрах.

Но все оказалось намного сложнее. Не ясно было даже, где устроиться ночевать.

К растерявшимся молодоженам подошел тогда старшина заставы. Он уже имел кое-какие предложения. В домишке, на его взгляд, следовало оборудовать временные кабинеты для работы, помещения для связи, а также на первое время отвести угол для семейных.

Рассчитывать на чью-то помощь не приходилось. Все работы надо было вести собственными силами. И службу никто, естественно, не отменял.

В точно определенные часы на охрану границы должны были заступать наряды, отправляться по только им известным тропам боевые дозоры.

А время не ждало. До наступления зимних холодов оставалось два-два с половиной месяца. Шуварский выяснил, кем каждый воин работал до призыва на срочную службу. На заставе нашлись свои плотники, каменщики, маляры. Они взялись за два-три дня обучить простейшим навыкам строительного дела своих товарищей. И стройка закипела.

Строили только войны, свободные от нарядов. Возвращались, например, на заставу пограничники после боевого дозора, отсыпались и шли помогать друзьям. Каждый был заинтересован быстрее построить жилье, из домишка переселиться — подгоняли короткое северное лето и ранние заморозки.

Стройка явилась и дополнительной тренировкой. Занятия-то по боевой подготовке никто не отменял. Строго по расписанию войны отрабатывали нормативы по стрельбе, кроссу, борьбе, метанию, учились «читать» таежные следы, бесшумно передвигаться по местности.

Словом, осваивали азбуку пограничной службы. А на стройке они как бы закрепляли полученные навыки, проверяли свою спорность, реакцию, испытывали себя на выносливость.

Исчезла вскоре растерянность и у жены замполита. Трудоустраиваться возможности пока не представлялось. Но сидеть без дела Светлана не захотела. Она взялась готовить задел для хоздвора. Ездил в поселок, договаривалась с подшефным совхозом о выде-

лении строительных материалов, домашнего скота, присматривалась к труду местных животноводов.

Правда, на самой заставе нашлись сомневающиеся. Если необходимость сооружения жилья понимал каждый, то в хозяйственном строительстве кое-кто видел лишние хлопоты и ненужные дополнения и без того к трудной пограничной службе. Здесь уже требовалось вмешательство замполита. Шуварский разъяснял войнам, почему заставе необходимо иметь все свое для нормальной жизни. И до сел ближайших добираться неблизко, и дороги в районе не ахти какие, и погода тут изменчивая, очень капризная. А служба на границе требует полной отдачи физических и духовных сил. Поэтому пограничникам следует соответственно и питаться. Вот для чего заставе надо иметь все свое: свежеспеченный хлеб, молоко, овощи, мясо.

Так пограничники приобретали новые для себя специальности: учились косить сено, ухаживать за поросятами, донть корову.

Теперь-то «нулевой цикл» позади. Но значит ли это, что на заставе поубавилось забот? Нет, конечно. Ведь жизнь на границе не терпит шаблонов. В любую секунду здесь может случиться нештатная ситуация, которая не предусмотрена ни одной инструкцией. Как тогда действовать? Ответ тут один — достойно. Для этого-то и существует боевая подготовка, проводятся учебные занятия.

Граница, как я убедился, бывая на разных заставах, — это напряженная учеба. Занятия тут разноплановые. Есть, конечно, чисто профессиональные, присущие только пограничным войскам: те же «погоны» за нарушителями, изучение следов, работа с собаками. А бывают и другие. Замполит одной из застав лейтенант Юрий Калмыков рассказывал:

— Пограничники кроме чисто специальных навыков должны владеть и всеми приемами мотострелка: уметь вести наступление, атаковать противника, обороняться. Вот почему одно из занятий мы построили в виде учения: отработывали действия по захвату прорвавшейся группы «нарушителей». В роли «нарушителей» было отделение сержанта Петра Хоменко.

Первым заметил передвижение группы Хоменко часовой. Пост наблюдения передал информацию дежурному по заставе ефрейтору Сергею Васильеву. Тот доложил начальнику заставы, который дал вводную — офицерам выступать в качестве наблюдателей и не вмешиваться в действия подчиненных. Тогда Васильев тут же поднял заставу по тревоге. А с поста наблюдения последовала новая информация: «нарушитель» понял, что обнаружен, и, судя по его действиям, намерен наступать, прорываться с боем.

В этих условиях не растерялся сержант Анатолий Матвеев. В считанные секунды он занял удобную позицию и четко расставил по местам свое отделение. У каждого воина моментально нашлось дело: один устанавливал связь с заставой, другой быстро подносил боеприпасы, третий готовил к бою оружие...

У Матвеева было еще время обдумать, как лучше повести боевые действия, и вдруг сработало сигнальное устройство. Он понимал, необходимо срочно отправлять тревожную группу, так как ему было неизвестно: то ли на границе действительно что-то случилось, то ли начальник заставы решил усложнить обстановку на учении. Группу Матвеев, естественно, отправил, но его отделение враз поредело.

А «нарушители» стали наглеть. Почувствовав, что впереди всего горстка воинов, они пошли в наступление. Матвеев же не только остановил их сильным и метким огнем, но, учитывая рельеф и ис-

пользуя дымовые шашки, повел своих ребят в контратаку, закончившуюся захватом «нарушителей».

Это была учёба. Но она подготовила ребят к другой не стандартной, не предусмотренной в уставах и инструкциях ситуации, когда в районе начались сильнейшие наводнения. Безобидные ручейки превратились в бурные потоки. Впрочем, вот что говорят очевидцы. Рассказывает ефрейтор Александр Антропов:

— Быстро прибывавшая вода размывала многие дороги, снесла некоторые мосты. Угрожала она и сенокосным угодьям. Часть людей командование направило в помощь гражданскому населению. Военные докашивали последние травы, убирали с полей сельскохозяйственную технику, перегоняли скот. Времени у них было в обрез. Стихия не шутила, вся местность была под угрозой затопления.

В боевые дозоры мы уже уходили не на два часа, а на четыре, шесть, порой и на целые сутки. А когда возвращались на заставу, позволяли себе короткий перекур и спешили наводить мосты и дороги. Тревожные группы поднимались в сутки по десять—двенадцать раз.

А как-то на стыке застав наряд обнаружил неизвестные следы. На поиск срочно отправилась дополнительная группа. Застава жила в напряжении. Нагрузки на каждого человека резко возросли. Спать приходилось по полтора-два часа в сутки. Но никто тогда не дрогнул, не отступил перед напором стихии и трудностями службы. Сказались полученные в напряженной боевой учебе навыки, физические тренировки, выносливость и мужество пограничников.

Остается ли на границе время для отдыха? Да, но очень мало. Казалось бы, в армии, взять, скажем, мотострелковые части, тоже служить нелегко. Но все-таки возможностей для разнообразного от-

дыха больше. Бывают увольнения, походы в местные театры, экскурсии. Если воин не занят в наряде, то в его распоряжении ежедневно несколько часов после ужина, вторая половина субботы (первая обычно отводится под хозяйственные работы), праздничные и воскресные дни. На границе иной распорядок.

Большинство нарядов выпадает на ночные часы. Не прекращается служба и днем: одни на наблюдательной вышке дежурят, у других — боевая учеба. Спать приходится хоть и восемь часов, но, как правило, в два-три приема. Да и выходных дней здесь, по существу, не бывает.

На что уходят редкие свободные часы? Ефрейтор Павел Федотов поправил:

— Скорее не часы, а минуты. Их хватает на то, чтобы пришить к гимнастерке свежий подворотничок, надрать сапоги, письмом написать да еще книгу полистать.

Читают на заставе не все подряд. В руках ребят, например, почти не увидишь толстые романы. Их за два года службы редко кому удается осилить. Часто бывает так: прочтет парень главу, как неожиданно сигнальное устройство сработает, надо выезжать на место происшествия, а потом новые заботы появляются. Недели через три возвращается солдат к роману и уже не помнит, о чем предыдущая глава была, заново надо читать.

На заставах любят книги потоньше, но емкие по содержанию.

— Если о границе попалась повесть,— продолжает рассказ Федотов,— так хочется, чтобы она была без ложной патетики. Вот прислали из дома недавно небольшую книгу издательства «Молодая гвардия». Автор ее Валерий Андреев. «Курильский дневник» — о дальневосточных пограничниках. Это было интересно, правдиво. Мы увидели настоящие будни границы. Привлек характер героя,

его действия в дозоре, быту, во время цунами. Прочитав по очереди книгу, мы устроили на заставе ее обсуждение. Ребята не просто делились своими впечатлениями, а говорили о том, что бы хотели перенять от героя, чему у него научиться. Особенно поразил всех эпизод, когда герой предложил сократить время прохождения дозора на одном из флангов заставы, отличающемся сложностью рельефа. Дело в том, что и на нашей заставе рельеф местности не из простых. И нам было интересно проследить, за счет чего сократилось время дозора. Во-первых, герой писателя досконально изучил особенности местности. Во-вторых, ему помогли физические тренировки и выносливость. Все эти приемы нам захотелось применить с разрешения командования и на собственной практике.

Федотов признавался также в том, что на заставе любят читать стихи. Нравятся пограничникам и книги местных авторов. В них ребят привлекает прежде всего рассказ о традициях коренных дальневосточников. Такие книги помогают лучше постигать историю, природу края, обычай местного населения, а значит, быстрее осваиваться на Севере, приспосабливаться к суровому климату, нести здесь пограничную службу.

Скоро друзьям Федотова, я знаю, увольняться. Готовятся уйти в запас сержант Валерий Юрьев, рядовые Игорь Дымнов и Игорь Лысов, ефрейтор Альберт Шигалов. За два года службы они настолько влюбились в здешний край, что собираются остаться тут после демобилизации. Что ж, хорошее дело. Северу нужны их рабочие руки. И верится, на новых рабочих местах они будут такими же надежными и верными, как и на пограничной службе.

Александр Мурлин

«СЧАСТЛИВОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ!..»

1

Для сержанта Андрея Шарухо сегодняшний день — особенный. Он сам до сих пор не понимает: грустный или радостный. С одной стороны, надо ликовать — завтра домой, два года службы в пограничных войсках позади. С другой — не по себе, все-таки два года отдано любимому делу. На счастье, местный аэропорт из-за непогоды закрыт вторые сутки, можно спокойно подумать, подремать в комнате пограничников аэровокзала в любимом и знакомом кресле.

Накануне друзья тщательно помогали ему готовиться к отъезду. Кто отгладил китель, кто оформил традиционный альбом, кто просто сидел рядом, пел под гитару. В тот вечер сержант Андрей Шарухо еще не осознал полностью, что завтра — последний день службы и что сегодняшние традиционные приготовления к наряду — тоже последние. С разрешения командира в наряд он пошел «при параде». На груди знаки воинского отличия: «Старший пограничного наряда», «Воин-спортсмен», «Отличник Советской Армии», «Специалист второго класса» и «Отличник погранвойск» I и II степеней.

По-настоящему загрустил Андрей в аэропорту, где заступил в последний наряд на контрольно-пропускном пункте. Привычный за два года службы гул самолетов различных марок сейчас слился воедино. Этот гул сержанту казался прощальным гудком теплохода, уходящего из родной гавани. Навсегда...

Андрей, сидя в кресле пограничной комнаты, думал: «Завтра прилетаю в Новосибирск, сажусь в поезд до Томска и, если повезет, к вечеру доберусь до дома — в Кривошинский автобусы ходят часто...» Вдруг он стяхивал с себя дремоту и думал уже о другом — вспоминал товарищей, командира. «Командир советовал подумать о дальнейшей жизни. Сказал, что можно остаться на сверхсрочную службу — такие специалисты, как я, нужны. Да, надо думать и решать. Трудно будет без службы, без ребят...»

2

Где в первую очередь мы встречаемся с пограничниками? Каждый житель или гость Магаданской области, еще не ступив на северную землю, уже в салоне самолета услышит (кто привычное, а кто и новое): «Здравствуйте, товарищи пассажиры. Пограничный наряд, просим приготовить документы на проверку». И начинается обычная процедура. По салону воздушного лайнера проходят подтянутые, строгие солдаты. Быстро, чтобы не задерживать уставших от полета пассажиров, но внимательно просматривают документы, пропуска на въезд в пограничную зону. Многие из северян были неоднократными свидетелями этой работы пограничного наряда. Но кто ставил себя на место контролеров? Кто представляет сложность этой простой, на первый взгляд, формальности?

У пограничников есть профессиональный термин — «Граница

закрыта». Она действительно закрыта на период проверки документов, и ощущение границы возникает на борту каждого самолета, прилетающего сюда. За несколько минут, что уходят на проверку документов, пограничник обязан проделать огромную напряженную работу. В первую очередь выявить лиц, прибывших без прописки, с просроченными документами, без пропуска в пограничную зону. Затем не пропустить в документах «мелочи», свидетельствующие специалисту о многом. Например, обнаружить разницу между предьявителем паспорта и его фотографией.

Подобных «мелочей» множество, но самой главной и основной задачей пограничного наряда все же остается выявление нарушителей Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик.

Командир контрольно-пропускного пункта офицер А. П. Иванов привел немало примеров, которые наглядно проиллюстрировали ответственность контролеров, не оставили никаких сомнений в том, что работа пограничного наряда КПП — дело особой важности.

Перебирая личные дела подчиненных, Анатолий Петрович рассказывал:

— Вот, пожалуйста, ефрейтор Сергей Полуэктов, наш комсомольский секретарь, обнаружил в одном из самолетов пассажира с фальшивыми документами. Дальше. Рядовой Игорь Самошкин задержал в самолете опасного преступника, разыскиваемого органами МВД. Рядовой Валерий Арутюнов тоже отличился: заметил в паспорте два вклеенных листа (как потом оказалось, владелец документов был крупным спекулянтom, сбывающим овощи и фрукты по завышенной цене). А рядовой Олег Шестаков проявил смекалку при задержании рецидивиста, на которого МВД СССР объявило «всесоюзный розыск»...

После таких случаев, как видите, неприметная со стороны повседневная работа пограничного наряда становится очень нужной, важной для каждого из нас, для нашей спокойной трудовой жизни.

«Граница закрыта» — эта фраза знакома нам больше из рассказов о службе на далекой заставе, о ночных дозорах и секретах возле контрольно-следовой полосы. Для контролеров КПП граница — это и борт воздушного лайнера и кусочек нашей северной земли, куда должны ступить с самолета советские люди.

3

У воинво этого контрольно-пропускного пункта служба проходит не только в аэропорту. Регулярные дозоры устанавливаются на всем протяжении автотрассы, на других транспортных линиях области. Надо сказать и еще об одной стороне службы пограничников КПП. Это контрольные проверки торговых и рыболовецких судов в морском торговом порту города. В отличие от аэропорта, где проверяются только документы, на теплоходах, сейнерах и ледоколах пограничники одновременно выполняют функции таможни. Многие суда отправляются в Японию, Канаду, Соединенные Штаты Америки и другие страны. А сюда доставляются грузы из Австралии, Филиппин, Малайзии, Индонезии, других стран Юго-Восточной Азии. И находятся, к сожалению, еще несознательные моряки, которые пытаются провести контрабанду. Обнаружить ее — задача пограничного наряда, проверяющего торговое или рыболовное судно. Кроме этого, нужно еще выявить места наиболее вероятных «сюрпризов» и «подарков», любезно спрятанных при загрузке советского судна в иностранном порту в контейнеры и ящики за-

океанскими «доброжелателями». Такое, к сожалению, тоже случается.

Особая бдительность, внимательность при проверке, смекалка и опыт — эти качества помогают воину провести досмотр уверенно и надежно. Причем опыт — главное. В наряд в морской торговый порт ходят все пограничники контрольно-пропускного пункта, среди них нет неопытных. Потому что здесь тоже граница, четко обозначенная металлической палубой.

...Как-то в бухту ранним утром вошло неопознанное судно и встало на рейде. От борта отошел небольшой мотобот и взял курс к берегу. В предрассветном тумане слышался размеренный стук мотора, приближающийся с каждой минутой. Первым этот звук услышал рядовой Михаил Майнагашев, предупредил старшего пограничного наряда. Дальше воины действовали строго по уставу. «Нарушителей» взяли на берегу. Ими оказались члены экипажа рыболовецкого сейнера, возвращающегося из долгой промысловой экспедиции и в густом тумане сбившегося с курса. К счастью, это были наши, советские люди.

...А это судно встало на рейде морского торгового порта после одного из длительных рейсов в Соединенные Штаты Америки. При досмотре на палубе пограничники обнаружили спрятанный сверток с контрабандой. Вся команда категорически отрицала причастность к этой находке, смущенный капитан заверял офицера, что случилась какая-то нелепость, ошибка. И тогда наряду не оставалось сделать ничего другого, как произвести выборку владельца контрабанды среди судовой команды. Понадобилась помощь розыскной собаки. Опытная овчарка Амур буквально тащила на поводке своего вожака сержанта Александра Зайцева. Пес обнюхал сверток, потом еще раз, еще и посмотрел на хозяина. «Искать!» — скомандовал

пограничник, и поводок вновь упруго натянулся. Амур, обнюхал каждый квадратный сантиметр судна, познакомился со всеми членами экипажа. Пограничники взволнованно переглядывались: «Должен найти, обязан...» Но умная овчарка вела себя спокойно. Вот уже уверенно она потянула за собой сержанта Зайцева в одну из кают, прыжком открыла дверь кубрика и громко, зло залаяла. Хозяин кубрика и оказался обладателем свертка с контрабандой. Ему не удалось перехитрить ни пограничников, ни Амура, хотя он прибегнул к ухищрению — густо смазал лицо и руки терпким одеколоном, чтобы перебить запах. Но в своеобразной дуэли победила пограничная собака.

4

«...Личный состав для боевого расчета построен...» Эти привычные для каждого пограничника слова каждый день наполняются особым смыслом. В строю стоят вчерашние рабочие, студенты, школьники... А сегодня они — пограничники, и страна доверила им оружие для охраны наших границ. Наше советское общество готовило их стать квалифицированными специалистами на производстве, хлеборобами, врачами... Общество готовило этих ребят быть и воинами, защитниками рубежей Отчизны. У каждого из бойцов своя судьба, свой путь. Но одно объединяет и сплачивает ребят — легкая служба, готовность к подвигу.

Рядовой Игорь Самошкин, член комитета ВЛКСМ подразделения, служит в КПП полгода. Его имя уже упоминалось, когда мы рассказывали об отличившихся пограничниках. Игорь закончил Магаданскую школу № 1, поступил учиться в филиал Хабаровского политехнического института на автомобильный факуль-

тет. После первого курса призван в ряды Вооруженных Сил СССР и служит отлично. Хотя нелегко служить рядом с домом, с родителями. Я спросил Игоря: чем он мечтает заняться после службы, кто сейчас вспоминается ему чаще? Он ответил сразу, что продолжит учиться на любимом автомобильном факультете. А вспоминает, конечно, маму, Нину Матвеевну. И еще Галину Васильевну Хорошилову, учителя химии, доброго друга и советчика школьников всех поколений...

Рядовой Игорь Батищев. За его плечами полтора года службы, призывался из Тулы. Недавно к своим знакам воинского отличия он прибавил еще два — «Старший пограничного наряда» и «Специалист третьего класса». До призыва Игорь закончил Тульский механический техникум транспортного строительства, успел освоиться на производстве, после службы решил вернуться в родную бригаду, откуда часто получает письма. Ждет он весточки от мамы, Галины Алексеевны, электрофотографа одного из научно-исследовательских институтов Тулы. Она почему-то не верит, что в Магадане нет белых медведей, а зимой теплее, чем в Подмоскovie. Он же сообщает ей, что служба идет хорошо. В бдительности Игоря мне пришлось убедить самому. Случилось это в аэропорту, куда я приехал к пограничникам поговорить. Представился, открыл блокнот и вдруг услышал: «Разрешите, товарищ журналист, ваши документы». Внимательно изучив мое удостоверение, сличив фотографию с лицом, он вернул документы и спокойно сказал: «Все в порядке, продолжим беседу...»

Здесь же, в комнате пограничников, я познакомился с удивительным человеком, старшим пограничного наряда прапорщиком Виктором Ивановичем Цыганковым. В пограничных войсках он восемнадцатый год. Коренной сибиряк, он долго не мог привыкнуть к влаж-

ному климату Приморья. А настало время уезжать домой; затосковал. Съездил в родную деревню, посоветовался с мамой, пятью братьями и двумя сестрами, попрощался с друзьями из тракторной бригады и вернулся в пограничные войска.

С радостью встретил Цыганкова его первый наставник, фронтовик-разведчик, кавалер многих боевых орденов, начальник школы сержантского состава В. Г. Дорофеев. Обнял, приговаривая: «Молодец, солдат, генералом будешь...» Затем была служба и дружба с преподавателем учебного пункта Г. Н. Вишневым, настоящим учителем и воспитателем молодого прапорщика. Были у Виктора Ивановича и погони, и задержания. О них он сегодня рассказывает молодым солдатам. Но особенно запомнился случай, произошедший на Севере, когда пришлось задерживать вооруженного преступника. Он долго не мог забыть направленного в грудь ствола и повторял сам себе: «Как правильно я поступил, что остался служить в пограничных войсках!» Жена Ольга Андреевна, воспитатель детского сада, как и дети, Марина с Андреем, до сих пор не знают об этом случае. В тот вечер, после успешной операции, дома сказал коротко: «Задержался на работе...»

Прапорщик А. В. Федоров, например, на КПП пришел служить восемь лет назад и остался на сверхсрочную службу. Многие в казарме и Ленинской комнате, дежурной части и солдатской столовой сделано его руками. Вот этот стенд он формлял еще будучи младшим сержантом... Александр Владиленович — наиболее опытный контролер, работает безошибочно, творчески. В самых, казалось бы, запутанных ситуациях он действует уверенно. А личный пример очень важен в воспитании из солдат хороших специалистов, отличных воинов.

Прапорщики Анатолий Федорович Дзяблов и Леонид Лукич

Ланкин — верные помощники командира контрольно-пропускного пункта Иванова. Он говорит о них с особой теплотой. Впрочем, я не встретил в подразделении человека, о котором Анатолий Петрович не говорил бы с искренней добротой и уважением.

Открытое, обаятельное, с искренней улыбкой лицо Иванова располагает, невольно притягивает к себе человеческой теплотой. Анатолий Петрович со школы мечтал стать пограничником. Хорошо учился, занимался спортом, готовил себя к нелегкой службе в пограничных войсках. Мечта сбылась, вчерашний школьник надел форму курсанта Московского высшего Краснознаменного пограничного командного училища КГБ СССР. И специализацию выбрал самую трудную, ответственную — контрольно-пропускной пункт. С погонами лейтенанта после окончания училища он был направлен на КПП международного аэропорта «Шереметьево-2». Именно эти первые годы службы стали для Иванова самым серьезным испытанием в жизни — проверкой не только на гражданскую зрелость, но и своеобразным фундаментом знаний, опыта, мастерства.

...Самолет Ил-62 подготовлен к полету. Техники вместе с борт-механиком проверяют последний раз узлы и механизмы мощной машины. Через несколько минут лайнер возьмет курс в одну из капиталистических стран Европы. Пассажиры, пройдя таможенный досмотр, заняли свои места, развернули газеты и журналы, стюардессы начали развозить по салону тележки с прохладительными напитками. А пограничный наряд во главе с Анатолием Петровичем Ивановым занимался будничной работой. Вроде бы все закончено, можно и отправлять самолет в полет. Водитель трапа уже занял свое место, один из членов экипажа приготовился закрывать входной люк, когда Иванов резко скомандовал: «Наряд, внимание!» Затем

зашел под самолет, нагнулся к техническому отсеку, куда через несколько минут уберутся шасси, и уверенным жестом вытащил человека. Нарушителю не удалось вылететь за рубеж. То есть нарушить Государственную границу СССР.

За бдительность и отвагу, проявленные при задержании нарушителя Государственной границы СССР, А. П. Иванов Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР». Потом случалось еще немало ситуаций, когда молодому офицеру требовались не только знания, полученные в училище, но и настойчивость, твердость, приобретенные в первые годы самостоятельной работы. Эти качества помогали ему в сложных обстоятельствах при досмотре самолетов швейцарских, французских, английских, итальянских и других зарубежных авиакомпаний... Нет сегодня в мире типа воздушных судов, которые бы не досматривал офицер Иванов. Он знаком не только с их марками, модификацией, спецификой устройства и расположения буквально всех закоулков, но и с разновидностями узлов того или иного типа самолета. Там же, в «Шереметьево-2», он получил свою вторую медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР». Затем и третью — «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР». Там же стал специалистом первого класса.

На Крайнем Северо-Востоке Иванов служит второй год. И работает, как всегда, отлично. Его умению нести пограничную службу честно, аккуратно, тщательно учится весь без исключения личный состав контрольно-пропускного пункта.

В разговоре Анатолий Петрович пошутил, что его сын-второклассник хочет почему-то стать таксистом, космонавтом или моряком. И добавил: «Будет пограничником. Обязательно...»

О сложной и ответственной службе на контрольно-пропускном пункте мы беседуем с офицером-политработником Валерием Михайловичем Садчиковым. Он по праву считается ветераном пограничных войск, за его плечами не один десяток лет ответственной работы на границе. Путь от солдата до офицера пройден нелегкий, поэтому Садчикову до мелочей знакомо все, что касается службы и быта солдат. Контрольно-пропускной пункт, по мнению Валерия Михайловича, наиболее серьезный участок работы пограничников.

Судите сами,— и он загибает пальцы на руке,— во-первых, если на контрольно-следовой полосе нарушитель оставляет какие-нибудь следы, то в аэропорту или на судне их практически нет. Во-вторых, боевая служба воинов КПП проходит на магистральных путях сообщений материка и Крайнего Северо-Востока. В-третьих, работают пограничники на наиболее вероятных путях и направлениях нарушения Государственной границы СССР. В-четвертых, что самое главное, несут свою вахту в непосредственном общении с населением, с людьми разных характеров и настроений. К этому нужно добавить необходимость сдерживать себя в любых ситуациях, быть предельно внимательным, предупредительным и аккуратным в ежедневных контактах. Все это я бы назвал одним качеством — пограничной культурой...

Но как добиться того, чтобы вчерашний призывник сегодня стал настоящим воином, специалистом, смог отвечать всем требованиям, предъявляемым к службе на контрольно-пропускном пункте?

Командиры и политработники подразделения здесь проводят большую кропотливую работу. В начале службы солдата его родителям отправляется письмо. В переписке с родственниками выявляют-

ся привычки, склонности солдата, различные стороны его характера. А затем начинается постепенное воспитание пограничника. Практикуют в части общие собрания военнослужащих. Открытый разговор на них идет на самые различные темы — касающиеся службы, взаимоотношений, родного дома. Хорошей традицией стало зачитывать на таких собраниях письма отцов и матерей, которые обращаются к своим сыновьям с родительским наказом нести службу достойно и добросовестно. Такие минуты особенно приятны командиру Иванову — читать письмо и смотреть на выражение лиц воинов. Ребята становятся сосредоточенными, внимательными. Каждый думает о своем, а все вместе — о Родине, о трудной и ответственной службе. Строгими становятся лица ребят, когда командир зачитывает письмо ветерана Великой Отечественной войны, прошедшего с боями трудный путь фронтовых дорог. Каждый молодой солдат представляет себя на месте фронтовика в те грозные годы испытаний и побед.

После очередного собрания А. П. Иванов приходит в дежурную часть, садится за широкий стол, достает из сейфа объемистые личные дела военнослужащих, пододвигает пачку чистой бумаги и задумывается. Сейчас предстоит важное дело: написать благодарственные письма родителям пограничника, товарищам по работе, учителям за его хорошую подготовку к службе.

Вот этот конверт уйдет в Томскую область, на родину сержанта Андрея Шаруха. Этот — родителям инструктора служебного собаководства Александра Зайцева. Надо еще написать домой Сергею Брылеву, Сергею Погодаеву, сообщить родственникам Константина Большанина, что лучший пограничник подразделения принят недавно кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза...

...На очередное дежурство командир контрольно-пропускного пункта Иванов едет старшим пограничного наряда. Уложен портфель, проверен массивный фонарь. В дежурной части в одну шеренгу выстраиваются пограничники. Звучит команда:

— Наряд, равняйся, смирно! Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик! Задача... Форма... Объект работы... Состав наряда... Мой заместитель... Время отправления...

Пункты приказа звучат лаконично, строго. В шеренге знакомые лица, несколько минут назад улыбающиеся, а сейчас сосредоточенные. К дежурной части подъехала машина, накрытая тентом. В кузове грузовика по порядку рассаживаются пограничники. Потом наступает очередь служебных собак. Инструкторы подводят их к борту и коротко командуют: «Вперед!» Почти трехметровую высоту огромные псы преодолевают за считанные секунды. Первым в машину забрался старый знакомый Амур, сел рядом с Сашей Зайцевым, поближе к воздуху. У Амура это любимое, личное его место. Рядом примостился Рекс, он не из любопытных. Дождался, когда снимут намордник, зевнул и улегся на мои ноги, не обращая никакого внимания на нового человека.

Ехали молча. Рекс, от понятного только ему какого-то внутреннего удовольствия, радостно повизгивал. А Амур так и простоял всю дорогу, разглядывая автобусы и автомобили, следовавшие за пограничной машиной.

В вольерах или отдыхая после нарядов собаки могут себе позволить попрыгать, поиграть. Вне службы они похожи на обыкновенных домашних собак. Посторонний человек, поглядев на эту картину,

наверняка удивится — неужели это пограничные овчарки? Но стоит раздаться команде «Тревога!», как ласковые с виду псы меняются на глазах — рвутся на поводке, увлекая за собой хозяина.

...У меня минут через десять затекла нога. Но как это объяснишь огромному Рексу? Всю дорогу собака так ни разу и не пошевелилась. Не трогало пса даже внимание Амура, который периодически ласково облизывал своего собрата. Да, и у собак, как у людей, разные характеры. Но сдержанность Рекса и любопытство Амура через полчаса исчезнут бесследно: вместе с пограничниками собаки начнут работать, начнут нести вахту по охране Государственной границы СССР.

...Двое суток стояла непогода, наконец-то голос по радио объявил: «Аэропорт открылся». Зашел на посадку самолет Ил-62 из Москвы, скоро должны объявить посадку на рейс в Анадырь. Один за другим заработали двигатели на стоящих у аэровокзала самолетов. Аэропорт начинал жить повседневной будничной жизнью.

А сержант Андрей Шарухо проводил в пограничной комнате последние часы своей службы. «Прилечу домой и буду решать — остаться или вернуться на границу. Старшие братья и сестра будут уговаривать — не зря ведь учился на электромонтера. Ну, их-то я сумею убедить. Сложнее с Татьяной. Она работает, учится по вечерам, согласится ли поехать со мной на Север?»

Последнее письмо от любимой девушки было доброе и нежное. Писала, что ждет, будет встречать в Томске и поедет с ним хоть на край света... «Посмотрим», — продолжал думать Андрей.

Пробудил его от дремоты бодрый голос диктора в динамике: «К сведению пассажиров и встречающих, произвел посадку самолет, выполняющий рейс ... по маршруту ... Объявляется посадка на рейс ... следующий в ...». Весь наряд уже готов к работе. Батищев

застегивал ремень, Самошкин поправлял звездочку на шапке, прапорщик Цыганков обвязывался португеей. Шарухо надел шинель, посмотрел на себя в зеркало и впервые очень остро почувствовал, что сейчас, в этот момент он выходит из пограничной комнаты может быть в последний раз. Его охватила необъяснимая тоска...

На борт московского самолета пограничный наряд поднялся в обычном порядке. Воины разошлись по салонам, и в тишине, наступившей после отключения двигателей, громко и четко прозвучали слова: «Здравствуйте, товарищи пассажиры. Пограничный наряд, просим приготовить документы для проверки». Граница закрылась. Через двадцать минут проверка закончена, и пограничный наряд первым спускается по трапу самолета. Граница открыта, добро пожаловать!

Солдаты во главе с прапорщиком направляются к стоящему рядом самолету Ту-154. Он уже готов к вылету в Анадырь, ждет пограничников. Сержант Шарухо прошел в первый салон, развернулся перед дверью пилотской кабины и с усилием сказал: «Здравствуйте, товарищи пассажиры. Пограничный наряд, просим приготовить документы для проверки». Просмотрел паспорта, прошел между кресел, поднял упавшую в проходе детскую шапку, улыбнулся загорелому малышу, устроившемуся на руках матери, и пошел к выходу.

Но что-то его остановило. Андрей вернулся в начало пассажирского салона, встал перед отправляющимися в долгий рейс людьми, с грустью посмотрел в их лица и громко произнес: «Желаю всем приятного полета». А затем тихо, не по-уставному, добавил: «Счастливого полета, товарищи...»

Ту-154 уже выруливал на взлетно-посадочную полосу, когда пограничный наряд подходил к зданию аэровокзала. Андрей Шару-

хо задержался на морозном воздухе, заслонил глаза от солнца ладонью и смотрел вдаль, вслед улетающему самолету. Последнему самолету в своей пограничной службе. Про себя Андрей мысленно повторял: «Счастливого пути!»

В комнате пограничников прапорщик Цыганков, словно угадав мысли Андрея, улыбнулся: «А мы тебе желаем только счастливого возвращения. Прилетай. Будем ждать и встречать...»

Виталий Ходос

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Пурпурно-красный диск солнца вставал из-за белого горизонта. Рядовой Андрей Кузнецов сначала не сообразил, что по линзам бинокля проскочили лучики солнца. Подумал: наверное, отразились искры электросварки. Внизу, у небольшого растворного узла, в это морозное утро работали сварщики, и Андрей долго наблюдал за умелыми действиями ребят. Но когда Кузнецов вышел на смотровую площадку пограничной вышки, в глаза ударили яркие солнечные лучи.

Шар, горевший киноварью, поднимался все выше над сопками, потом медленно-медленно покатился по белым, заснеженным вершинам. «Ну вот и полярной ночи конец»,— удовлетворенно подумал Андрей.

— Товарищ старший прапорщик,— негромко сказал он в телефонную трубку,— докладывает рядовой Кузнецов. Солнце взошло.

— Какое солнце? — не понял дежурный по заставе.— Ты что, Кузнецов, говоришь? Часом, не мечтаешь на посту? — уже более строго спросил старший прапорщик Михаил Васильевич Пехньо.

— Никак нет, не мечтаю. Настоящее солнце вижу, над сопками поднимается.

Михаил Васильевич встал со стула, прошелся вокруг пульта радиосвязи, зачем-то взглянул на телефон. «Наконец-то солнце, дождались,— мысли спешили одна за другой.— Ребятам легче будет. Эх, обрадую начальника заставы».

— Товарищ капитан, ночь закончилась, взошло солнце,— приоткрыв дверь в кабинет начальника заставы Сергея Владимировича Кашкина, сказал Пехньо и кивком головы показал на окно.

Капитан Кашкин подошел к окну, раздвинул шторы. В кабинет брызнули весенние солнечные лучи. «Светит как ярко,— пронеслось в голове.— Словно в Прибалтике».

...На одну из застав в Прибалтике Сергей Кашкин прибыл после окончания пограничного училища. Получил должность замполита. Будни службы оказались такими, как он и предполагал.

Наряды, учеба, отработка действий в сложных ситуациях. У замполита главенствующую роль занимала работа с людьми. Лейтенанта Кашкина она не тяготила. К этому делу своей жизни он шел давно и сознательно.

Родился Сергей Кашкин в небольшом шахтерском городке. Мать Зоя Ивановна учительствовала, а отец Владимир Петрович — военный, в свое время тоже закончил пограничное училище. Да и дед был офицером. Так что выбор будущей профессии не представлял большой трудности для Сергея: пограничное училище. И обязательно в Голицыно.

В военкомате, когда решался вопрос поступления на учебу, комиссар ответил: «В Голицыно места нет. Выбирай, будущий пограничник Кашкин, другое училище». А хотелось именно там учиться. Рискнул, поехал в Голицыно, и удача не обошла его стороной.

Два года службы в Прибалтике. Береговая полоса Балтийского

моря стала близкой и родной. В дозор приходилось ходить и днем, и ночью. Каждый кустик был знаком. Потом вдруг появилась мысль побывать в Арктике.

Не говорил жене Галине, не хотел беспокоить перед скорыми родами. А когда пришло назначение, даже растерялся. Шел домой, в голове путались мысли: «Как воспримет новое назначение Галя, как объяснить ей, что Арктика — его мечта. И станет ли его мечта понятной жене?» Так и не придумал объяснения своего решения.

Вопреки его сомнениям, Галя ответила вопросом: «Когда отправляемся?»

Телефонный звонок оторвал Сергея Владимировича от окна.

— Товарищ капитан, прибыл наряд для охраны Государственной границы,— докладывал дежурный по заставе.

— Иду,— коротко ответил капитан Кашкин. Легко положил трубку на рычаг, направился к двери. У висевшего на стене зеркала задержался, поправил китель, фуражку на голове, придирчиво взглянул на себя. Остался доволен.

По коридору капитан шел не спеша. До того места, откуда каждый раз пограничники начинают путь в дозор, минуты полторы-две ходьбы. Сколько раз проходил этот маршрут, но каждый раз Сергей Владимирович преодолевал его с волнением. Торжественны и строги минуты отдачи приказа. Высокая ответственность ложится на тех солдат, которые уходят на охрану границы. Еще выше она у него, капитана Кашкина, которому Родина доверила руководить людьми, отвечать за их судьбы.

На заставе тихо. Отдыхают солдаты, возвратившиеся с ночных нарядов. Шаги гулко отдаются в тишине.

Дежурный по заставе и наряд ждали капитана у пограничного

столба. Он установлен в помещении, у стены, на которой изображена карта страны.

— Наряд, смирно! Товарищ капитан, пограничный наряд для охраны Государственной границы прибыл,— доложил старший наряда ефрейтор Туренко.

— Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик,— торжественно произнес начальник заставы капитан Кашкин.

...Миновав пограничную вышку, с высоты которой хорошо видна вся застава, наряд вышел на косу. Белые маскхалаты сливаются с белым снегом. Иногда пограничники теряются в торосах, лишь черные точки автоматов за плечами позволяют определить, где идет наряд.

Северный Ледовитый океан еще закован льдами, до самого горизонта безбрежное снежное море. Огромные торосы поднимаются вдоль всего берега. Слева — нагромождения торосов, а справа, чуть дальше от косы, раскинулись постройки аэропорта. Там кипит жизнь. Порой даже удивительно думать, что здесь, на самом краешке земли, бурлит жизнь. Прилетают и улетают самолеты, по утрам люди спешат на работу, вечером торопливо, кутаясь в воротники шуб, возвращаются домой.

Холодный ветер забирается под шубы и маскхалаты пограничников, щеки пощипывает мороз. Сегодня хорошо — нет пурги, а к ветру ребята уже привыкли. Труднее в пургу, когда навстречу летят снежные комья, ветер пронизывает до костей, не дает шагнуть вперед.

На косе ровно лежит снег. Пейзаж оживляют лишь причудливой формы торосы, взбугрившиеся льды.

— Песец пробежал,— наклонившись над следом, сказал Турен-

ко, обращаясь к ефрейтору Бороздину, шагавшему след в след за старшим нарядом.

— Что ему надо во льдах? — удивился Виктор Бороздин.— Кормиться там нечем.

— Возможно, охотники заставили искать убежище..

Чуть дальше косу пересекал еще один след.

— Испугался торосов, вернулся в тундру,— продолжал свою мысль Сергей Туренко.— Видишь, как торопливо бежал.

— Думаешь, тот же зверек?

— След похож. Заметил, одна ямочка чуть вздернута, наверное, ранен песец,— как бывалый охотник ответил ефрейтор Туренко.

Удостоверившись, что на участке спокойно, пограничники повернули к торосам. Выбрав наблюдательный пункт, Сергей Туренко и Виктор Бороздин поудобнее устроились между льдинами. В бинокль хорошо видна прибрежная коса. На многие километры тянется она вдоль океана.

— Товарищ ефрейтор,— обратился Бороздин к Туренко,— у косы название почему-то странное. В честь двух пилотов названа. Не знаешь почему?

— Читал об этой косе. После наряда расскажу,— ответил Туренко.— А сейчас вызови заставу, доложим обстановку.

Бороздин после возвращения на заставу не отставал от ефрейтора Туренко. Заинтересовала его коса Двух Пилотов. Договорились встретиться в Ленинской комнате.

...История эта закончилась трагически. А началась она еще в те времена, когда районы Берингова пролива, Чукотского моря считались недоступными для авиаторов. Но к полетам готовились летчики арктических стран.

В октябре 1929 года знаменитый в то время летчик Эйельсон с бортмехаником Борландом вылетели из Нома к мысу Северному. Здесь зазимовала американская шхуна «Нанук». На ее борту было много пушнины, и ее предстояло вывезти на самолетах. Американский промышленник Свенсон, владелец ценной пушнины, получил разрешение советских органов.

Предполагалось, что Эйельсон вывезет и заболевшего капитана парохода «Ставрополь», зимовавшего у берегов мыса Северного.

Погода не благоприятствовала Эйельсону и Дорбанду, летчику второго самолета, но они все же решились вылететь из Аляски. В Беринговом проливе самолеты потеряли друг друга в снежной буре. Об этом сообщил возвратившийся в Ном Дорбанд.

Эйельсон на мыс Северный не прилетел. Несколько дней бушевала пурга. О судьбе летчика и бортмеханика Борланда ничего не было известно. И только два с лишним месяца спустя выяснились обстоятельства катастрофы самолета.

Со слов очевидцев чукчи Рартыргина, возвращавшегося из Лаврентия в Рыркайпий, охотника Петушкова, который жил в землянке в устье реки Амгуэмы, было определено примерное место гибели самолета. Советские летчики М. Т. Слепнев и В. Л. Гладышев в конце января 1930 года прибыли на мыс Северный. Отсюда начались поиски самолета. В этой работе участвовали экипажи парохода «Ставрополь», американской шхуны «Нанук», санные экспедиции из Уэлена и Провидения.

М. Т. Слепнев посадил свой самолет «СССР-177» на косе, где, по предположению, погиб американский экипаж. Поиски подтвердили это: были найдены при расколках остатки самолета, тела пилота и бортмеханика.

В память об этих летчиках и было принято решение назвать бе-

зымянную косу вдоль берега Северного Ледовитого океана косой Двух Пилотов.

Рассказ Туренко вызвал интерес у пограничников, собравшихся в Ленинской комнате. Прочитал несколько книг об освоении неба Чукотки, летчиках-героях и Виктор Бороздин. Теперь уже и он рассказывает молодым солдатам эту героическую, но грустную историю.

День на заставе, заполненный учебой и службой, близился к концу. Солнце уже давно скрылось за горизонтом. Бег его еще очень краток. Над поселком повисли сумерки.

Сергей Владимирович Кашкин, возвратившись в кабинет, решил посмотреть накопившиеся бумаги. В глаза бросились листы с грифом исполнительного комитета районного Совета народных депутатов. Взглянул на подпись под текстом. Из исполкома извещали о заседании постоянной комиссии, членом которой является капитан Кашкин, прислали для знакомства некоторые материалы. В них шла речь о создании добровольной народной дружины в автохозяйстве. С автомобилистами у пограничников давние и добрые отношения. «Это хорошо, что будет там дружина,— подумал Сергей Владимирович.— Водители колесят по зимним дорогам тундры, помогут, если потребуется».

Телефон зазвонил неожиданно. И, как показалось Сергею Владимировичу, громче, чем обычно.

— Рад приветствовать соседа,— услышал в трубку Кашкин голос капитана Ерохина.— Хотел узнать о новостях.

— Особых новостей нет. У вас сегодня был самолет? — в свою очередь спросил Кашкин.

— Самолет был. Летчики сообщили о замеченном предмете не-

далеко от берега. Жду сообщения тревожной группы. Прапорщик Ломако там.

...Вездеход шел по заснеженной тундре мягко. Внимательно следил за невидимой дорогой, укутанной снегом, водитель Игорь Корнухин.

— Красота-то какая, а, товарищ прапорщик? — повернувшись к сидевшему рядом в кабине Владимиру Ломако, спросил он. — До сих пор не могу привыкнуть к этим сопкам, к тишине.

— Тишина — это хорошо, — спокойно ответил прапорщик. — Тишина — значит порядок на границе. Всегда бы так было тихо.

— Интересно, заметит нас наряд? — не унимался водитель.

— Будь уверен. Не проскочим свободно. Придется останавливаться, — успокоил молодого пограничника Владимир Ломако.

В ту же минуту послышался тихий сигнал рации.

— Ну вот, вызывают нас, — сказал прапорщик.

Владимир Ломако переговорил со старшим наряда, уточнил обстановку.

Вездеход вновь побежал по пограничной полосе. У небольшого ориентира машина приостановила свой бег.

— Можно передохнуть и покурить, — скомандовал прапорщик пограничникам. — Только курить быстро.

Владимир Ломако вышел на связь с начальником заставы.

— У нас порядок, товарищ капитан. Возвращаемся.

— Хорошо. А что за предмет на семнадцатом километре, о котором сообщили летчики Ан-2?

— Пустая бочка, Владимир Анатольевич. Она была оставлена у дороги еще летом, а недавняя пурга «перебросила» ее ближе к океану. Ее-то и заметили летчики.

— Что ж, возвращайтесь, — решил капитан Ерохин. — Пусть уж лучше бочка будет, чем...

Капитан Ерохин не договорил, да пограничникам и так было понятно, что хотел сказать начальник заставы. Конечно, лучше, когда на границе спокойно и звенит в морозном воздухе тишина.

День заканчивался. Капитан Кашкин после разговора с соседом набрал номер дежурного по заставе.

— Михаил Васильевич, есть сообщения дозора аэропорта?

— Да, Сергей Владимирович. Сержант Симоненко доложил о подходе пассажирского самолета. Борт садится через полчаса, — ответил Пехньо.

— Вызовите машину, поеду в аэропорт.

— Есть вызвать машину!

— Да, Михаил Васильевич, позвонит капитан Ерохин, передайте, что я в аэропорту.

— Будет выполнено, товарищ капитан.

...Аэропорт — главные ворота поселка, затерявшегося на далеком Крайнем Севере. Граница проходит по океану, но служба пограничников здесь не менее ответственна, чем там, где земли двух стран разделяет контрольно-следовая полоса.

Проверить документы пассажиров, прилетающих в пограничный район, оформить записи в журнале регистрации, встретить и проводить самолеты, ответить на многие вопросы — все это входит в обязанности пограничников. В этом деле нужны четкость, высокая культура обращения с людьми, зоркий глаз. Такими качествами в полной мере обладают сержанты Зайцев и Симоненко. Они чаще других пограничников выступают в дозор именно на этот участок границы. На заставе Анатолий Зайцев и Григорий Симоненко — луч-

шие специалисты, отличники боевой и политической подготовки. Оба успешно сдали инспекторскую проверку. Не имеют замечаний от командиров.

— Биографии солдат обычные,— рассказал мне замполит заставы старший лейтенант Александр Степанюк.— Родом большинство ребят из Сибири. Кто работал на заводе, кто на стройке. На заставе солдаты мужают, становятся настоящими воинами.

Отлично зарекомендовал себя сержант Григорий Симоненко. Командование решило направить его в училище. Или рядовой Владимир Мещеряков. Он стал хозяином нашей теплицы. В прошлое лето даже арбузы вырастил. Представляете, Крайний Север, а на обеденном столе пограничников — арбуз!

Смело можно сказать: застава — это школа жизни.

Капитан Кашкин подъехал к аэропорту, когда серебристый Ан-24 был уже над полосой. Из здания аэровокзала для встречи самолета вышли пограничники. Ан-24 вырулил на стояночную площадку. Затихли двигатели. Пограничный наряд первым поднимается по трапу в салон самолета.

— Здравствуйте, уважаемые пассажиры,— отдав честь, обращается сержант Симоненко к ожившему салону.— Пограничный наряд. Прошу предъявить документы для проверки.

От кресла к креслу переходят пограничники. Взяв паспорт, внимательно изучают записи в нем, фотографии. Ничто не должно ускользнуть от внимания. Мельком взглянув на пассажира, удостоверившись, что перед ним владелец паспорта, пограничники возвращают документ.

— Пожалуйста, ваш паспорт. Можно выходить.

Цепочка пассажиров движется к аэровокзалу. Последними покидают салон пограничники.

— Товарищ капитан, нарушений нет,— доложил старший наряда Симоненко подошедшему к самолету начальнику заставы.

— Хорошо, сержант,— удовлетворенно заметил капитан.— Продолжайте нести службу!

Сергей Владимирович возвращался на заставу. Стемнело совсем. «Наверное, Галя уже дома,— подумал он.— С дочкой-непоседой воюет».

Свет фар выхватил из темноты ворота заставы. Прожектор на вышке развернулся, его лучи скользнули по подъехавшей машине.

Капитан Кашкин вошел в здание заставы. Сменился дежурный. Командира встретил старшина Журавлев.

— Владимир Константинович, у нас сегодня вечером репетиция ансамбля? — спросил офицер у дежурного.

— Так точно, товарищ капитан. Ребята уже собрались, репетируют. Хорошие песни поют.

— Соседи звонили?

— Капитан Ерохин выходил на связь. У них все в порядке.

Начальник заставы устало опустился в кресло в своем кабинете. Несколько минут сидел, закрыв глаза. Закончился еще один день нелегкой службы на северных рубежах страны. Пора и домой.

— Застава, в ружье! — неожиданно раздалась команда.

Тревога была учебная. Она подняла с постели отдохавших пограничников, через минуту-другую наряды были готовы приступить к исполнению приказа.

Сергей Владимирович наблюдал со стороны, как действуют его подчиненные. Четко, слаженно, оперативно. Это результат учебы, теоретических занятий, политической работы среди личного состава заставы. И это убеждало командира, что силы офицеров затрачены не зря. Умеют они воспитывать пограничников смелых, физически

закаленных, способных в самых сложных условиях Севера выполнить поставленную боевую задачу.

Отбой тревоги. И снова на заставе наступила тишина. Снова в ночные дозоры уходят наряды. Так будет и завтра, когда начнется новый день. Границы Родины священны и неприкосновенны. На страже их стоят надежные воины в зеленых фуражках — пограничники. Они охраняют покой страны, советских людей.

Застава на берегу Северного Ледовитого океана — частица большой семьи пограничников, часть земли советской. Здесь проходит передний край, здесь несут службу воины-пограничники, продолжающие славные боевые традиции предыдущих поколений.

Евгений Корякин

ПОГРАНИЧНЫЙ КОРАБЛЬ МЕНЯЕТ КУРС

Когда сыграли тревогу, лейтенант медицинской службы Владимир Николаевич Белов в душе даже немного обрадовался. Доктором на корабле он стал недавно, и в первом своем походе обременялся практикой весьма и весьма незначительно. Лазарет пустовал, а в пункте оказания медицинской помощи лишь холодным никелированным блеском отсвечивали стерилизаторы, операционные рефлекторы и ручки холодильных шкафов.

Лечить было некого. Под пронзительными арктическими ветрами моряки благополучно избегали недугов. Ни у одного даже не повысилась температура.

Втайне Белов побаивался: каково ему придется, если корабль попадет в полосу штормов? Насквозь просоленный морской волк, каким был адмирал Нельсон, и тот до конца дней жестоко страдал от морской болезни. Однако — обошлось. Через два-три дня, привыкнув к качке, доктор благополучно продолжал поход.

Торопясь по учебной тревоге в медпункт, Белов прихватил фотокамеру. И во время аврала нащелкал кадров. И ни разу ему в го-

лову не пришла мысль о том, что события, схватываемые им на пленку,— это особые мгновения в истории корабля, что по истечении времени этим снимкам цены не будет.

Я встретился с доктором Беловым, когда пограничный сторожевой корабль, закончив поход, встал у причала родной базы. Владимир Николаевич, сокрушаясь, широко развел руками: нет, мол, пленок. Раздал морякам, которые ушли в запас. Теперь парни, которые долго еще будут надевать тельняшки под гражданскую одежду, разнесут по городам и весям нашей страны рассказ о нелегкой работе пограничного сторожевого корабля, о том, как держали вахту в поллярных морях. И снимки, сделанные неопытной рукой корабельного врача, бывшие моряки будут показывать родным, знакомым.

Прежде чем рассказать о том, что произошло, когда доктор Белов делал фотоснимки на борту ПСКР — пограничного сторожевого катера, думаю, есть резон вернуться примерно на сутки назад.

Вахты в машинном отделении похожи одна на другую. Монотонно стучат двигатели, так что если понадобится слово сказать товарищу, то голос надо повышать до крика. Пахнет маслом и нагретым железом. Вибрирует под ногами рубчатый настил. И как бы ни бушевала непогода, здесь, в машине, качает без особого размаха.

Тахир Нуриахметов, командир отделения мотористов главдвигателей, уловив в ритме одного из дизелей еле различимые сбои, приказал матросу Павлу Яртыму, стоявшему с ним на вахте, взглянуть на панель приборов.

— Резко упало давление в системе водяного охлаждения,— доложил Яртым. Тут же последовал доклад на центральный пост управления командиру боевой части. Оттуда — команда в машину: «Стоп двигателю! Вахте — определить неисправность и доложить».

Цилиндры двигателя проверяются через специальные круглые

лючки на корпусе двигателя. Почему упало давление? Мотористы за недолгое время установили: потекла охлаждающая втулка одного из цилиндров. Это, считай, целый дизель-генераторный агрегат выключился из рабочего ритма.

На срочном комсомольском собрании электромеханической боевой части постановили: просить командование корабля разрешить отремонтировать дизель в походных условиях. Командир дал «добро». День и ночь работали механики в машине, благо корабль отдал якорь вблизи островной заставы — принимали на борт группу пограничников, перебрасывали на берег грузы. Более чем в три раза было перекрыто нормативное время, требуемое на ремонт втулки цилиндра в заводских условиях!

Матрос Павел Яртым, когда я спросил, кто трудился старательнее, упорнее других, ответил кратко:

— Назвать одного, другого, третьего — это значит обидеть остальных. Работа не прекращалась до тех пор, пока двигатель не был введен в строй. Трудились по-боевому, поочередно сменяя друг друга у агрегата.

И вот это обстоятельство, когда полностью была восстановлена готовность корабля, сыграло значительную роль в событиях, развернувшихся позже.

ПСКР, успевший выбрать якорь-цепь, дать ход, должен был круто изменить курс к норду. Склонившись над штурманским, подсвеченным изнутри, столиком, капитан-лейтенант Владимир Юрьевич Шерстнов, вооруженный параллельной линейкой, циркулем, карандашами, накладывал на карте сложную ломаную линию, по которой кораблю предстояло идти на север.

— Оперативнее, Владимир Юрьевич! Очень прошу вас,— потопрашивал командир корабля.

Идти предстояло в самое глухое время суток. Только-только люди заступили на вахту, начинающуюся с нуля часов. Часы быка, как говорят. А по курсу — нелегкая ледовая обстановка...

— Товарищ командир! — голос Шерстнова оставался деловито-будничным, на ровной ноте.— Товарищ командир, разрешите доложить!

— Готово?

— Так точно!

— Добро...— И командир бросил изучающий взгляд на штурманскую карту.

Выслушав рапорт вахтенного начальника, он принял решение переложить руль круче к северу... Перевалило уже за полночь, когда радиотелеграфист старший матрос Виктор Борте уловил в наушниках характерный позывной: всем корреспондентам, которые в этот момент слышали абонента.

Замысловатая игра морзянки привычно выстраивалась в голове Виктора рядами осмысленных знаков. Сейнер «Звездный», принадлежащий Магаданрыбпрому, срочно просит помощи. Потерял ход и управление. Судно лежит кормой на льдине, приняло крен и дифферент на нос. Положение усугубляется тем, что дистанция до берега невелика и дрейфующие поля выжимают «Звездный» на камни.

Командир, не успевший устроиться на ночной отдых, получив по переговорному устройству рапорт вахтенного начальника, поднялся на ГКП. Одобрив расчеты капитан-лейтенанта Шерстнова, он приказал центральному посту управления перебрать схему с тем, чтобы включить в работу все главные двигатели. Командир резко сменил курс. «Молодцы, механики! — подумал командир.— Ударно поработали на ремонте...»

Старшине второй статьи Леониду Березину в эту ночь не удалось заснуть. Едва сменился с вахты, выпил кружку горячего какао на камбузе и вернулся в кубрик, как сыграли тревогу для оказания помощи судно, терпящему бедствие: «Баковым — на бак! Ютовым — на ют!»

Как старшина кормовой аварийной партии старшина второй статьи Березин во главе своих людей прибыл на ют. «Звездный» уже был в виду. Корма возвышалась среди торосов...Таким судно увидел с мостика и доктор — лейтенант медицинской службы Белов, попытавшийся запечатлеть его на фотопленке.

Покуда ПСКР, пробираясь по разводьям, расталкивал мелкое крошево льда, приближался к «Звездному», командир, выйдя на мостик, прикидывал, как вернее выполнить возникшую задачу. Отколоть лед от судна здесь, фактически в береговом припае, чрезвычайно трудно. Резко снижены возможности для маневра... Несколько раз напозлали на льдину форштевнем и пробовали расколоть ее, бросая из клюзов якорь. Но многотонная махина, низвергаясь с высоты, только высекала ледяные брызги.

Получив приказ завести на «Звездный» буксирный канат, Леонид Березин расставил людей по местам. Раскрутили вьюшку, разматывая трос, закрепили один конец на кормовом кнехт-шпиле, другой проделали в кормовой шлюз. Старший матрос Вячеслав Иванов перекинул выброску на борт «Звездного».

Попытались сдернуть судно со льдины, но оно сидело прочно. а от толчка приняло крен на другой борт.

Высадить на льдину команду взрывников? Это связано с немалым риском. Судно в состоянии неустойчивого равновесия. Того и гляди — опрокинется. И командир решил малым ходом отбуксировать «Звездный» к чистой воде вместе со льдиной, на которой он

сидел. Несколько часов шел ПСКР, преодолевая немногие забытые льдом мили в сторону от берега. Судно не однажды из-за больших и малых льдин, встречающихся на пути, разворачивало лагом. И всякий раз Леонид Березин докладывал об этом на ГКП командиру, который тут же телеграфировал в машину сбросить обороты.

К рассвету вышли из льдов. Самая сложная часть задачи, считал командир, осталась позади. Он решил освободить «Звездный», крепко ударив форштевнем, как колуном по чурке, в выступающий край льдины, на которой сидело судно.

Выбран буксирный канат. ПСКР пристроился в корму «Звездному». Дистанция достаточная, чтобы набрать ход. Подработав винтами, прицеливаясь для точного филигранного удара (надо было пройти вплотную с корпусом «Звездного»), командир повернул ручку машинного телеграфа на «Полный вперед!» Все, кто находился на палубе, не смогли сдержать дружного «ура!», когда корабль, не задев «Звездного», отколол от льдины порядочный кусок. Однако судно еще не освободилось.

Командир, азартно глядя сквозь иллюминатор на ЗРС, вполголоса командовал рулевому-сигнальщику изменения курса. Легкого толчка по льдине было достаточно, чтобы она выскользнула из-под корпуса «Звездного».

Наступил момент, когда можно было смахнуть испарину со лба. Капитан «Звездного» по громкоговорящей связи поблагодарил моряков-пограничников. Судно вновь обрело маневренность и ход.

ПСКР некоторое время сопровождал «Звездный» по курсу в ближайший порт. Капитан судна опасался течи в дейвуде: могли ослабнуть сальники в месте соединения гребного вала с винтом. Но все оказалось в порядке.

Вскоре «Звездный» и ПСКР легли на свои курсы.

Семен Маклер

И ЕЩЕ РАЗ ПРО ОСТРОВ РАТМАНОВА

В разные годы мне довелось побывать на нескольких заставах, расположенных на Крайнем Северо-Востоке страны. О войнах-пограничниках этих застав, их боевой и политической подготовке, ратной службе и мирных буднях, боевых и революционных традициях, свято чтимых и преумножаемых, этот рассказ. Хочу, однако, сразу оговориться: многие из тех, с кем довелось повстречаться, давно демобилизовались, но годы, проведенные ими на границе и отмеченные наивысшей ответственностью исполняемого долга, навсегда останутся в их сердцах, как сохранились в моей памяти те редкие часы, что подарили встречи с этими мужественными и сердечными людьми.

Чукотские берега густо изрезаны глубокими заливами и маленькими бухточками — холодными, суровыми, царственно неприступными. Открываются они путнику внезапно широким или узким проходом в обрывистых берегах, вдоль которых уходит вглубь неровная полоса воды. Иные заливы образуют лабиринты фиордов, чьих стен,

кажется, не касалось еще громкоголосое эхо. Но тишина порой обманчива. Покой одних внезапно обрывают крики гнездящихся здесь птиц. Другие, наиболее укромные заливы, присмотрены людьми — эскимосами и чукчами, предки которых издревле промышляли здесь морского зверя.

На берегу кругообразной бухточки, обрамленной венцом скалистых сопок, сохранивших и поныне нетронутую красоту, выросли каменные корпуса Кенгсбергского ордена Красной Звезды пограничного отряда полуострова Чукотка. В просторной нише двухэтажного здания гарнизона — боевое знамя подразделения. Здесь пост номер один. Над нишей слова: «Знамя есть символ воинской чести, доблести и славы». Под этим знаменем в грозные годы Великой Отечественной войны подразделение прошло путь от донских степей до фашистской Германии. В Ленинской комнате — большая, в полстены, карта, на которой начертана эта огневая трасса. У карты подолгу задерживаются молодые солдаты, наследники славных традиций.

В канун Дня пограничника в подразделение прибыло молодое пополнение. Юноши надели форму с эмблемой пограничников в петлицах, и начались повседневные солдатские будни.

На площади — построение. Звенит медь оркестра. Бьет барабан. Идут по плацу юноши: русые, сероокие и смуглые, с раскосыми глазами, веселые и чуть грустные, стройные и неловкие. Еще вчера сидели они в отчем доме — в большом многотысячном городе или в маленьком, не обозначенном ни на одной карте мира, хуторке, в затеряншемся в степи казахском кишлаке или в утопающей в кипении садов белорусской деревне, в далеком заснеженном северном стойбище или в карабкающемся саклями по скалам ауле.

Еще вчера гуляли они пустынными улочками, неизвестными тро-

пами, ночными опустевшими набережными. Гуляли с девочками, непривычно притихшими и повзрослевшими. Потом присели дома на дорожку. И провожали их до околицы, до перрона или пристани переливчатые гармоники и залихватские балалайки, грустные домры и звонкие гитары, певучие скрипки и рокошущие бубны...

И вот идут по плацу юноши. Звенит медь оркестра. Бьет барабан. Печатают шаг солдаты.

Идут по плацу юноши, постигающие азы многотрудной солдатской жизни. Нелегкой потому, что не просто стать настоящим военном-пограничником, часовым советских рубежей, который должен хорошо владеть оружием, быть классным специалистом, спортсменом-разрядником, метким стрелком, отважным солдатом.

На площади у главного подъезда — пограничный столб с гербом державы. У столба — карабин наперевес — молодой пограничник. Сверкают золотом пуговицы мундира. Начищены до блеска сапоги. Пунцовые щеки, легкий пушок над губой. Но взгляд строг и суров.

— Рядовой Александр Кулагин, — представил офицер первогодка. — Классный специалист, отличник боевой и политической подготовки, награжден нагрудным знаком «Отличник Советской Армии».

Входим в помещение. Вдоль стен — высокие ряды радиолокационной аппаратуры, на пультах разноцветные тумблеры, тускло мерцающие огоньки, на экранах — тонкие, нервно дрожащие стрелки.

Звенящую тишину обрывает комариный писк зуммера, негромкий, но властный. Идут донесения с застав. Здесь явственно ощущаешь напряженный пульс границы, тревожное эхо передних рубежей.

К крыльцу подкатил, лихо развернулся зеленый «газик». Вместе с замполитом едем на аэродром.

Заснеженные сопки на ярком солнце ослепляют белизной и от этого кажутся нереальными. Но идиллический мираж продолжается недолго. Тишину разрывает далекий гул вертолета. Через несколько минут машина пошла на посадку. А на земле готовится к взлету новый экипаж в составе командира вертолета Бориса Захарова, летчика-штурмана Юрия Аверченко и бортового техника Олега Мудрова.

Вместе с членами экипажа поднимаемся в кабину вертолета, устраваемся. Минуты перед взлетом особенно томительны. Наконец запускают винты, и машина, развернувшись над заливом, берет курс на север.

Высотомер показывает 850 метров над уровнем моря. Под нами беспорядочно громоздящиеся заснеженные сопки. Ближе к подножию черные языки проталин. Внизу земля почти очистилась от снега. Блестят зеркальца озер, струятся извилистые ниточки ручейков. На Чукотку пришел июнь, календарное лето, но преобладают еще белые и серые краски: болотистого цвета земля да сахарные сопки.

Иногда между сопками образуется проход, и тогда в обозначившемся створе, справа по курсу вертолета, открывается морская гладь. Море, должно быть, спокойное, сверху едва улавливается мелкая рябь. И никаких признаков жизни. Лишь однажды в коридоре сопок мелькнул одинокий катер и тут же скрылся за наплывшим склоном.

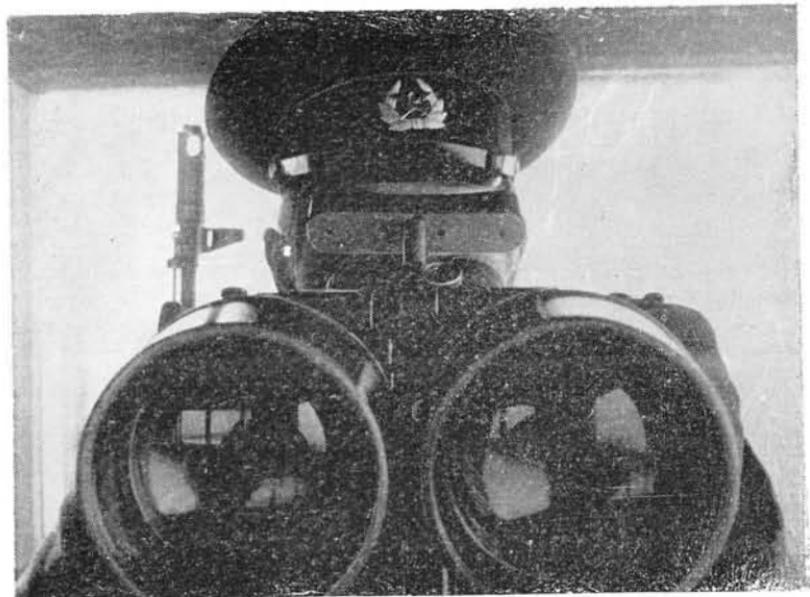
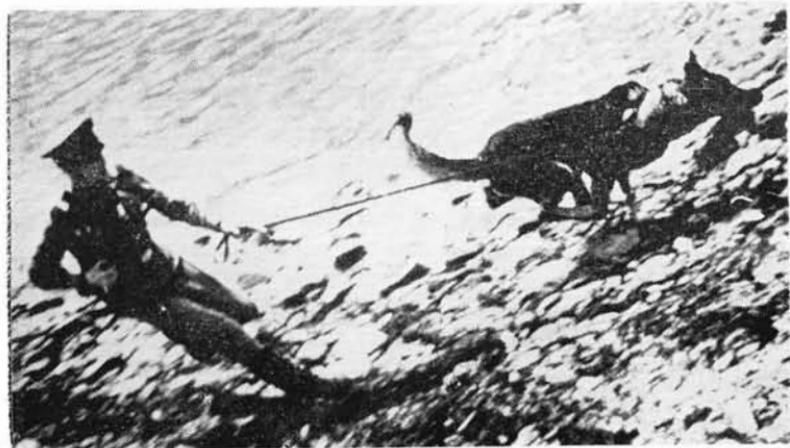
Сверху по лесенке спустился штурман, громко перекрикивая шум винтов, сказал:

— Под нами сто восьмидесятый меридиан!

Мы устремили свои взоры к иллюминаторам, но под нами было все то же безбрежное море. Таинственной линии никто не обнаружил.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ!

Земля Крайнего Северо-Востока испокон века являлась неотъемлемой частью государства Российского. Сегодня в распоряжении советских пограничников — самая современная аппаратура и техника. Однако по-прежнему надежно служит бойцам верный друг — собака

Каждому бойцу на заставе приходится дежурить на кухне или собирать в теплице урожай.

Никогда не пустует красный уголок. А сегодня здесь особенно оживленно. Стенную газету готовят (слева направо) сержант А. В. Соловьев, ефрейтор О. В. Ербягин, рядовой А. И. Буга, ефрейтор А. А. Крюков

Ложится в солдатское письмо первая строчка: «Здравствуй, мама...»
Пограничники неустанно овладевают методами работы с приборами наблюдения.
Большую помощь в охране границы оказывает местное население.

Сто восьмидесятый меридиан, разделив планету на два полушария, стал одновременно и линией перемены дат. Когда над западной границей страны опускается вечер, здесь, на восточных ее рубежах, занимается утро нового дня.

Намного дальше Приморья, Сахалина, Курил и Камчатки, восточнее «самого» сто восьмидесятого меридиана, врезавшись на добрый десяток градусов в Западное полушарие, простирается Чукотский полуостров, а на северо-восточной его оконечности — небольшое, в несколько сот человек, но нанесенное на все карты мира чукотско-эскимосское селение Уэлен.

И все же первыми в стране встречают утро нового дня не уэленские охотники на морского зверя. Еще дальше, в двадцати километрах от галечной косы, вдоль которой рассыпались домики Уэлена, стоит неприступной стеной Большой Каменный Нос — мыс Дежнева, чьи скалистые берега обрываются в разделенные проливом два океана — Северный Ледовитый и Тихий. В проливе — острова. На одном из них, острове Ратманова, пограничная застава. Ее воины первыми в стране встречают мирные рассветы советской Отчизны. Потому что восточнее Ратманова земли советской нет. Здесь России первый рубеж. По ту сторону пролива — Аляска, чужая земля.

Между островами в проливе пролегла граница.
Здесь рождается утро и с первого шага
Направляется в сторону нашего флага!
День шагает к Москве с пограничной Чукотки,
Тает тьма от его молодецкой походки.

Берингов пролив. Этот уголок мироздания, при всей его реальности, кажется фантастическим. Журналистские маршруты не раз приводили меня к этому стыку материков и океанов, к этому стыку

двух миров, разделенных проливом. Я любовался им с земли и с высоты птичьего полета, с обрывистого чукотского берега и со скалистого острова Ратманова, подплывал к нему на вельботе и пересекал на вертолете, и это чувство — ощущение соприкосновения с одним из редчайших творений природы — ни разу не покидало меня.

В тот раз вертолет летел из отряда на остров Ратманова. Под нами на девяносто километров, от Чукотки до Аляски, простиралась водная гладь пролива, разделенного посередине островами Диомиды, о берега которых бьются волны двух великих океанов.

Пилот сделал вираж, и все пространство от мыса казака Дежнева на западе до мыса Принца Уэльского на Аляске закружилось под нами как на экране.

Архипелаг Диомиды — два острова (Крузенштерна и Ратманова) и скала Фэрзэй — был открыт русскими мореходами.

Когда-то, еще в доледниковую эпоху, здесь пролегал перешеек, соединявший оконечности двух материков. Острова Диомиды в проливе — свидетели тех далеких лет.

В «Илиаде» Гомера рассказывается о том, как спутники одного из героев древнегреческого эпоса — Диомеды, возвращавшиеся на кораблях из-под стен покоренной Трои, были превращены в больших морских птиц — альбатросов. Эта легенда дала повод известному естествоиспытателю Карлу Линнею назвать альбатросов диомедами. Отсюда появилось и название островов в Беринговом проливе, граница которого совпадает с северной границей распространения альбатросов.

Позже на островном «козырьке» — так называют господствующее на Ратманове плоскогорье — пограничники показали на парящего высоко в небе белоспинного альбатроса с дымчатым оперением. Полет его был грациозен. Птица поймала воздушный поток и рас-

пластала крылья. Размах их превышал три метра. Перья были редкой красоты. Именно эти перья, пользовавшиеся большим спросом у модниц, чуть не привели к полному исчезновению редкостных сегодня птиц, облюбовавших для гнездования скалистые острова в северной части Тихого океана.

Между островами Диомиды невидимой нитью пролегла государственная граница двух великих держав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Эта граница стала и линией перемены дат. Когда в проливе над советским островом Ратманова занимается заря нового дня, по ту сторону пролива в распадах скалистых гор угасает день вчерашний...

Эскимосы, исконные жители острова Ратманова, называют его Имаклик — «окруженный водой». Сейчас на Ратманове застава, самая восточная в нашей стране.

Остров суров, причудливы капризы погоды. Здесь в соседстве с туманом дуют ураганные ветры; часты пурги, нередки ливни — и это делает его малодоступным. Связь с Большой землей поддерживается по радио, а приход каждого судна или вертолета — уже праздник для его обитателей. Вертолеты садятся на «козырек», как говорят пограничники, в нескольких метрах от непогоды, а для подхода судов к острову есть одно-единственное место. В лоции капитанов есть такое примечание: «Вблизи острова лежат подводные, надводные и осыхающие камни. Положение их сомнительно. При приближении к острову Ратманова следует соблюдать крайнюю осторожность».

На острове нет дорог, лишь труднопроходимые тропы. И повсюду веревки: над круто спускающимися к морю ступенями, на метеорологической площадке, над уходящей высоко в гору лестницей. По-

тому что в гололед и в сбивающий с ног ветер без них тут никак не обойтись. Здесь и тренированному человеку нелегко. А зимой, когда остров сковывают лед и стужа, жизнь и служба на нем становятся особенно тяжелыми. Константин Симонов, побывавший на Ратманове, оставил в книге почетных гостей такие строки:

«Дорогие товарищи пограничники! На вашей заставе я жил среди друзей и никогда не забуду вашего дружественного гостеприимства. Когда-то в одной своей поэме я написал о таких же суровых краях, как и тот, в котором вы несете службу:

Да, прямо скажем, этот край
Нельзя назвать дорогой в рай.
Здесь жестко спать,
Здесь трудно жить,
Здесь можно голову сложить.
Здесь, приступив к любым делам,
Мы мир делили пополам...

Желаю вам успехов в несении нелегкой службы.

Константин Симонов».

На заставу каждый год приходит молодое пополнение. Вхождение его в жизнь приполярного острова начинается с курса «Подготовка личного состава к условиям пурги». Без знания господствующих на острове ветров или течений в проливе ни один боец не уйдет в наряд. Сержант Сергей Чернышков, с которым познакомился на посту технического наблюдения, рассказывал:

— Когда прибыл на заставу, поначалу, честно сказать, трудно было. И очень помог мне тут мой наставник — прапорщик Юрий Шиманский. Он учил меня, как нести службу, на что обращать внимание, как действовать в пургу или в туман, когда заблудишься,

и как точно выйти на заставу. Без всего этого нам здесь никак нельзя.

Остров невелик, около пятнадцати квадратных километров, и почти ни одного равнинного места. С высоты птичьего полета сразу открывается хаотическое нагромождение скал и обрывистых сопкок. Непосредственное знакомство с ними не прибавляет оптимизма. Нести здесь службу очень трудно, но выбирать не приходится: рядом — зимой по льду около двух с половиной миль — остров Крузенштерна, закордонная земля.

Население острова невелико: супружеская чета полярников, солдаты и офицеры пограничники да три их четвероногих друга — овчарка Полкан, его подруга Пальма и буренка, которую завезли с материка. Вот и все обитатели этой последней пяди советской земли на востоке.

Полкан — пришелец с чужого берега. На заставе об этом случае всегда вспоминают с улыбкой.

— Визитер из субботы в воскресенье, — шутят пограничники.

А случилось вот что. Сержант Андрей Ревтов нес службу у радиолокационной станции. Стоял пуржливый холодный день, когда, кажется, все живое должно затаиться. И вдруг на экране четко обозначилась движущаяся цель. Дежурные немедленно сообщили на заставу пеленг. Вскоре встретили четвероногую «цель» — овчарку, заблудшую, видимо, с маленького американского поселка Елики, что на острове Крузенштерна. Нареченному Полканом псу на новом месте, должно быть, понравилось. Возвращаться, во всяком случае, он не собирался. Так пополнил Полкан четвероногое сообщество заставы.

Но бывают тревоги и не ложные. ...Четвертый час стоит в наряде сержант Виктор Потапенко. Ветер рвет в клочья стелющийся над

островом туман. Промозглая сырость угнетает, но сержант все так же неотрывно всматривается вдаль, туда, где шумно перекатываются свинцовые волны пролива. Глаза от долгого напряжения покраснели, усталость, кажется, притупила внимание. Но обостренный слух уловил едва различимый гул, вплетающийся в шум ветра и грохот моря. Гул шел откуда-то сверху. Потапенко поднес к глазам бинокль, и многократ увеличенная оптикой небесная высь стала близкой, доступной. В сером мареве увидел плывущий по небу крестик самолета. По звуку определил — чужой. Самолет шел вдоль линии границы, будто испытывал бдительность ее часовых. Сержант включил рацию: шелкнул тумблер, и тревожное донесение полетело на заставу.

Отличными успехами в боевой и политической подготовке встретили ратмановцы сороковой год разгрома фашистской Германии. Ровесница великой Победы, ратмановская заставка — одна из лучших в Камчатском пограничном округе. Вот уже более двадцати лет она с честью носит и подтверждает звание отличной. На острове родилось немало передовых начинаний, которые затем подхватили воины других застав.

В год двадцать шестого съезда КПСС из города Минска вдоль Государственной границы стартовала комсомольско-молодежная эстафета. В ту памятную осень мне посчастливилось побывать на острове. В рапорте, который ратмановцы вручили тогда эстафетной группе, есть такие слова: не иметь случаев нарушения Государственной границы на вверенном участке; подтвердить звание отличной заставы.

Накануне открытия партийного съезда ратмановцы рапортовали, что воинское слово они подтвердили делом.

Подтвердить звание отличной заставы... Вдумаемся в эти слова.

Это значит вновь сдать боевую проверку на «отлично». Привычная формула «Граница СССР охраняема и неприкосновенна» здесь получает реальное воплощение. Это значит, что сегодня, как вчера, и завтра, как сегодня, в ясный день и в полярную ночь, в леденящую душу стужу и в злой колючий ветер вновь выйдут в дозор ратмановцы, чтобы отстоять неприкосновенность границы на узкой полосе, разграничившей два мира.

В Ленинской комнате замполит заставы старший лейтенант С. Козлов рассказывал:

— Мы охраняем границу с Соединенными Штатами Америки, границу, проходящую по самому суровому краю нашей земли. И лучшая оценка нашей службы — здесь не допущено ни одного нарушения Государственной границы.

В сентябре 1977 года в американском журнале «Морская технология» была опубликована статья «Русский океан», автор которой с раздражением писал: «По халатности мы разрешили Советам опередить себя: теперь Северный Ледовитый океан — русский. Мы — позади! Настало время планирования более тщательного наблюдения за Арктикой путем субсидируемых исследований на судах, подводных лодках, самолетах...»

И это отнюдь не только литературные упражнения. За словами следуют дела, дела весьма сомнительного свойства. Вот лишь одно донесение с северной границы: «Наряд в составе рядовых Карпова и Тропина обнаружил признаки нарушения границы с сопредельной стороны, организовал преследование, обнаружил укрывшегося нарушителя, решительными действиями задержал его. При обыске изъяты: пистолет иностранного производства, 162 патрона, нож, карта, компас, словарь-разговорник, деньги в советских и иностранных купюрах, спальный мешок...»

«Граница на замке». Замок — это, фигурально, многообразная техника, возможности которой сегодня почти безграничны. Однако по-настоящему непроходимой делает границу пограничник. Мужественный, отважный, беспредельно преданный своему воинскому долгу, своей Отчизне. И на заставе, где свои партийная и комсомольская организации, ведется каждодневная, настойчивая, порой изнурительная работа по воспитанию в бойцах этих качеств.

Секретарь комсомольской организации коммунист Ю. Шиманский объяснял:

— Наша застава оторвана от большого мира. Но мы не чувствуем этого. У нас дружный коллектив, и солдаты всегда стремятся помочь друг другу. Старослужащие становятся наставниками молодых, показывают им пример несения службы. Мы часто проводим вечера обмена опытом, на которых пограничники — классные специалисты своего дела делятся своими знаниями, навыками. За каждым молодым бойцом закрепляется наставник, который становится для юного солдата настоящим учителем и другом.

За многолетнюю и успешную работу по воспитанию молодых бойцов комсомольская организация заставы награждена Почетной грамотой начальника пограничных войск СССР и вымпелом ЦК ВЛКСМ.

Жизнь и служба на острове — как на любой заставе. Идут занятия, соревнуются между собой воины. Летом, в короткую навигацию, готовятся к долгой зиме: разгружают суда, чинят постройки, заготавливают уголь для обогревателей, установленных вдоль дозорных троп. В свободное от службы время занимаются спортом, участвуют в самодеятельности, готовят литературные вечера.

Давняя дружба связывает ратмановцев с областной писательской организацией.

— Однажды по просьбе островитян, — вспоминает магаданский писатель Альберт Мифтахудинов, — мы выслали несколько книжных бандеролей, и с тех пор положили начало своеобразному шефству писательской организации над заставой. Мы стараемся держать пограничников в курсе всех новинок, выпускаемых нашим книжным издательством. Вот и минувшей осенью выслали туда три книжных посылки.

Кратковременность пребывания на заставе не позволила познакомиться со всеми его обитателями. Погода портилась, что называется, на глазах, запуржило. Пришлось срочно возвращаться. По долгой и нелегкой лестнице, ведущей наверх к вертолетной площадке, меня сопровождал рядовой Михаил Бурькин. Уже на «козырьке» замполит рассказал, что в короткие часы досуга молодой пограничник пишет стихи. Может быть, это его строки довелось прочитать тогда в местной газете:

Все в порядке, мама,
Здесь туман дымитя,
И летают чайки вдаль за горизонт.
Все в порядке, мама,
Здесь у нас граница.
Служит на заставе дружный гарнизон...

Много теплых слов рассказали товарищи о младшем сержанте С. Долгополове. Больше двадцати поощрений у молодого бойца — за отличную стрельбу, за отличное несение службы по охране границы... До армии Сергей работал машинистом электровоза. А здесь ему сказали, что на заставе нужен повар. И Сережа стал им. Да еще каким! Хлеб, который он выпекает, здесь так и называют: «Хлеб Сергея...»

С 1974 года продолжается содружество двух застав — Троймези (ЧССР) и острова Ратманова.

В одном из последних писем побратимы из Троймези пишут:
«При выполнении всех задач пользуемся опытом старших пограничников, а именно — неисчислимым боевым опытом славных пограничников войск КГБ СССР.

Важнейшим источником революционного оптимизма было и остается для нас тесное интернациональное сотрудничество и боевая дружба — основы нашей боевой силы и непобедимости.

В этом мы видим гарантию того, что авантюристические, агрессивные и милитаристские планы американского империализма будут сорваны».

Ратмановцы не замедлили с ответом:

«Со своей стороны мы сообщаем, что личный состав нашей пограничной заставы с честью выполняет свой воинский долг, надежно обеспечивает неприкосновенность северо-восточных рубежей Родины на порученном участке. В условиях сложной международной обстановки, участившихся провокаций со стороны зарубежных спецслужб, в суровых климатических условиях все коммунисты, комсомольцы и молодые воины заставы проявляют высокую бдительность, мужество, стойкость — лучшие качества советского человека. Наш коллектив вновь взял обязательство стать отличным подразделением и уверенно идет к намеченной цели».

За время пребывания на острове мы свыклись с заставой, привязались к ее солдатам. Но у всякого свидания свои границы. Неотвратно надвигалось время расставания.

От самой высокой и опасной лестницы, связавшей островной «kozyрек» с притулившейся в седловине заставой, к взлетной площадке ведут металлические полосы. Но теперь из-за поэмки их уже не видно. Мы торопливо занимаем места в вертолете, и он быстро набирает высоту. С этой выси хорошо видны берега двух материков.

И пролив с островами, о камни которых бьются волны двух великих океанов.

Шторм крепчает во весь простор
От Аляски и до Таймыра.
Друг на друга глядят в упор
Две земли, два несхожих мира...

Граница... У каждого человека она вызывает свои ассоциации. В детстве мыслится сплошным забором, этаким частоколом, опоясавшим всю страну. Иному видится рядами колючей проволоки или непроходимой вспаханной полосой... Но вот она лежит под нами, узенькая полоска воды между двумя островами, и с этой поднебесной высоты кажется открытой и незащитной... Потому, наверно, и оберегают ее бойцы особенно нежно и любовно.

Вертолет, развернувшись над проливом, уходил на запад. Там, где-то немислимо далеко, шелестели листвою белоствольные березы, наливались соком янтарные гроздья, раскачивались на ветру оранжевые плоды апельсинов, лопались нежно-белые коробочки хлопка... Там простирались поля и нивы Родины, которая начиналась здесь, у незримой границы в проливе, у острова Ратманова.

Вспомнился почему-то вечер в Ленинской комнате. Было непривычно тихо. Во всем чувствовалась какая-то умиротворенность. Ребята отвечали на письма из дома, листали журналы, перешептывались о чем-то. В дальнем углу раздумчиво, едва уловимо звенели гитарные аккорды. Потом кто-то негромко, словно про себя, с грустинкой в голосе запел:

Хотя по дому чуточку скучается,
Мы знаем, сутки поровну деля:
За нашими погонами кончается
Суровая чукотская земля!

И несколько голосов так же негромко подхватили:

Как будто от фонарика карманного,
Дрожит на небе тусклый свет луны.
И тянется за островом, за островом Ратманова
Полосочка ничейной тишины...

А остров, все более удаляясь, растворился наконец в снежной вьюжной пыли... Охватило щемящее чувство грусти. Потому, наверное, что мы покидали затерявшийся в океанах островок, с которого начинается Родина. А перед глазами все еще стояли посуровевшие лица наших юных соотечественников, мужественных ребят с гордым и звонким именем — ратмановцы!

И вновь под нами изрезанный фиордами чукотский берег. Неторопливо проплывают в иллюминаторе крутобокие и зубчатые сопки, серые пятна тундры, неохватное море.

Перемахнув очередную седловину, вертолет завис над открывшейся внизу гигантской чашей, стены которой образовали сомкнутые кольцо сопки. На дне чаши выделялся четкий квадрат бетонки и яркие кумачовые флажки в его углах. Вертолет покружил над площадкой, потом застыл, будто задумался, наконец опустился на бетонный прямоугольник. Над нами, словно из мансарды, показался пилот, сошел по лесенке и торжественно-весело объявил:

— Уважаемые пассажиры, наш лайнер совершил посадку в международном аэропорту Нью-Тундра!

Штурман открыл дверь, и мы ступили на землю. Первыми нас встретили неунывающие и вездесущие чукотские собачки. Они проводили до края бетонки, где стоял вездеход пограничников. Через несколько минут мы были на заставе.

В Ленинской комнате молодой замполит Алексей Баландин познакомил с сидевшими там солдатами, потом охотно рассказал о себе. Год назад он закончил высшее пограничное военно-политическое училище и был направлен для прохождения службы сюда, в Кенигсбергский пограничный отряд. Молодой лейтенант гордится назначением.

— Конечно, приходится здесь ребятам нелегко,— замечает он.— Затяжные пурги, ураганные ветры, обжигающие морозы, труднопроходимые сопки. Одно слово — Чукотка. Но нытиков у нас нет. Каждый воин добросовестно выполняет свой долг.

— И потом,— вступает в разговор начальник заставы Александр Михайлович Нартов,— служба на заставе — это не только охрана Государственной границы. Есть у солдат и другая жизнь: спорт, отдых, встречи с интересными людьми. Утверждают, правда, что мы оторваны от культурных центров, живем почти изолированно. Но эта оторванность не гнетет, когда у каждого есть дело по душе.

Вечером в Ленинской комнате, потом в сельском клубе мне довелось убедиться в правоте офицеров.

Пограничники наперебой рассказывали:

— Недавно из Москвы приезжали артисты, специально для нас концерт давали.

— Приезжали также с Центрального телевидения, фильм снимали. Места у нас — глаз не оторвешь! — здесь уже гордость за свой пограничный рубеж.

— Был у нас и Юрий Рытхэу, когда «След росомахи» снимали.

— И сегодня по телевизору премьера,— пригласил кто-то к голубому экрану.

— А хотите, музыку послушаем,— показал другой пирамидку пластинок рядом с проигрывателем.

На заставе многое сделано руками солдат. Как же не показать свое хозяйство!

— Вот здесь склады, храним продукты и обмундирование.

— Там гараж, техника стоит. Сами понимаете, не ремонтировать же зимой под открытым небом!.. — и разводит руками.

— А это котельная,— показали в сторону дымящей трубы.— Теперь нам самые лютые пурги не страшны.

Когда поравнялись с огороженным участком, чуть ли не хором:

— А здесь баня будет! С парилкой!

— Городской не уступит!

Возвращаемся в Ленинскую комнату. Замполит показывает стенд, оформленный по письмам, пришедшим на заставу.

— Письма от родителей бойцов,— объясняет он.— Застава переписывается с ними. И не только с родителями, но также с коллективами, где работали солдаты до призыва.

Велико желание каждого нести службу лучше, чтоб не подвести земляков, не ударить в грязь лицом перед родными и близкими.

Алексей Баландин достает из стола толстую связку конвертов, показывает письма. Родители бойцов обращаются к своим сыновьям, к их товарищам с наказом достойно нести службу по охране границы, быть верными своему долгу перед Родиной и воинской присяге. «Помните,— читаю в одном из писем,— вам доверена граница, а значит, вся страна».

Беру наугад несколько конвертов, смотрю обратные адреса: почти все письма из Сибири. От Ивана Васильевича Дашенко, Николая Сергеевича Иванова, Михаила Антоновича Козулина...

И вот я беседую с сыновьями. Прошу каждого рассказать о себе, товарищах, о службе на далекой заставе.

Геннадий Дашенко:

— В армию призывался из Томской области. Встретили на заставе хорошо. Край мне понравился. Места здесь красивые, особенно летом, тундра вся в цветах! Офицеры много внимания уделяют нашей боевой выучке, политической подготовке. Здесь меня приняли кандидатом в члены КПСС, и я стараюсь оправдать это высокое звание. Когда прибыл сюда, знания у меня были слабые. На помощь пришли товарищи. Сейчас я свободно ориентируюсь. А иначе на границе нельзя. Давно прошли времена, когда границу охраняли одни секретисты. Сегодня на заставе мастеров своего дела, наверно, больше, чем на ином производстве. И ребята наши добились полной взаимозаменяемости по всем специальностям. Я, к примеру, стал мастером пограничной службы третьего класса. Награжден знаком «Отличник погранвойск», за хорошую службу отмечен знаком «Отличник Советской Армии». Ну а по возвращении домой так же, как до призыва, буду работать механизатором.

На заставе в одной из книг, посвященных пограничникам, мое внимание привлекли подчеркнутые кем-то строки: «В таблице вооружения одного из пограничных отрядов Среднеазиатского пограничного округа в 1929 году значились только винтовки, револьверы, шашки и несколько пулеметов. Его транспортные средства состояли из шестнадцати пароконных повозок. Заставы охраняли участок границы на верблюдах, контрольно-следовую полосу проверяли с керосиновым фонарем, а для связи с подразделением наряды брали с собой голубей».

Сегодня в арсенале пограничных войск новейшие технические средства, позволяющие бойцам эффективно нести службу по охране Государственной границы: радиолокаторы, мощная, «видящая» в любую погоду и в любое время суток оптика, бронетранспортеры, ав-

томшины, вертолеты... Но вся эта техника требует умелых, квалифицированных специалистов. И на заставе, где весь личный состав — коммунисты и комсомольцы, ведется постоянная работа по воспитанию, боевой и технической выучке солдат.

Петр Иванов:

— Служба привела меня на Чукотку, и я очень рад этому. До армии у меня было самое смутное представление об этом крае. Знал, есть такой полуостров, мог показать его на карте, а вот чтобы жить — считал, невозможно. Но вот я служу здесь — оказывается, можно! Край этот очень интересный. С первого взгляда такое впечатление, что вокруг только сопки да камни, да кой-где островки земли, покрытой мхом. Но стоит внимательно оглядеться — и как много откроется любознательному взгляду!

Слушаю молодого пограничника и радуюсь его влюбленности в эту стылую, но удивительную землю, этому прекрасному чувству, рожденному границей. Как тут не вспомнить Маяковского:

Землю, где воздух, как сладкий морс,
бросаешь и мчишься колеса —
но землю, с которой вместе мерз,
вовек разлюбить нельзя.

Пограничник. Он стоит в дозоре на краешке земли. Вокруг никого. Кругом тишина, нарушаемая лишь редким посвистом пуночки да шелестом ветра в стелющемся по земле ивняке. Из моря всплывает расплавленная медь солнца. Где-то всплеснула вода, потревоженная любопытной нерпчочкой. А позади огромная, необъятная страна. И песнь жаворонка. И белоствольная березка. И курлыканье журавля. И быстрая холодная речка. И вдруг понимаешь: на этом первом рубеже и начинается Родина. И ты — ее продолжение.

А сам Иванов продолжает:

— Службу начал как все. Прошел курс молодого бойца, потом меня направили в школу поваров, так и стал я на нашей заставе поваром-хлебопеком.

Здесь, как и на многих заставах, стало привычным вместе отмечать дни рождения солдат. Тут повар становится первой фигурой. В конце месяца, рассказывают пограничники, собираются обычно все свободные от службы на заставе: стряпают пельмени, пекут пироги, делают огромный — украшение праздничного стола! — торт. В этом деле Иванов прямо-таки преуспел — настоящий пирожник!

— Станет ли это моей гражданской специальностью? — переспрашивает он. — Думаю, что нет. В армии все профессии считаются мужскими. Но на «гражданке»... — парень засмутился. — До армии я был теплотехником. К этой работе и вернусь, наверно, после демобилизации. Но до этого еще далеко. А пока надо службу нести. Климат здесь, конечно, суровый, но границу надо охранять в любую погоду. И мне хочется пожелать тем, кто придет нам на смену, чтобы они не пугались этих мест. А служба на границе везде ответственна и почетна.

Граница. Она проходит по отрогам Карпат и голубому Амуру, по каракумским пескам и финским топям, по таежным лесам и безмолвной тундре, и еще она пролегла незримо в открытых морях и океанах. Где легче, где труднее — такого разделения понятий у пограничников нет! Граница есть граница, и бдительно охранять ее надо на каждом отрезке многотысячекилометровой линии. Потому и уходят ежедневно в дозор часовые советских границ, солдаты переднего края.

Алексей Козулин:

— Сегодня служить на границе, не имея технической специальности, просто немислимо. Я, например, специалист поста техниче-

ского наблюдения, радиолокаторщик. Сдал недавно экзамен на второй класс. Все ребята уделяют много внимания повышению уровня своих знаний, помогаем друг другу. За мной, например, закрепили недавно прибывшего на заставу рядового Александра Бирюкова. Есть свои подшефные и у многих других пограничников.

Большая мужская дружба связывает солдат на заставе, и случай, который привел Алексей Козулин, лишь один из примеров ее проявления. Хорошие, дружеские отношения установились между воинами заставы и жителями национального села. Многих они знают в лицо, особенно морских зверобоев, и это помогает им нести службу по охране границы.

Среди местных жителей, чукчей и эскимосов, немало друзей и помощников пограничников, членов добровольных народных дружин.

На заставе клонился к исходу еще один пограничный день. Солнце медленно закатывалось за высокую зубчатую сопку, чтобы тут же вынырнуть вновь из морской пучины. С высокой пограничной вышки центральная усадьба совхоза как на ладони — аккуратные двухэтажные домики, школа, сельсовет, больница. На песчаном берегу — совхозные постройки: шеды зверофермы, жиротопный цех, деревянные стойки, на которых сушатся байдары. Дальше — безмерное, вечно волнующееся море.

Море вздымается и опускается со стоном, и ветер доносит до нас его шумное дыхание.

Склоняюсь к окулярам оптического прибора. Даль резко приблизилась, расплывчатые очертания обрели четкость, стали узнаваемы. У линии горизонта перекачивались по волнам обломки льдин.

Охотники с утра вышли в море, на первый промысел моржа. В селении знали об этом, и многие жители ждали на берегу. Так же,

как мы, нетерпеливо всматриваются они вдаль. Но кроме пляшущих по волнам льдин по-прежнему ничего не видно. Внезапно раздается крик: «Идут!»

Всматриваюсь в морскую даль, с трудом обнаруживаю на горизонте несколько серых точек. Вместе с пограничниками спускаюсь к берегу. Проходит добрых полчаса, прежде чем вельботы вырстают настолько, что можно различить сидящих в них людей. Первым узнаю бригадира, эскимоса Петра Тыпыхкака, известного на всем побережье охотника на морского зверя. В другом вельботе его старший сын Александр. Несколько лет назад Саша сам служил на границе, был поваром-хлебопеком, а вернувшись домой, пошел в бригаду отца. Однажды парень поделился заветной мечтой:

— Хочу создать морзверобойное звено, в котором бы все Тыпыхкаки промышляли.

Мечта его, похоже, осуществляется: у Петра Тыпыхкака четверо сыновей, и все они стали охотниками на морского зверя.

А к берегу все шли и шли люди: эскимосы, чукчи, русские, старики и дети, женщины и мужчины. Всем не терпелось узнать, удачлива ли была охота, каждому хотелось отведать кусочек свежей моржатины.

Неожиданно, как это часто бывает на морском берегу, погода стала портиться. Усилился ветер. На сушу набегала волна, особенно коварная у отмели. Морзверобой медленно подплывали к берегу, опасаясь быть выброшенными на песчаную отмель. Наконец из ближней лодки выбросили канат, его подхватили на берегу. С набегавшей волной канат натянули. Волна с грохотом ударила о берег и, распластавшись, обессиленная, хлынула обратно, оставив вельбот на песчаной отмели. Охотники тотчас отвязали притороченных к бортам моржей. С холма медленно сползал трактор. Вот он развернулся

и замер. Тракторист подцепил моржовую тушу, отбуксировал по-дальше от набегавших волн, под деревянный навес. Охотники тут же приступили к разделке животных. В предвкушении свежатины зажгли примус, на котором стоял огромный закопченный алюминиевый чайник.

Пограничники помогли охотникам разгрузить вельботы и вместе с сельчанами заторопились в клуб, где выступал сегодня местный национальный ансамбль. Музыканты, облаченные в ярко расшитые куклянки, били в яраны. Под сводами невысокого зала глухо звучали гортанные песни, эскимосы исполняли танец «Охота на моржа». Потом ведущая, молодая чукчанка, объявила:

— Рядовой Александр Баталов.

На сцену вышел высокий парень с гитарой, негромко сказал:

— Я исполню песню, которую написала моя одноклассница Екатерина Сабирова. Песня называется «Осень».

Слова сочиненной школьницей песни были бесхитростны, пел Александр легко и красиво, ему звонко аплодировали.

Расходились поздним вечером. А утром следующего дня я узнал, что ночью на заставе была объявлена тревога.

Жизнь на границе сравнивают со взведенным курком. И более точное сравнение подобрать, пожалуй, трудно. Готовность к исполнению воинского долга здесь постоянная, не знающая перерывов и отсрочек. Бойцы только что сидели в Ленинской комнате. Каждый по-своему проводил досуг: писал домой письмо, смотрел телевизор, читал книгу, играл на гитаре... Но вот прозвучал сигнал тревоги, и прервано все на полуслове: недочитана книга, недописано письмо, недопета песня. Мгновенно опустела оружейная пирамида.

Потом, находясь еще во власти событий минувшей ночи, замполит скажет:

— Пограничная обстановка не только требует, но и сама воспитывает в бойцах те качества, которые здесь более всего необходимы. Человек на границе может оказаться в самой непредвиденной обстановке, и каждый такой случай проверяет его на стойкость, на мужество, на смекалку. Граница, можно сказать, и есть тот оселок, на котором выверяются лучшие качества воинов, стоящих на страже передних рубежей.

Круглосуточно несут вахту на заставах воины в зеленых фуражках. И сегодня, как всегда, уйдет в дозор пограничный наряд. Утро здесь начинается с боевого расчета. Старший пограничного наряда, чеканя шаг, подойдет к старшему по заставе и, застыв по стойке «смирно», доложит о готовности наряда выйти в дозор. А получив приказ, торжественно повторит:

— Есть выйти на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

На шестьдесят семь тысяч километров протянулись сухопутные и морские границы Советского Союза. Это более одной шестой расстояния от Земли до Луны. И дено и ночью вот уже седьмой десяток лет на всем этом астрономическом окаеме, от Балтики до Курьинской гряды и от Северного Ледовитого до Памира, на земле, в воздухе и в море чеканят эти слова. Но здесь, на самом краешке советской земли, на стыке двух миров, слова эти звучат особенно торжественно и слушаешь их с особым волнением, потому что здесь, как нигде, проникаешься высокой символикой и глубоким смыслом происходящего.

**ЧЕСТЬ
ОМАГА**

РОДИНА

Поэтический триптих

Джек Алтаузен

РОДИНА ТОЛЬКО ОДНА

Просторам земли нет предела,
И звезд над землею не счесть,
Есть люди крылатого дела,
И песни крылатые есть.

Есть юноши, девушки, дети,—
Им общая радость дана.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна.

Мы все океаны проплыли,
Прошли все извилины рек,
Но там, где росли и любили,
Останется сердце навек.

Там в каждой счастливой примете
Веселая юность слышна.

Есть разные страны на свете,
А родина только одна.

Тебя охраняем мы свято
Винтовкой, гранатой, штыком,
Земля, по которой когда-то
Мы в детстве прошли босиком.

И ты, словно сад на рассвете,
Душистым дыханьем полна.
Есть разные страны на свете,
А родина только одна!

Сергей Наровчатов

ТАМ, ЗА ЧЕРТОЙ

Там, за чертой, чужие дуют ветры,
Чужие звезды светятся вдали...
Последние отмериваем метры
У рубежа родной своей земли.

По мокрой гальке бережно ступаем,
Запомнив то, что помнить мы должны:
Наш путь проходит над передним краем
Великой и прославленной страны.

Где с автоматом и биноклем Слава
Стоит в дозоре на крутой тропе
И облаками скрытая застава
С ней держит связь, как давнее КП.

Михаил Пляцковский ПОЛОСОЧКА НИЧЕЙНОЙ ТИШИНЫ

Качает звезды в бухте Провидения
Студеная зеленая вода.
Мы к серым сопкам местного значения
Беречь границу прибыли сюда.

Пусть вьется над заставой пограничную
Сердитая и дымная пурга.
Нам стала ночь полярная привычною.
Родными стали здешние снега.

Хотя по дому чуточку скучается,
Мы знаем, сутки поровну деля:
За нашими погонами кончается
Суровая чукотская земля!

Как будто от фонарика карманного
Дрожит на небе тусклый свет луны.
И тянется за островом Ратманова
Полосочка ничейной тишины.

Евгений Хорунжий

ЧЕСТЬ ФЛАГА

ПОВЕСТЬ

Часть первая

I.

Беда не приходит в одиночку. В это командир пограничного сторожевого корабля капитан 2-го ранга Константин Петрович Снегирев, человек отнюдь не суеверный, верил свято.

Вот уже десять дней его 065-й стоял в базе и сегодня был дежурным. Ровно в семь утра в каюту Снегирева постучали, и на пороге появился командир электромеханической боевой части старший лейтенант Денисенко, маленький, подвижный, напоминающий пружину.

— Опять? — недовольно пробурчал Константин Петрович, обтиравшийся ледяной водой.

— Так точно, товарищ командир,— нерешительно начал Сергей Денисенко.— Мне бы только на часок на почту, позвоню — и назад.

Все на корабле знали, что жену старшего лейтенанта, отправленную в Харьков к ее родителям, вчера доставили в роддом, и Сер-

гею не терпелось получить известие о рождении сына (другого варианта, считал офицер, быть не могло). Вечером командир не разрешил ему отлучаться с корабля.

— Я бегом. Только позвоню, товарищ командир.

— Но корабль — дежурный.

— Понимаю, товарищ командир. Очень прошу понять и меня.

Командир очень хорошо понимал подчиненного, тем более что сам стал отцом, когда носил на погонах три маленькие звездочки. Снегирев не был педантом, но службу считал главным в своей жизни и в жизни тех, кем доверили ему командовать, — матросов, старшин, мичманов и офицеров.

— Давай, Сергей, самое, дождемся прихода командования.— И в эту минуту, когда по логике вещей следовало проявить твердость, он вспомнил, как много лет назад таким же зимним днем забирал из роддома свою Анастасию с Витькой.— Ну,— Константин Петрович откашлялся для порядка,— одна нога, самое, здесь, другая — там. Обратное — наоборот.— И тут же пошутил: — На крепости-то хоть позовешь?

— Мы же атеисты, товарищ командир,— весело сверкнув глазами, отпаривал Денисенко.— А в загс нести сына доверю только вам.

Через секунду Сергей был уже на палубе, и его шаги гулко застучали по ее металлической поверхности.

В семь двадцать на корабль поступила телефонограмма от оперативного дежурного: «Радиолокационным постом заставы в квадрате 3621, где вылов рыбы временно запрещен для иностранных судов, обнаружена средняя неопознанная цель». Выяснить принадлежность неизвестного судна предписывалось дежурному кораблю капитана 2-го ранга Снегирева.

— Вот это номер,— Константин Петрович выругался в сердцах.— Не хотел ведь отпускать этого... юнца. Надо было настоять, не поддаваться...

А ситуация складывалась довольно сложная. БЧ-5 — сердце корабля — двигатели. Командир боевой части умчался на почту. Старшина электромеханической команды мичман Усманов — в отпуске. Доверить обширное и хлопотное хозяйство предстояло старшине срочной службы.

Пока запускали двигатели, командир с надеждой смотрел на берег — может, появится Денисенко, хотя, откровенно говоря, не верил в это.

Снегирев взял микрофон и щелкнул тумблером на переговорном устройстве. По всему кораблю разнесся его зычный голос:

— Учебно-боевая тревога! Корабль экстренно к бою и походу подготовить!

На ГКП стали поступать доклады из боевых частей.

— Баковым — на бак! Ютовым — на ют! Якорь выбрать!

Вот тут-то и приключилась вторая беда. Якорь-цепь, быстро наматывавшаяся на шпиль, вдруг приостановилась, и Снегирев сначала понял, а потом и увидел, что его якорь сцепился с якорем стоящего неподалеку корабля с бортовым номером 011. Конечно, такие случаи бывали. У других. У Снегирева никогда. Уже начавший двигаться, его сторожевик чуть не сорвал со швартовов «соседа». Снегирев твердо знал, что его вины нет — 011-й пришел в базу на три дня позднее. И тем не менее. Пришлось вызывать вспомогательный буксир. Команда его долго орудовала баграми, и наконец капитан 065-го и его коллега с 011-го капитан 3-го ранга Григорян, весельчак и балагур, вздохнули спокойно.

Капитан 2-го ранга покинул мостик, откуда он руководил дей-

ствиями буксира, спустился в ходовую рубку и сразу же посмотрел на настенные часы. Потеряли ровно двадцать пять минут.

— Хреново, замполит, начинаем,— сказал он стоящему тут же капитан-лейтенанту Суворову, своему заместителю по политической части.

Замполит оторвался от бинокля, повернул к командиру бледное лицо, хотел ответить, но счел, что лучше сейчас промолчать: начало похода оказалось действительно далеко не хрестоматийным.

— Все одно к одному,— продолжал Снегирев.— Ладно, раскисывались долго, так еще этот твой, Денисенко, подарок преподнес.

Станислав Денисович Суворов, который был уже не новичком в морском деле (обильная седина в его каштановых волосах говорила, что возраст офицера — ближе к среднему), резонно заметил:

— Денисенко не только мой, наш он, общий. И неплохой парень. Просто стечение обстоятельств...

Суворов знал: командир очень гордится тем, что после годичного перерыва корабль вновь вернул себе звание отличного. И вот теперь... Да, за Денисенко по головке не погладят. А задержка на старте, говоря спортивным языком, тоже вызовет нарекания начальства. Поэтому капитан-лейтенант, чтобы успокоить Снегирева, сказал с присущей ему уверенностью:

— Выполним задание на «отлично», Константин Петрович,— и добавил: — Все будет нормально. Нам же не впервой.

— Да уж выполним... Распустили, самое, своих жен. Каждую минуту бегай, звони им! — Кстати, Константин Петрович ни на минуту не сомневался в том, что свою жену он тоже распустил — в дни, когда стояли в базе, его часто видели в близлежащем продовольственном магазине с хозяйственной сумкой, а злые языки поговаривали, что Снегирев дома моет посуду.

Корабль выходил из бухты, раздвигая своим мощным форштевнем неокрепший лед. Прошли первые створные знаки. Легли на рекомендованный курс в открытое море, а командир все не мог успокоиться:

— Вот как, однако, выходит: один борись за отличные показатели, а другие все враз перечеркнуть могут.— Поворачать лишний раз на «салаг», молодых офицеров, он любил. Боялись его не очень, но уважали — за знания, за беспредельную любовь к морю, кораблю, за справедливость. Командир гордился успехами 065-го, дорожил медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», орденом Красной Звезды и медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР», полученными в мирное время.

Как-то в романе Юрия Бондарева «Горячий снег» Снегирев прочитал о жестоких боях на узком участке вдоль железной дороги Тихорецк — Котельниково — Сталинград в декабре 1942 года.

Отец Снегирева, колхозный тракторист с пензенщины, погиб именно там и в то время. Когда получили похоронку, Костя пошел работать в колхоз — помогал старому конюху. А в июне 1945-го приехавший в село секретарь райкома партии вручил молодому парню трудовую медаль.

Константин Петрович сделал шаг в сторону радиолокационной станции, и в то же мгновение раздался собачий визг. Вовка, крупный черный пес с добродушными глазами — помесь дворняги с овчаркой, поплелся в угол будки и улегся там под широким командирским креслом.

Сейчас на корабле уже никто не помнил, кто притащил на борт дождливым ноябрьским днем озябшего, взъерошенного щенка со слезящимися глазами. Единодушно решили оставить его на корабле и назвать Вовкой. Собака выросла, окрепла, матросы полюбили ее.

Командир вызвал старшину 2-й статьи Мозгового.

— Прощения...— начал прибывший.

Снегирев махнул рукой, прерывая рапорт, и подошел к моряку.

— Двигатели, надеюсь, в полном боевом? — Константин Петрович и сам знал, что дизели «крутят» как часы.

Андрей Мозговой, высокий, сто девяносто с гаком, худощавый, кареглазый, призванный в морские части погранвойск откуда-то изпод Николаева, вытянулся в струнку и доложил:

— Двигатель в исправном состоянии. Работает без перебоев.

— Хорошо.

Капитан 2-го ранга хорошо знал этого парня. Во время работы Андрей забывал обо всем, был предельно сосредоточен. Он служил на корабле мотористом, сдал экзамены на допуск к самостоятельному обслуживанию техники, стал специалистом 2-го класса, и его назначили вместо уволившегося в запас моряка старшиной механической команды.

— Так уж получилось, товарищ Мозговой, что старший лейтенант не смог выйти в поход. Мичман Усманов — в отпуске. Поэтому, — в голосе командира зазвенели металлические нотки, — назначаю вас старшим в боевой части! Справитесь?

— Буду стараться, товарищ командир. Но станут ли меня хлопцы слушаться, как офицера или мичмана?

— Ну вот, началось. Как поставите себя. Вы назначены мною. Значит, должны хлопцы подчиняться. В случае чего, мы же здесь, поможем.

— Есть, товарищ командир!

Снегирев и сам чувствовал, что парню будет нелегко. Вчерашний матрос — и сразу такая ответственность.

— Учтите, — подытожил он, — кораблю предстоит выполнить

очень важное задание. От тебя, сынок, — голос командира смягчился, и он перешел на «ты», — будет многое зависеть. Не подкачай. Подчиненным своим представишься сам.

II.

Когда вышли на широкий морской простор и ветер загудел в мачтах, когда легли на рассчитанный курс и штурман капитан-лейтенант Бакуль сделал об этом запись в навигационном журнале, Снегирев стал снова «накалять» обстановку.

— Что за офицеры пошли...

— Кого вы имеете в виду? — замполит насторожился, его узкие губы вытянулись ниточкой (когда-то в средней школе Суворов решил записаться в духовой оркестр, и руководитель, старый трубач-пенсионер, назвав губы Станислава «ехидными», выбрал для него кларнет). — Офицеры как офицеры.

— Вечно ты их защищаешь.

Замполит все еще пытался рассудительно и спокойно погасить раздражение командира.

— Кого их?

— Да «салаг» этих, что с разрезной бизанью*, самое, под стол бежали, когда я второй раз пересекал экватор.

Ни для кого на корабле не было секретом, что капитан 2-го ранга не пересекал экватор ни разу — он дважды ходил Северным морским путем. Но поговорку эту, употребляемую зачастую опытными моряками по отношению к своим подчиненным и младшим коллегам, любил повторять.

* Бизань — разновидность паруса.

— Константин Петрович, все же кого конкретно это касается?

— Любимца твоего, Денисенко.

— Так и думал. Но вы отлично понимаете, что для меня все одинаковы. Тем более, что хороший он офицер.

— Вот вы друг друга хвалите все время, как кукушка и петух.

Послушаешь Денисенко: «Какой у нас замполит душевный. Ни на кого ни при каких ситуациях голос не повысит. А в каюте у него, — ехидничал Снегирев, — еловые веточки».

Суворов весело рассмеялся.

— Да будет вам, Константин Петрович. Еловые веточки — это же для души, о доме напоминают. Губанов, коллега мой с 093-го, так тот целую цветочную оранжерею в каюте завел.

III.

А старший лейтенант Сергей Денисенко в это время в самом отличном расположении духа возвращался в часть. Только что теща Марья Павловна сообщила ему долгожданную весть:

— Сын, сын у вас родился, Сережа. Четыре кило, рост пятьдесят один. — И добавила шутливо: — И как только такого богатыря на свет божий произвели?! Сами ж коротышки!

Сергей пропустил тещину шутку мимо ушей.

— Лариса-то как?

— Самочувствие хорошее. И у малыша тоже.

— Передайте ей: люблю, целую миллион раз. Нет, два миллиона...

— Поди и одного хватило бы. На потом оставь, — и, предвидя возражения, заверила: — Передам, обязательно передам... миллионер. Не загуляй на радостях! Да имя побыстрее придумывай сыну.

— Сообщу в письме...

Сергей вприпрыжку, как школьник, бежал по обледеневшему тротуару. «Нет, ну я же твердил всем, что будет сын, — думал он, — внутренний голос не зря подсказывал. А ведь многие не верили. Выходит, не зря спорил. Внутренний голос — он никогда не обманывает».

Какой-то прохожий проводил моряка недоверчивым взглядом и бросил вслед:

— Ишь, распрыгался, словно воробей. Смотри, шею не сломай. Денисенко обернулся и отпарировал:

— Мне, папаша, теперь никак нельзя шею ломать — сына кормить надо.

Денисенко принялся перебирать в памяти мужские имена: «Петя, Ваня, Саша, Витя, Дима, Коля, Вася...» Нет, ни одним из этих имен не хотелось называть единственного пока наследника. «Посоветуюсь с офицерами, матросами. Ум хорошо...»

И с тем, на ходу раскрыв пропуск и не ответив на приветствие дневального, на КПП, Сергей вбежал на территорию части. Еще один рывок, и вот она — стоянка. Но что это? 065-го на месте нет! Денисенко наполовину в шутку, наполовину всерьез протер глаза.

На ходовом мостике 011-го появился его товарищ по училищу и коллега по занимаемой должности Иннокентий Бритвин, или в обиходе Кеша.

— Сильнее три, Сергей. Ушел твой корабль по тревоге. Не завидую тебе, братишка. Жми к оперативному!

В штабе, зайдя в комнату дежурного, Денисенко, ни слова не говоря, развел руками.

— Ну, с кем поздравить?

— С сыном. А где ж корабль?

Капитан 3-го ранга Житинскас вышел из-за стола, уставленного телефонными аппаратами, и протянул руку:

— Поздравляю! От души. А корабль — в море. Обстановка...

Сергей не сразу сообразил, о чем говорит дежурный, а потом, поняв, побледнел:

— Как же я теперь?

— Прежде всего, не кори себя. От Снегирева, конечно, получишь на орехи. Но объяснительных не придется писать — все ж понимают, что тебя отпустили.

— Ну и подвел же я... — Денисенко рассеянно опустился на стул.

— Слезами горю не поможешь. Сейчас иди на 131-й, командир части так решил, до прихода своих будешь там вахты нести.

— А наши надолго?

— Не знаю пока. К вечеру все прояснится.

— Что случилось-то?

— Сергей, не задавай лишних вопросов. Сам еще толком ничего не знаю. От Снегирева пока никаких сообщений.

— Прошу-шения выйти.

— Давай...

Сергей никогда не подводил товарищей, свой коллектив. Сказать, что в работе у него всегда все было в ажуре, не рискнул бы. Но одно дело недочеты, а вот не выйти с экипажем в море, фактически обезглавить на время похода боевую часть — такого с ним не случилось. Если офицер заболел, а его корабль в это время покидал базу, то после выздоровления он нес вахты у соседей, подменяя товарища-отпускника. Но это совсем другое дело. Прибыв на борт 131-го, лейтенант Денисенко козырнул вахтенному у сходни и направился по многочисленным переходам в каюту командира.

IV.

Свинцово-серые тучи, угрожая снежным зарядом, нависли над кораблем. Линия горизонта во мгле была едва различимой. Снегирев приказал усилить визуальное наблюдение и широкими шагами стал мерить рубку. Скоро 065-й должен был войти в назначенный район.

Левее, милях в двух, утюжил волнующуюся стальную поверхность моря теплоход. По конфигурации корпуса и надстроек Константин Петрович мгновенно определил:

— Один из «капитанов». — Это значило, что судно относится к серии, все теплоходы которой носят имена прославленных капитанов советского торгового флота. Снегирев безошибочно называл «пионеров-героев», «академиков» и «художников». — Однако получение подтверждения, — приказал он Суворову (офицеров оставалось мало, и замполит нес вахты наравне со всеми).

Снегирев настроил радиостанцию на нужную волну и слегка наклонился к рифленому четырехугольнику микрофона:

— Я — «Вельбот-2», я — «Вельбот-2». Судно, идущее курсом сорок, — назовите себя.

Потрескивание эфира прервал приятный сочный баритон:

— Я — «Капитан Орехов». «Капитан Орехов». Следую в порт...

— Спасибо.частливого пути...

Выдвигаемся, выдвигаемся, — разговаривал сам с собой Снегирев. — Сейчас выдвинемся. Он имел в виду заданный квадрат, в котором начнется поиск нарушителя. Вообще-то в слово «выдвинуться» он вкладывал весь отпущенный ему природой сарказм. Два слова из языка сухопутных военных вызывали его неприязнь. «Ну почему бы попросту не сказать — выйти на исходный рубеж, на линию ведения огня, нет, обязательно выдвинуться. А назад как? Задвинуться?»

Крупная зыбь на море затрудняла наблюдение. Однако радиометрист уверенно обнаружил цель — то появляющуюся, то исчезающую на экране локатора засветку.

— Товарищ командир, вижу среднюю цель, следующую курсом... Пеленг... Дистанция...

Сейчас Снегирева можно было сравнить с охотником, бесплодно бродившим несколько часов кряду по лесу и наконец увидевшим зверя. Он радостно потер руки и бросил штурману:

— Бакуль! — тот и сам знал, что ему делать.

— Беру на контроль, товарищ командир.— Бакуль склонился над картой, освещенной настольной лампой, и нанес точку. Бросив взгляд на часы, он сделал запись в журнале.

— Штурман, какова глубина в точке?

Получив ответ, Снегирев пришел к выводу:

— Малая скорость и характеристики глубин позволяют думать, что судно идет с тралом. Да, с тралом в запретном районе. Суворов, подготовку от моего имени шифровку оперативному дежурному.

— Есть!

Минут через пятнадцать получили ответ: «Судно, ведущее промысел рыбы в квадрате 3621, задержать. Произвести осмотр. Напоминать о мерах безопасности. О результатах доложить. Антоненко».

Снегиреву почему-то всегда хотелось схватить нарушителя сразу, мгновенно, несмотря ни на какие обстоятельства. Поэтому он брался выполнять приказ начальника с большим рвением: нервничал и метался по ГКП, забывая, что его 065-й не самолет и даже не «летучий голландец».

Вот и сейчас Константин Петрович свирепо барабанил пальцами по стеклу и ворчал:

— Идем черепашими шагами.

Суворов резонно возражал:

— У каждой машины свои возможности.

— С меня требуют задержать нарушителя, а не о возможностях спрашивают.

— Будем задерживать,— и чувствуя бесполезность дальнейших препирательств, Станислав Денисович отошел. Ранняя зима темнота накатывалась с востока, белопенные валы били в борт, вздымались у носа.

Замполит представил себе в эти минуты и мотористов, и электриков, и сигнальщиков, и радиотелеграфистов — всю команду корабля, как сжатая пружина готовую распрямиться по первому сигналу.

Корабль не сразу стал сближаться с нарушителем. Снегирев решил сделать все возможное, чтобы отсечь ему пути к уходу. Поэтому сейчас 065-й как бы оставлял «заблудившегося» в стороне. А потом следовало резко изменить курс и идти уже «лоб в лоб».

Но на шхуне правильно оценили этот маневр и таящуюся в нем опасность. Там, судя по всему, выбрали трал, а затем судно на полной скорости стало уходить в открытое море. Трель звонка разнеслась по кораблю. Снегирев, схватив микрофон, прокричал в него:

— Боевая тревога! — И сразу же загрохотали по ступеням лестниц каблуки матросских ботинок.

— Курс... Полный вперед!

Взревели двигатели, корабль вздрогнул.

— Осмотровой группе приготовиться к высадке!

Капитан-лейтенант Суворов, обычно возглавляющий осмотровую группу, «штатный старший», как называл его Снегирев, побежал в свою каюту, надел штормовую куртку и ярко-оранжевый спасательный жилет.

Наступали самые ответственные минуты в выполнении задания. Снегирев ходил между штурманом и радиометристом, бросая взгляд то на карту, то на экран локатора. Корабль быстро сближался с судном-нарушителем.

Замполит вышел на палубу, где уже построился состав осмотровой группы — старшина 2-й статьи Мозговой и три матроса — тоже в спасательных жилетах, с пистолетами в кобурах. Через минуту появился командир корабля. Кивнув на Мозгового, Суворов уже собрался спросить, не заменить ли старшину, оставшегося главным в боевой части, но Снегирев опередил его.

— Осмотровая группа остается в намеченном ранее составе. Тем более что Мозговой уже несколько раз высаживался на шхуны. В боевую часть пойдет старший помощник командира корабля.

— Ясно.

— Вот о чем попрошу, Станислав Денисович,— это сверх инструктажа, который все и так на зубок знают.— Константин Петрович достал из планшетки сложенную вчетверо карту.— Возьми с собой, пусть подпишут два экземпляра. Помнишь тот случай?

Суворов знал, о чем идет речь. Пограничники сделали тогда все правильно. Старший осмотровой группы 131-го, определив на карте, представленной шкипером задержанной шхуны, точку, где судно вело незаконный промысел, попросил, как это и положено, подписать карту и тем самым удостоверить нарушение, признать его. Уже в прокуратуре, когда велось следствие, молодой следователь допустил неосторожность. Он отошел от стола, на котором лежала карта, к сейфу. Шкипер молниеносно протянул руку, оторвал кусок карты, где была его подпись, и сжевал его. Доказать вину иностранных промысловиков тогда не удалось. И вот теперь Снегирев предусмотрительно давал Суворову свою карту.

— И не наткнись на веревку,— продолжал инструктаж капитан 2-го ранга,— подойди как можно ближе к борту, а потом, если не дадут высадиться, аккуратно передвигайся к корме.

Константин Петрович знал, что иностранные рыбаки во время приближения к их судну катера, спущенного с пограничного корабля, иногда бросают за корму два буя, между которыми натянута веревка. Потеряешь осторожность, наматается она на винт — всю операцию сорвать можно.

Суворов понимающе кивнул головой.

— А как с провиантом? — зная по опыту, что осмотр иногда длится долго, спросил командир.

— Взяли,— ответил Мозговой.

— Тогда — вперед, ребята! — Снегирев пожал каждому руку.

В лицо ударили крутой подсолненный ветер и крупные холодные брызги. Впереди качались приближающиеся тусклые огни шхуны.

Подойдя к ней, Суворов заметил, что на освещенном корабельным прожектором борту нет ни названия, ни номера.

— Замазали, черти, да все бесполезно, — Суворову хотелось выразиться покрепче, но при матросах он не мог позволить себе этого.

К большому удовлетворению старшего осмотровой группы, нарушители не препятствовали высадке «десанта». Правда, и не помогли, что, впрочем, никого не удивило. Один за другим моряки поднялись на борт. На ходу Суворов еще раз напомнил о расстановке.

Поднявшись в рубку, Суворов поздоровался со шкипером — коренастым мужчиной в форменной одежде, с узкими черными усиками над бледно-розовыми губами. Шкипер ответил на довольно сносным русском языке, но капитан-лейтенант все же задавал вопросы через матроса-переводчика.

— Как называется судно?

— «Софа».

— Почему нарушаете международную конвенцию и закрашиваете название?

Шкипер неопределенно повел плечами.

— Вы — хозяин шхуны или работаете по найму?

— Какой там хозяин! У нашего хозяина полтора десятка таких судов.

— Чем занимаетесь?

— Заблудились мы,— с готовностью ответил шкипер.

На каждый вопрос у этого человека был готов вполне логичный ответ. Да никто и не сомневался, что зеленых юнцов не посылают на столь рискованные предприятия.

— Можете показать на карте точку, в которой находитесь?

— Очень приблизительно.

— Конечно,— с иронией заметил Суворов,— все вышло из строя, поэтому и свиделись с нами.

— Вы абсолютно правы.

Старший осмотровой группы включил штурманские приборы.

— Исправны...

«Ну,— подумал капитан-лейтенант,— теперь-то хоть заговорит в тебе совесть... Нет, голос разума». Но шкипер ответил и глазом не моргнув:

— Все на этой грешной земле зависит от бога.

— Ну, и слава богу,— неожиданно согласился капитан-лейтенант.— «Ехидные» губы его вытянулись.— Определим же ваше местонахождение.

Через минуту на карте стояла точка. Суворов воткнул иглу циркуля в лист и провел дугу.

— Да, выходит...— шкипер развел руками.

— Выходит, вы оказались в запрещенном для лова рыбы районе.

— Именно так, господин офицер. Но мы не вели промысел.

— Разберемся. А пока подпишите карту.

Суворов поставил подпись вслед за шкипером.

— И еще,— Суворов достал вторую карту.

— А это зачем?

— Мне, на память.

— О, для хорошего человека...

— А теперь о рыбе...

— Не было и нет.

— Будем искать,— жестко предупредил Суворов.

— Это ваше право,— безучастно ответил шкипер.

V.

Капитан-лейтенант собрал состав осмотровой группы на полу-баке и спросил о результатах. Собственно, имеющиеся данные результатами можно было назвать лишь условно. Шпионской и фото-аппаратуры не обнаружено. Радиоаэрадиолокационная станция* на шхуне нет. Радиопеленгатор радиобуев не засек (иногда нарушители, уходя от погони, избавляются от сетей, оставляя в море вместе с ними радиобуй, подающий сигналы на определенных частотах). Что ж, нужно было искать рыбу. Снегирев не мог ошибиться в своих предположениях. Да и Суворов — с меньшим опытом службы — сделал бы вывод

* Радиозакладка — передатчик, передающий информацию без оператора. Так, он может подать сигнал о том, что судно задержано.

точно такой: малая скорость и малые глубины — судно идет с тралом.

Но вот беда, Мозговой и матрос Олехнович доложили, что в трюме мокрого трала нет — только сухие сети. Значит, следовало признать версию шкипера и отпустить шхуну с миром. Чутье же подсказывало офицеру, что опытный моряк, каковым был шкипер, не мог просто так вот взять и заблудиться. Значит...

— Нужно, товарищи, продолжать осмотр.

Все моряки спустились в трюм.

А Суворов в это время сидел в ходовой рубке и устало смотрел на шкипера.

— Ну что,— проговорил наконец шкипер, и черные усики его вздернулись,— пора ужинать.

Словно прочитав его мысли, на пороге появился повар с кастрюлькой и какими-то мисками на подносе. Стол сервировали на две персоны, но Суворов составить компанию отказался.

— Зря, господин офицер. Ведь мы оба моряки — коллеги, значит,— посетовал шкипер.

— Я сыт.

По помещению распространился запах мяса и каких-то очень аппетитных острых приправ. Сглотнув слюну, Суворов подумал, что на корабле уже отужинали, да и военно-морской чай с печеньем в двадцать один ноль-ноль попили. Но чувство голода — далеко не самое большое зло, и не пристало ему, советскому пограничнику, принимать угощение от задержанных.

Шкипер наливал себе вторую рюмку «брэнди», когда дверь в рубку распахнулась и на пороге показался радостный Мозговой. Он вошел пригнувшись и отрапортовал:

— Нашли, товарищ капитан-лейтенант!

— Что нашли?

— Сеть мокрую нашли, товарищ капитан-лейтенант, трал мокрый обнаружили,— он радостно, по-детски улыбался.

— Хорошая находка. Что скажете? — обратился Суворов к шкиперу.

Тот промолчал. Советские моряки отлично знали, что у владельцев рыболовецких судов за рубежом всегда большой выбор рабочей силы и, уж конечно, возглавляют команды шхун опытные мореходы, которых в критических ситуациях гольми руками не возьмешь. Каждый выход в море — это деньги, а за деньги они готовы работать не покладая рук.

Ночь, беззвездная и стылая, висела над морем. Зыбь монотонно раскачивала шхуну. Моряки осмотровой группы устали, но о том, чтобы уйти, не найдя рыбу, никто из матросов не помышлял.

Перемигиваясь фонарями, ребята искали. Должна же, черт возьми, быть рыба, раз есть мокрые сети. Да и команда шхуны напряженно следит за действиями каждого пограничника, спать никто не идет. Казалось бы, чего им волноваться, если все чисто, все честно? Шхуна — в дрейфе. Рядом — советский пограничный корабль. Достаточно только вахтенных назначить. Так нет же, переговариваются по-своему в напряженном ожидании.

Суворов попытался еще раз призвать шкипера к благоразумию:

— Ясно, что на борту «Софы» есть тайники. Мы все равно обнаружим. Для вас же лучше показать их.

— Господин офицер, по всем международным соглашениям судам, находящимся в нашем положении, следует оказывать помощь. Вы, русские, любите говорить о гуманизме. А ведь на борту — двадцать рыбаков, у которых семьи, дети. Нам надо рыбу ловить, чтобы прокормить их.

— Но в районах, где положено,— об этом вы прекрасно информированы. Кстати, как и о том, сколько раз советские моряки оказывали помощь иностранцам, когда они действительно терпели бедствие.

— Вся наша вина в том, что мы заблудились,— шкипер закусил губу, и она еще больше побледнела.— Оправдываться в несуществующих грехах я не намерен.

— Жаль. Тогда мы вынуждены продолжить поиск.

— Продолжайте. Но по поводу материальных убытков наш хозяин заявит протест. Он знаком со многими министрами.

— Нечто подобное мы слышали и от других. А потом убытки возмещали все же нашему государству.— Суворов и сам выступал в качестве свидетеля на двух судебных процессах над задержанными за незаконный лов рыбы.

— В данном случае обещаю обратное.

Когда матросы собрались около Суворова, он спросил:

— Проголодались?

— Терпеть можно,— весело ответил за всех маленький Олехнович.

— Продержимся, товарищ капитан-лейтенант,— подтвердили остальные.

Настроение моряков понравилось замполиту. Впереди еще много работы, и моральный дух должен сыграть не последнюю роль.

— Конечно продержимся. Но перекусить надо. Доставайте свои припасы. Только быстренько, чтоб задержанные не глазели.

— А вы?

— И я с вами, на ходу, так сказать.

Когда хлеб и сгущенное молоко были съедены, капитан-лейтенант поставил задачу:

— Думаю, что должно быть или двойное дно в трюме, или двойные борта. Ищите ломтики, другие металлические предметы. Надо отдирать доски.

Когда Андрей Мозговой предметом, отдаленно напоминающим монтировку, отодрал от трюмного пола несколько досок, светивший ему фонарем матрос Наиль Искандеров невольно вскрикнул:

— Вот она!

Андрей и сам уже увидел отливавшие тусклым серебром бока больших рыбин.

...После этого случая корабль Снегирева получил приказ нести службу в районе, где была задержана «Софа».

VI.

Ранним утром, когда только-только взошло солнце, Константин Петрович любовался морем, которое словно поделил кто-то на многочисленные полосы: под солнцем — слева — оно золотилось, справа от ходовой рубки было пепельно-серым, а сзади, за кормой,— нежного синего цвета. Посетовав в душе, что служба совсем не оставляет времени любоваться окружающими красотами, Снегирев придирчиво оглядел мачты — фок и грот, антенны радиолокаторов, а потом объявил по трансляции:

— Старший лейтенант Бакуль — на ГКП.

Запыхавшийся штурман взлетел по лестнице:

— Прошу-шения... Товарищ командир...

— Будем начинать.

— Вы ж сами назначили на...

— Семь минут дела не меняют.

Им предстояло произвести уничтожение девиации и определить

поправку магнитного компаса. Они возились с приборами — командир на ГКП, штурман — на наблюдательном мостике. Снегирев пел:

— Но-о-о-ль у нас... Но-о-о-лик у-у-у на-а-а-с... Чи-и-и-стый но-о-о-лик,— он любил, когда у него все получалось, и в такие минуты позволял себе напевать что-то на придуманный им незатейливый мотив.

А капитан-лейтенант Суворов сидел за столом и делал записи в толстой тетради, что в обиходе командиров и политработников зовется педагогическим дневником, куда офицеры заносят свои наблюдения о чертах характера, наклонностях матросов и старшин, побудительных мотивах их поступков.

На боевых постах начались плановые занятия. Старшина 2-й статьи Мозговой еще раз «проиграл» мысленно все ситуации, которые могут встретиться при отработке темы. В одиннадцать часов он подал всем свободным от вахты команду стронуться. Последним стал в строй матрос Эдуард Заборовский, невысокий парень с белесыми неподвижными глазами и постоянной скептической ухмылкой на лице. Андрей сразу же заметил, что у него плохо подогнано снаряжение.

— Средства химической защиты — надеть! — скомандовал Мозговой и стал натягивать прорезиненный плащ.

Вдруг он услышал язвительное:

— Далеко пойдешь, родственник...— это сказал Заборовский. Эдуард и раньше употреблял по отношению к Андрею обращения типа «моя ты красота», «родственник», «начальник».

Андрей приказал прекратить разговоры в строю.

Вообще-то вся эта история началась в учебном отряде. Мозговой и Заборовский даже подружились на первых порах. Черная кошка пробежала между ними впервые, когда командиром отделе-

ния, уже на корабле, назначили не Заборовского, который учился заочно в институте, а Мозгового.

А тут еще библиотекарь клуба части — кудрявая Наталья назвала как-то не в меру разговорившегося Эдуарда пустомелей, с Андреем же ходила в кино.

Когда наступили осенние холода и Наталья сменила джинсовую юбку на джинсовые брюки и изящные коричневые сапожки, Эдуард сострил:

— Создается впечатление, что за окнами нашей избы-читальни ее ждет скаковой конь.

Андрей ответил тогда:

— Наташу не тронь. Это я тебе со всей серьезностью говорю.

Заборовский глянул на широкую, словно крепостная стена, грудь Андрея, перевел взгляд на его кулаки.

— Ладно, без громких фраз: будет при мне другая лялечка, пальчики оближешь.

И тут Андрей с несвойственным ему злорадством заявил:

— А пока ты облизывай.

Когда уволился командир отделения, на его место был назначен Андрей Мозговой.

VII.

Сойдя на берег, Снегирев сразу направился в штаб. У огромного колокола-памятника, возвышающегося перед входом в трехэтажное штабное здание, капитан 2-го ранга нос к носу столкнулся с Денисенко. Сергей козырнул и принял положение «смирно». Поняв его состояние, Константин Петрович сказал просто:

— Ну, здравствуй!

— Здравия желаю, товарищ командир! С прибытием! — и, не скрывая радости, широко улыбнулся, отчего на его щеках вмиг образовались потешные ямочки.— А я здесь, в базе, пробыл все это время,— посерьезнев, пробормотал он.

Сергею очень хотелось, чтобы командир отругал его хорошенько, но чтобы потом к этому больше не возвращаться.

Так ведь, чтоб отругали, помолчать следовало. А Денисенко возьми да и скажи:

— Как услышал, что вы пришли, сразу разрешения попросил — и на корабль... Плохо все вышло...

Повинную голову меч не сечет. Кустистые белесые брови Снегирева взметнулись, а стальные секунду назад глаза стали вдруг самими обычными.

— О делах мы еще поговорим. Давай-ка лучше с сыном тебя сейчас поздравлю.

Сергей щелкнул каблуками.

— Докладываю, товарищ командир, на восемь ноль-ноль сего дня все в порядке.

— И сегодня звонить бегал?

— В том-то и дело, что только сегодня и удалось. Меня со 131-го утром «подчистую» списали, когда узнали, что вы на подходе. А так — вахты нес. Нет,— продолжал горячо, словно возражая сам себе,— время-то было, но не хотелось отпрашиваться после этого случая. Выходной давали, на почту ходил, да связи с Харьковом не было.

— Письма получаешь?

— Почти каждый день,— гордо ответил Сергей.

— Это хорошо, однако, что вам есть кому помочь. Моя Анастасия в свое время одна оставалась с Витькой, когда я в море уходил.

Досталось... А впрочем, это к делу отношения не имеет,— подытожил Константин Петрович официальным тоном: — Сейчас — на корабль. Разберись в делах. В чем разбираться — есть.

Несколько мгновений Снегирев смотрел вслед Денисенко: шел он легкой, пружинистой походкой мимо занесенных голубоватым снегом клумб, по тополиной аллее, пышно-зеленой летом и такой живообразно сухой сейчас. Потом, вздохнув, командир толкнул тяжелую дверь.

Капитан 1-го ранга Антоненко, худой, как юноша, в отутуженной тужурке и белоснежной рубашке, выслушал доклад Снегирева и, поздоровавшись, пригласил сесть.

— Отдыхай. Поход нелегким был.

Антон Антонович Антоненко закончил училище двумя годами раньше Снегирева, знал его еще курсантом и обращался к Константину Петровичу на «ты». Снегирев же ни разу не рискнул нарушить субординацию. Он накрепко усвоил: командир есть командир вне зависимости от воинского звания, возраста и продолжительности знакомства с ним.

— Курить будешь? — Антоненко указал взглядом на пачку сигарет.

Снегирев поморщился.

— Нет, я так посижу. Давно уж не тянет.

— А я вот никак не могу отвыкнуть,— Антоненко чиркнул спичкой.— Рассказывай.

— Нового ничего, однако, не скажу. Все в шифровках сообщал вам ежедневно, товарищ капитан первого ранга. Шхуну задержали. Потом в соответствии с вашим приказом службу на участке несли.— Снегирев замолчал и стал рассматривать рабочий стол командира бригады, массивный, двухтумбовый. Ему всегда хотелось иметь

в своей каюте именно такой. Но корабль укомплектовывается только штатной мебелью, да и громоздкие вещи не для ограниченной площади корабельных помещений.

— Задержал ты шхуну, Константин Петрович, ловко. И моряки твои не подкачали. Думаю, одного этого случая достаточно, чтобы корабль еще год отличным называть...

Домой Константин Петрович пришел уже под вечер.

Когда, открыв дверь своим ключом, он вошел в небольшую уютную квартиру, его встретила жена Анастасия Степановна. Она выглядела моложе своих сорока семи лет. По доносившимся из кухни запахам Снегирев понял, что есть за ужином придется немало, а настроение было отнюдь не для застолья, да и лишний вес давал о себе знать. Сейчас бы попросту сказать: «Спасибо тебе, моя мастерица, за заботу, но давай лучше попьем обычного военно-морского чайку с печеньем». Однако Анастасия Степановна твердо верила, что мужчина должен плотно есть, много работать и заниматься домашним хозяйством. Она не любила ворчать, однако в голосе ее, как у всех женщин, проработавших долгие годы в школе, постоянно звучали властные нотки. Константин Петрович немного побаивался жену и предпочитал выполнять ее указания беспрекословно.

— Мог бы и раньше прийти,— сказала Анастасия Степановна с укором.— Я звонила дежурному и знаю, когда ты пришвартовался.

— А вот это зря,— пробурчал Константин Петрович, снимая след за шинелью китель.— Сколько раз просил...

— И не проси, знаешь сам — бесполезно.

Константин Петрович неторопливо прошел в спальню и вернулся в гостиную переодетым в пижаму.

— Сейчас бы, самое, закурить.

— Еще чего выдумал.

— Да дела, мать, так складываются, что подымить иногда тянет.

— Конечно, на корабле,— саркастически улыбнулась Анастасия Степановна.— Угадала?

— Как всегда.

— У тебя в доме дела намечаются.

— Что случилось?

— Витя от рук отбился совсем.

— То есть?

— Уроки забросил. Магнитофоны и записи к ним да и всякие другие глупости в голове. Звонки бесконечные от товарищей, а чаще от Татьяны.

Татьяна Соболева, тоненькая черноволосая девочка, дочь начальника штаба бригады, училась вместе с Виктором. Сложная программа десятого класса нередко вступала в противоречие с первой юношеской любовью. Виктор, судя по рассказу матери, отдавал предпочтение не урокам.

— Ничего, утрясется,— Константин Петрович, как бы нехотя, наколот на вилку маринованный гриб.— Уладится. В училище пойдет, там свободы поубавится. (Виктор давно сам решил поступать в военно-морское училище, и родители были «за».)— А если и женится когда-нибудь на Татьяне, тоже не беда. Девка хоть и боевая больно, да в моряцкой семье выросла, понимать должна нашу службу...

— Что они там понимают сейчас? Женится?! В порядок его привести надо, вот и все.

— Так в чем же дело? Ты же, самое, педагог.

— Знаешь, Константин, эти «самое» и «однако» самому-то тебе не надоели? У меня они давно в печенке сидят.

— Поздно мне речь выправлять.

— Смотри, чтоб с сыном поздно не было.

— Однако настырная ты какая. Поговорю, как придет, поговорю,— примирительно сказал Снегирев.

Погасив ночник, Константин Петрович еще долго не мог заснуть и ворочался с боку на бок.

— Спал бы уж,— голос Анастасии Степановны прозвучал неожиданно мягко, просительно.

— Сейчас, мать. Засну, обещаю.

Но еще долго лежал он на спине с открытыми глазами. И думал не о корабле и матросах, а о том, что служба вот подходит к завершению да и жизненный путь уже на исходе. А что, в сущности, видел? Походы и многочисленные заботы, которые одолевают офицера во время службы. И все же жизнь, которая начнется после увольнения в запас, когда, проснувшись, не надо никуда идти, казалась страшной. И мысли эти хотелось гнать от себя, но они упорно лезли в голову.

Заснул Снегирев, как провалился в какую-то глубокую темную яму. И не слышал, когда щелкнул дверной замок, как в прихожую вошел счастливый Витька. Только что он расстался с Татьяной. Только что он целовал ее, вдыхал аромат ее волос, повторяя: «Люблю... Люблю... Люблю...» И в ответ слышал те же самые удивительные слова.

Виктор снял ботинки, прошел к дивану. И тоже долго не мог заснуть.

VIII

Жизнь на 065-м текла по раз и навсегда заведенному порядку. Мозгового с утра вызвали в штаб оформлять документы для поездки в краткосрочный отпуск. У Заборовского задача была более прозаической — сколоть с кормы лед. Ровно в одиннадцать ноль-ноль он вооружился ломиком и, насвистывая, вышел на ют.

Свирепый ветер трепал военно-морской пограничный флаг. Вахтенный матрос в овчинной шубе понимающе кивнул: несладкая, мол, работенка досталась, на что Эдуард не преминул ответить:

— Ходишь тут, обеда дожидаясь. Три кормы мог бы в стерильное состояние привести.

— У меня служба.

— Да, конечно, следить, чтобы Вовка на пирс не выскочил.

— Всегда ты чем-то недоволен.

— Хвалю за наблюдательность. Продолжай нести службу бдительно, ничем не отвлекаясь.

...Мозговому без лишней волокиты выписали отпускной билет, требование, другие документы. Он возвращался на корабль в отличном расположении духа. Сейчас собрать чемоданчик — и в аэропорт.

Подходя к кораблю, Андрей увидел такое, что заставило его вздрогнуть. Перевалившись неуклохе через бортик, Заборовский занес руку с зажатым в ней ломиком и вдруг, потеряв равновесие, упал в ледяную воду.

Сколько может в такой воде продержаться человек? Минут пять-шесть. Тренированный может и больше. Заборовский тяжело, медленно отрывал от воды руки, стараясь удержаться на маслянистой поверхности. Он понимал, что еще чуть-чуть — и конец.

Этого чуть-чуть хватило Андрею Мозговому, чтобы оказаться на корме, сбросить на ходу ремень и шинель.

— Держи меня за ноги, да крепче! — крикнул он растерявшегося вахтенному.

Сложившись пополам и склонившись к черной воде, Андрей протянул руки Эдуарду. Тот судорожно ухватился, но застывшие пальцы слушались плохо. Тогда Андрей обхватил его запястья и попробовал оторвать от вязкой, словно превратившейся в смолу, воды.

— Упирайся ногами в борт, помогай!

Борьба длилась минуту или две. Высыпавшим на ют морякам хватило нескольких секунд, чтобы втащить обессиленного Заборовского на палубу. Его спасали несколько человек, но Заборовский понимал, что рисковал своей жизнью из-за него один Андрей. Он посмотрел на Мозгового зрачок в зрачок и, скривив в улыбке синие губы, выдавил:

— Родственник... Ты-ы-ы... — Он развел безнадежно руками, и по щеке покатилась горько-соленая слеза.

Повернувшись, Эдуард тяжело пошел по палубе на негнущихся ногах.

— Андрей — родственник что надо, — сказал он уже в медпункте растравившему его спиртом фельдшеру Адарову.

...С Виктором, сыном своим, Константин Петрович встретился на другой день, придя обедать домой. «Вроде как еще подросток. И куда только, акселерат, тянется?» — добродушно подумал Снегирев.

Подогрели борщ, разлили по тарелкам.

— Не думал встретить тебя, однако, в такую рань дома, — беря хлебную горбушку, сказал отец.

— Дела, — неопределенно буркнул Виктор.

— Надеюсь, серьезные?

— Дальше некуда. Сочинение на завтра задали писать — как я отношусь к героям горьковского «дна». А я с ними не имел чести беседовать.

— Ничего, в учебнике все ясно сказано.

— Переписывать — не проходит. Своими словами нужно.

— Выходит, самое, и об учебе иногда думаешь?

— Почему ж иногда? — насторожился Виктор. — Ты же сам говорил: главное — результаты. Я не отличник, правда, но и у вас, где все по команде, все корабли одновременно не могут отличными быть.

— Значит, с учебой в порядке?

— Конечно. Кто ж неуча в военно-морское училище примет?

— Решение свое не изменил?

— Нет, решение это твердое.

Константин Петрович не любил темнить, поэтому сказал напрямик:

— А вот у матери есть сомнения.

— Ой, батя, — деланным баском отвечал сын, — все-то ей самое страшное мерещится.

— Так успокой ее, она ж женщина.

— Это не так просто. Учительское сердце и покой — понятия несовместимые.

Константин Петрович промолчал. И подумал он в эту минуту о том, что старость, старость неумолимо подступает. Нет, она начала подступать не сегодня, намного раньше. Пожалуй, тогда, когда на желание жены иметь второго ребенка ответил твердым — нет. А перед этим убеждал — нельзя, мол, намного труднее будет с двумя детьми, а он, глава семьи, почти все время в море. Доказывала, уговаривала — справится. Никаких доводов слушать не хотел.

И формально, скорее всего, был прав он. Но всегда ли формальная правда — истина?

Почему-то сейчас, во время этой беседы с сыном, Константин Петрович подумал, что молоды-то люди только тогда, когда дети маленькие вокруг. Бегают малыш по квартире — молод ты! Глянь, он, единственный, уж подрастает, а ты стареешь.

И жена... Было бы сейчас двое-трое — между ними делила бы свое сердце. А так — один, все внимание ему. Хочется идеальным видеть, да скупа жизнь на идеальные варианты.

Константин Петрович вздохнул.

— Знаю, страшного ничего. Но ты уж ищи с матерью общий язык. Какой я помощник? Все время меня куда-то, — он лихорадочно подыскивал слова, потом махнул рукой: — Все время куда-то носит.

— А сегодня куда понесет, если не секрет?

— Экой ты, однако! Ничего, в училище научат думать, перед тем как рот открывать, — Константин Петрович всегда придерживался золотого правила осторожных людей: что можно попу, нельзя дьякону. — Сегодня — на корабль. Чуть старших тебя уму-разуму учить. А своего вот некогда.

— Ничего, я сознательный.

— И за то спасибо.

Константина Петровича подмывало спросить о личных делах Виктора. Но так вот в лоб... Надо как-то поделикатнее. Наконец решился.

— У тебя с...

— Вопрос понятен, отвечаю. Пока ни за что не тревожься. Хотя и такой вариант в будущем не исключен.

— Какой?

— Женюсь когда-нибудь. Не исключено, что именно на ней. Внуков нянчить будешь.

— Мне же еще кап-раза* получать...

— Ты, батя, бросай эти карьеристские замашки, — рассмеялся Виктор. — Душой помолодеешь.

— Это, самое... Не спешил бы ты очень. Знаешь, жениться — не напасть, женатому бы не пропасть.

— Я подумаю, — ответил Виктор с нарочитой серьезностью и принял муть посуду.

Часть вторая

1.

У каждого корабля своя биография, а точнее — история, боевой путь. И по доброй морской традиции не прерывается он в тот день, когда корабль, отслуживший срок, списывают на вечную стоянку. Имя или номер его присваивают новому, более совершенному в техническом отношении судну, наследнику и продолжателю славного пути.

065-й начал нести пограничную службу еще задолго до Великой Отечественной войны. С началом ее 065-й включили в состав Северного флота, и он участвовал во многих боевых операциях.

...Фашистские части наступали и были готовы смять обороняющиеся на открытой местности подразделения Красной Армии. Командование решило поддержать наших пехотинцев с моря.

* Ка п - р а з — в обиходе моряков — капитан первого ранга.

Артиллерия 065-го шесть часов вела огонь по врагу. Моряки поразили немало артиллерийских и минометных батарей противника. Продвижение фашистов было приостановлено. С середины 1942 года 065-й выполнял задачу по защите транспортных судов на морских коммуникациях, соединяющих СССР и Англию, по которым шли наши грузы из стран антигитлеровской коалиции.

Самолеты с черными крестами на крыльях пытались уничтожить бомбовым ударом два транспорта. Маневрируя, 065-й вел интенсивный огонь по «стервятникам». Скорострельность в эти минуты довели до предела — иначе выполнить задачу было невозможно. Стволы орудий раскалились, и моряки вынуждены были поливать их водой, обертывать мокрыми тряпками. Ни одна бомба не упала на транспортные суда.

В другом бою с пятью вражескими самолетами 065-й получил серьезные повреждения — вышли из строя главный двигатель и гребной винт. Мотористам удалось быстро восстановить машину, а для устранения поломок винта пятеро матросов несколько раз спускались в ледяную воду. Через два часа корабль занял свое место в эскorte охранения.

...После того как 065-й ушел в свое последнее плавание, прошло всего три месяца, а уже был готов к спуску на воду современный корабль с таким же номером. Принимать его вместе с личным составом полетел на завод Константин Петрович Снегирев. До сих пор в столовой команды висит фотография, сделанная в день поднятия на корабле военно-морского пограничного вымпела.

...Тихо в музее боевой славы части. И только время от времени голос капитан-лейтенанта Суворова прерывает эту тишину. Сегодня он вместе с молодым пополнением корабля пришел сюда, чтобы рассказать о священных реликвиях 065-го.

— Флаг корабля, простреленный вражескими пулями... Фотография первого командира... Макет носовой пушки... Бескозырка кавалера ордена Славы трех степеней Ивана Ивановича Казакова, служившего на 065-м... Памятка-наказ моряку, назначенному на наш корабль...

Но разве могут поведать обо всем экспонаты музея, пусть даже многочисленные? Сегодня вечером в беседе с воинами о многом вспомнит капитан 2-го ранга Снегирев: как спасали из ледового плена советских рыбаков и во время шторма — рыбаков иностранных, как 065-й однажды затерло льдами. Расскажет командир, наверное, и о том, как отличился корабль совсем недавно — ведь на примере 065-го сейчас воспитывают моряков других кораблей.

II.

Он брел по грязным улицам своего города, и отсутствующий взгляд его не фиксировал ни витрин магазинов, ни вывесок учреждений, ни назойливых реклам кафе и ресторанов. Дома в городе старые, как и сам город, улицы узкие и заканчиваются у самого моря, так что кажется, будто они сбегают прямо в воду, где всегда покачиваются пятна мазута, обрывки бумаги, корки апельсинов, бананов и прочий мусор.

На вид ему можно дать лет сорок. Среднего роста, слегка сутулится. Черные волосы зачесывает на прямой пробор. Из-за стекол очков в красивой современной оправе смотрят глаза умные, несколько утомленные. Черты лица этого человека можно было бы назвать абсолютно правильными, если бы не очень высокий лоб.

Только что он получил расчет на работе — в редакции газеты «Вечерние новости», где многие годы был весьма оперативным ре-

портером. Все случилось так, как и предсказывал его приятель из «Свободной газеты»: владельцы страховой компании, которых он обвинил в сокрытии действительных прибылей, вышли сухими из воды и заявили во всеуслышание, что «Вечерние новости» оклеветали их. Шеф-редактор сказал тогда:

— Мы вам доверяли. Во всем виноваты вы сами. Мне лично безынтересно общественное мнение о «Вечерних новостях». После этой публикации оно не в нашу пользу. Авторитет придется восстанавливать долго. Но уже без вашей помощи. Так что спускайтесь в бухгалтерию и получайте расчет.

— Но, шеф...

— Никаких «но». До судебного процесса доводить дело не желаю. Извините, пора читать полосы.

Да, приятель не единожды предупреждал:

— Я никогда не связывался бы с этой компанией. И тебе не советую. Она любого перемелет. В муку, понял? В муку!

Так и вышло. Приятель, преуспевающий и довольный собой, скоро поедет в Англию освещать ход какого-то симпозиума, а ты, образованный, знающий три языка, опытный журналист, уверенный в своей правоте, в грузчики будешь наниматься?

Он неспешно бродил по городу несколько дней, не заходя ни к кому, не звонил друзьям и знакомым, без которых раньше не обходился, а бывая дома, не отвечал на телефонные звонки. Потом, придя немного в себя, зашел в одну редакцию, в другую, в третью. И везде — вежливый отказ. Решился зайти в «Вечерние новости». Шеф встретил его довольно дружелюбно, угостил коньяком и велел секретарше приготовить кофе. Но на просьбу восстановить на работе ответил:

— Нет, дорогой мой.

— Я оправдаю ваше доверие, вы знаете — я умею работать.

— Знаю и очень хотел бы вам помочь. Но...

— Так помогите.

— Я не господь бог, чтобы исцелять всех страждущих, однако совет дать могу. Вы тут говорили о доверии. Мы могли бы поговорить о вашем восстановлении на службе, если бы сначала оправдали его, а потом...

— Как, шеф?

— Очень просто. Газете нужна сенсация, громкая, но чтобы она ни у кого не вызвала сомнений. Чувствуете, куда я клоню? Нам необходимо поднять тираж. Все работники получили задание искать сенсации.

— Где же я возьму сенсацию? Кто со мной говорить будет?

— Этого я не знаю, — и продолжал после недолгой паузы повелительно: — Идите и думайте. Ищите сенсацию. Слышите, громкую, но достоверную сенсацию. На гонорар не поскуплюсь. И место вам гарантировано. Попробуйте, попытайтесь, дорогой мой, поймать птичку счастья.

— Сенсации на улицах не валяются.

— Уверен в этом. И тем не менее у вас другого выхода нет. А сейчас — извините... Дела.

В тот же вечер он пошел к приятелю — тот укладывал в чемодан рубашки, галстуки и носки — наутро предстояло вылетать в Лондон.

Он передал содержание разговора с шефом. Приятель слушал без особого интереса, но в конце заговорил оживленно:

— Да, дружище, это, пожалуй, единственный выход. Иначе придется менять профессию.

— Менять профессию?!

Нет, этого он не хотел. Ему казалось, что во второй раз найти место в жизни уже не удастся. Возраст не тот, да и силы не те, что в двадцать.

— Менять профессию...— повторил он,— нет, не стоит.

— Ищи сенсацию.

— Где?

— На этот вопрос так сразу и не ответишь. Думай. Не придумаешь, подумаем вместе, когда вернусь. Хотя... Есть одна идея.

Он весь обратился в слух.

— Только идея еще не оформилась окончательно. Но все равно послушай. Как-то мне довелось на одной вечеринке встретиться с довольно интересным собеседником — владельцем небольшой рыболовецкой шхуны. Так вот его дважды во время промысла задерживали русские пограничники.

— И что же?

— Потом самым безбожным образом штрафовали.

— Видимо, нарушал законы.

— Какая разница. Тут сенсация почти на поверхности.

— Не понимаю,— он действительно никак не мог увидеть связь между этой информацией и тем, что ему предлагали принести в редакцию.

— Шевели мозгами, коллега. Напиши в статье, что рыбаков не только оштрафовали, но и отнесли к ним жестоко — побили, например. Против этого твой шеф возражать не будет.

— Но нужны факты.

— Чудак, за такую сенсацию всякий ухватится. У нас все, что хоть немного порочит русских, находит применение. Только сделай так, чтобы рыбаки подтвердили твои слова.

— Это же фальсификация. А совесть?

— Это — сенсация. Когда будешь голодать, вспомни свои рассуждения о совести. А сейчас мне нужно собираться. Завтра — в дальний путь.

— Да, да, конечно,— он порывисто поднялся со стула,— приятного полета.

III.

Ночью он не спал, тяжелые мысли не давали покоя. Он давно усвоил кодекс социально-политических и нравственных критериев, необходимых для работы в «Вечерних новостях», и искренне верил в них, хотя, в сущности, критерии эти были весьма расплывчатыми. Но в сделку с совестью он до сих пор не вступал.

Принять решение было трудно. «Посмотрю,— успокаивал он себя,— как все получится. А может, ничего не получится».

Утром, чуть свет, он пришел на набережную, где у невысоких бетонных стенок покачивались рыбацкие лодки и небольшие шхуны. Находить контакт с людьми он умел, поэтому уже вскоре разговаривал с кряжистым крупноголовым мужчиной, лицо которого наполовину было скрыто густой черной, с проседью бородой.

— В море часто выходите? — он лихорадочно обдумывал, как подступиться к щекотливому вопросу, который привел его сюда.

— Да как вам сказать,— крупноголовый достал из кармана трубку и набил ее табаком,— ведь если погода позволяет, нам выгоднее чаще выходить.

— Судно арендуете у кого или свое?

— Судно — это слишком громко сказано. Я думаю, судно и водоизмещение должно иметь соответствующее, и механизмы необходимые. Моя малютка — вот она,— рыбак показал на совсем мини-

тюрную шхуну, затертую своими более внушительными сестрами.

— Малышка она, но моя, ни у кого не арендую,— закончил фразу владелец, однако глаза его не выражали ни радости, ни гордости.— Содержать ее тяжело, а без нее — вообще худо...

Он сочувственно кивнул. «У всех проблемы,— пронеслось в мозгу,— только у каждого свои. И так...»

— Вы, если не секрет, команду на каждый рейс набираете?

Бородач хмыкнул.

— Рейс — это опять громко сказано, да и не про нас.— Достав зажигалку, рыбак прикурил: — Я, если в прибрежных водах ловлю, то беру одного-двух матросов. А когда подалее иду, то и количество помощников соответственно увеличивается. Набираю людей накануне выхода в море. Здесь у нас всегда масса желающих.— И спросил вдруг напрямик: — Почему вас все это интересует?

Он поморщился. Нужно брать быка за рога, а это всегда трудно. Наконец, отбросив сентиментальности, сказал:

— Как бы мне устроиться к вам, когда пойдете к советскому берегу. Вы ведь ходите туда?

— Ходим, конечно.

— Не могли бы вы меня принять на два-три рейса на самую низкооплачиваемую работу.

Мужчина осмотрел ничем не примечательную фигуру журналиста сверху донизу, словно прикидывая что-то в уме. Он напряженно ждал. Наконец бородач отрицательно покачал головой.

— Не подойдете вы нам. Закваска у вас не моряцкая. Балласт — кому он нужен? Вы на моем месте ответили бы так же.

— Возможно. Но я все научусь делать. Не пожалееете...

— Поздно вам уже переучиваться. Поищите работу полегче.

— Да работа у меня есть... — замаялся он.

— Так о чем разговор?

Конечно, разговор не получался. Он это понял со всей очевидностью, поэтому решил больше не темнить. Рассказал все откровенно — и о причинах увольнения с работы, и о советах приятеля.

Владелец шхуны слушал не перебивая, изредка глубоко затягиваясь дымом крепкого табака.

— Хе,— промолвил бородач, когда его собеседник закончил,— советы давать легче. Кто ж из рыбаков сам полезет в лапы русским пограничникам?! Знаете, любезный, это таким штрафом кончится, что двадцатью вашими гонорарами не откупишься.

Надежда уже не теплилась, и об удаче отныне можно только мечтать. И все же он переспросил, так, на всякий случай:

— А может...

— Нет-нет, я уже не мальчишка в рыбацком деле и люблю действовать наверняка,— подвел итог бородач.— Извините, я должен вас покинуть.

Вечером он пришел в свое жилище — небольшую однокомнатную квартиру в старом доме, и, не включая света, не раздеваясь, лег на диван. На противоположной стене плясали отблески рекламы находящегося напротив кинотеатра, зазывавшей на «самый новый» фильм о «большой любви» — обычную порнографическую поделку.

Он никогда не любил по-настоящему, хотя и монахом не слыл. Кратковременные встречи с женщинами, пусть не публичными, но доступными, служили лишь разрядкой в однообразной жизни. Каждая из этих женщин надоедала ему так же быстро, как и он ей.

О создании семьи он перестал думать после тридцати, а до этого почему-то сам выискивал причины, чтобы не жениться.

Его тоже никто не любил, разве что родители, но они давно умерли. Единственный брат владел небольшой авторемонтной мас-

терской и занимался сколачиванием капитала для покупки акций какого-то крупного автомобилестроительного концерна. Капитал рос медленно, но все же рос. Братья давно не встречались.

С приятелями он виделся нередко, как правило, в баре или кафе, чтобы пропустить глоток «горячительного», поболтать о пустяках.

Он лежал на диване, ни о чем не думая, глядя на скачущие неоновые языки.

Телефонный звонок, прозвучавший неожиданно резко, напугал его. Он неохотно поднялся и, тяжело ступая по серому однотонному паласу, подошел к телефону.

— Слушаю.

На другом конце провода мужской голос с иностранным акцентом говорил требовательно и властно. Он не сразу понял, о чем идет речь.

— С кем я говорю?

— Имя мое,— ответила трубка,— ничего пока не скажет. Я хочу вам помочь. Просто помочь.

— Каким образом?

— Это не телефонный разговор. Давайте встретимся часа через полтора. Поужинаем вместе.

— Где?

Незнакомец назвал ресторанчик неподалеку. Это устраивало.

— Как я узнаю вас?

— Я буду читать «Вечерние новости».

Упоминание о «Вечерних новостях» вызвало горячее чувство раздражения.

— Давайте лучше... газету коммунистической партии... Как ее?

— Вы — коммунист?

— Нет, просто репортер.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Это даже забавно. Итак, через полтора часа.— В трубке раздались короткие гудки.

IV.

Войдя в небольшой зал ресторанчика, он увидел посетителя — единственного посетителя с газетой в руках. Тот сидел за столиком в самом центре зала. Подойдя к незнакомцу, журналист представился и собрался спросить, не его ли ожидает господин, но господин взял инициативу в свои руки:

— Да, именно я звонил вам. Прошу,— он указал на плетеное кресло.— Правда, здесь мы не увидим хрустала, фарфора и столового серебра, но для первого знакомства вся эта ерунда была бы лишней. Все остальное в ресторане найдется.

У незнакомца были резко очерченные нос и подбородок, густые вьющиеся волосы, черные, совсем не тронутые сединой, изрезанный морщинами лоб и глубоко посаженные глаза. Лицо, судя по всему, никогда не освещала улыбка.

— Хотел бы я узнать,— репортер отодвинул пустую тарелку,— откуда вам известны мое имя, фамилия?

Включили проигрыватель, и зал наполнила тягучая мелодия блюза. Входная дверь впустила еще троих посетителей.

— Как видите,— словно не расслышав вопроса, заговорил незнакомец,— здесь тихо и пристойно, нет эстрады с одичавшими юнцами и не демонстрируют набивший у нас на Западе всем оскомину стриптиз. Можно спокойно поговорить.

Подошел официант и принял заказ.

— А узнал я о вас сегодня. Да-да, только сегодня. Вы назвали себя владельцу небольшой рыболовецкой шхуны, а он мой давний

товарищ. Найти ваш телефон в справочнике было, поверьте, делом трехминутным.

— Как мне вас называть?

— Мистер Андерс.

— Мистер Андерс, вы помогаете всем страждущим?

— Для этого не хватит одного-единственного сердца. Я помогаю только тем, с кем мы находим общий язык. При этом предпочтение отдаю умеющим слушать, и слушать молча.— Репортеру показалось, что его голову и тело зажимают в тиски и вырваться из них будет не так-то просто.

Подали вино и закуску, однако незнакомец не спешил брать бокал.

— Вы, видимо, уже определили, что я не являюсь подданным вашей страны. Профессия моя самая мирная: представляю торговую фирму одной западной державы.

— Вы предлагаете мне работать у вас?

— Слушайте не перебивая,— этот приказной тон начинал злить репортера.— Так вот, работать я предлагаю не у меня, а на меня. Гарантирую устройство на шхуну, но не матросом. Гарантирую хороший аванс.

— А взамен?

— Не нужно быть сверхдогадливым — я действительно не имею никакого отношения к благотворительным союзам. Взамен придется выполнить одно мое поручение. После этого будете продолжать работать в «Вечерних новостях» или в любой другой газете.

— У вас такие большие возможности?

— Совершенно верно,— Андерс самодовольно ухмыльнулся, вопреки предположению, что он вообще никогда не улыбается.— А теперь ешьте. И пока не съедем все, никаких вопросов.

Репортер начал догадываться, что поручение этого самоуверенного мистера не из легких, а возможно и опасное. Сам же Андерс, взяв салфетку и вытерев губы, подтвердил это.

— Мои условия: высадиться на советский берег и оставить в назначенном месте небольшой... ну, скажем, сверток. Только и всего.

— Да, но я...

— Понимаю, никогда прежде не сталкивались с поручениями подобного рода. Не беспокойтесь, мое дело подготовить эту... прогулку на шхуне и позаботиться о вашей безопасности. Сейчас я не требую от вас ответа. Вот мой адрес,— он протянул визитную карточку.— Если согласны, приезжайте к одиннадцати завтра,— Андерс поднялся и бросил на стол деньги.

А репортер еще долго вертел в руках блестящий клочок картона, на котором было напечатано:

Мистер Д. М. АНДЕРС,
представитель внешнеторговой
фирмы «Б р а у н и К°»
Тополинный бульвар, 35,
(второй этаж)
Телефон: 375-61-84

V.

Контора мистера Андерса располагалась за высокой дверью, обитой красной кожей. Надпись на медной пластинке информировала о времени приема посетителей. В приемной за полированным столом, уставленным телефонами, работала секретарша — пожилая, сухая, чопорная. Кабинет хозяина ничем не напоминал стереотип, выработанный кинематографистами, напичкивающими кабинеты представителей разведцентров и других спецслужб массивными крес-

лами, необъятными столами, гигантскими вентиляторами под потолком, жалюзи на окнах и обязательным столиком — коньяк, ром, виски? — или баром. Здесь все было гораздо проще, чем несколько удивило журналиста. Небольшая, в отличие от приемной, комната с одним выходящим во дворик окном. Простой письменный стол, несколько полумягких стульев. «А он явно не хочет привлекать к себе внимания,— подумал репортер.— Поглядим, чем это кончится».

Протянув руку, Андерс начал говорить резко, отрывисто, в своей манере:

— Ваше решение? Хорошо, что вы пришли,— продолжал он, не давая собеседнику раскрыть рот.— Раз пришли, значит, будем говорить о деле. Иначе ограничились бы телефонным звонком. Так?

— Да,— чуть слышно ответил журналист.— Но у вас же есть, видимо, люди подготовленные?

«Из-за этого рисковать подготовленными людьми»,— зло подумал Андерс. Из всего разнообразия подрывных акций, применяемых зарубежными центрами против Советского Союза, Андерс считал заслуживающими внимания шпионаж и диверсии, а заброску антисоветской литературы «мышинной возней» не называл только вслух. Он долгое время был резидентом разведки в одной из социалистических стран, но потом проштрафился перед хозяевами и теперь занимался этой суматошной работой. Однако работать с каждым годом становилось все труднее. В транспортных средствах пограничники научились быстро находить самые хитроумные тайники для литературы. Редкому туристу удается теперь провезти несколько листовок или антисоветских журналов.

— Да, у нас есть подготовленные люди. И вас без подготовки не пошлем, можете в этом не сомневаться.— Андерс вытащил из ящика стола какие-то бланки.

Оформили подписку о неразглашении тайны и финансовый договор. Потом говорили по сути самого задания. Репортер понял его так. В течение некоторого времени предстоит тренироваться в плавании с аквалангом. Потом быстроходное судно доставит его к советскому берегу в район, где, по наблюдениям, пограничные корабли бывают редко, потому что на самом берегу скалы и совсем нет людей, кроме небольшого пограничного подразделения в двух десятках километров от «точки». В обозначенном на карте месте, в тайнике, следовало оставить сверток с литературой и портативный печатный станок в покрытом резиновой оболочкой чемоданчике. Человек, который заберет все это, позаботится о размножении и распространении материалов, хотя в успех их среди русских Андерс попросту не верил. И пессимизм его при этом базировался на многочисленных фактах.

— Находясь вблизи советского берега, отснимите несколько пленок — это еще до спуска в воду.

— А что должно быть на снимках?

— Повторяю: советский берег. По участкам.

— Так это же шпионаж!

— Итак, все понятно,— не обратив внимания на эту реплику, отчеканил Андерс.— Последнее: отныне я буду называть вас Странником. У нас в фирме не принято обращение по фамилии и имени.

— Странник так Странник...

— Отныне, Странник, начинается новая полоса в вашей жизни, будем надеяться, что удачная. Чек на аванс вам выдаст моя секретарша.

Когда журналист вышел, Андерс подумал: «Выполнишь задание — хорошо, попадешься — сам виноват, жалеть никто не будет». В этом он был прав.

VI.

065-му предстояло на несколько суток выйти в море. С утра на корабль прибыли офицеры управления части для проверки готовности экипажа. Проверяли все: боевую и морально-политическую готовность личного состава, вооружение, состояние средств химзащиты, запас горючего и даже продовольствия в соответствии с количеством людей и продолжительностью похода.

Когда проверка подходила к концу, дежурный сообщил, что на борт поднялся комбриг. Сев напротив Снегирева в его каюте, капитан 1-го ранга Антоненко развернул карту.

— Не откладывая в долгий ящик, Константин Петрович, проведи боевую стрельбу. А теперь смотри: будешь нести службу здесь. Участок этот в округе называют тихим, но я лично не верю длительной тишине, она — как туго натянутая тетива.

Снегирев слушал, время от времени кивая в знак согласия.

— Так. Тут лучше походить параллельными галсами*, а тут, — Антон Антонович прикинул что-то, — тут лучше перпендикулярными. Моторесурс свой знаешь, поэтому сам определяй, где и когда подрейфовать, на якоре постоять. Связь с заставами и вертолетами возьми под личный контроль.

Антоненко внимательно посмотрел в глаза Снегиреву:

— Не устал, Константин Петрович?

— До отпуска, однако, дотяну.

— Сколько осталось?

— Полтора месяца. Потом корабль в ремонт, и я подремонтируюсь.

— Ну, тяни, — Антоненко слегка постучал костяшками пальцев по столу. — Спрашивай, если что нужно.

— Все ясно, товарищ командир. Не впервой...

— Играй большой сбор.

Через пять минут экипаж выстроился на юте в чистой рабочей одежде — хлопцы один к одному. Комбриг строевым шагом вышел на середину, четко вскинул руку к козырьку фуражки:

— Приказываю выйти на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

А потом, отчеканив слова официального приказа, обратился к матросам:

— Верю, что вы выполните задачу успешно — для этого у вас есть все необходимое: хорошая техника, самое современное оружие. Относитесь к их использованию бережно и грамотно. Желаю удачи и благополучного возвращения в базу.

...Сыграли учебную тревогу. Кто-то из матросов, только что прибывших на корабль, замешкался. Снегирев повторил по трансляции:

— Отдать левый кормовой. — И уже более раздраженно: — Швартов отдай!

Моряк заворуженно глядел на командира корабля, стоящего с микрофоном на мостике. И тогда Константин Петрович, не выдержав, улыбнулся.

— Вон ту веревку, с гирькой которая, на себя тяни.

065-й набирал ход. Снегирев связался по радио с командиром корабля, которого он сменял. Корабль был уже на подходе к гавани.

— Обстановку проясни-ка.

— Нормальная. Тишина на участке. Отдохнешь недельку.

— А как, самое, Синие камни?

* Г а л с — отрезок дистанции в определенном направлении.

— Волна бьет.

— Добро, подходить близко не буду. Давай «ключи» от границы передавать.

— Держи, Петрович, символически.

— Вот именно, чисто символически. Ну, коллега, до встречи!

— Всего, Петрович.

Снегирев шелкнул тумблером. С полчаса он неотрывно смотрел в безбрежный морской простор. Потом вновь включил радиостанцию, настроил ее на частоту, на которой работают советские торговые суда. В тишину, воцарившуюся было в рубке, ворвалась разногласица, изредка прерываемая докладами вахтенного:

— Под килем — двадцать пять.

— Под килем...

Переговаривались два сухогруза.

— Судно, следующее курсом сто шестьдесят в четырех милях от мыса Скалистого, назовите себя,— Снегирев напряг слух.

— «Профсоюзы Молдавии». Вы кто?

— «Профсоюзы Киргизии». С кем говорю?

— Четвертый штурман Гавриленко.

— Сергей?

— Он самый.

— Серега, привет. Володя Гулько.

— Здорово, старина, как жизнь?

— Без отклонений.

— Давненько не встречались.

— Да так уж выходит — ты на Север, я на Юг.

— ...«Вологда», «Вологда», я — «Герои-танкисты». Как слышите меня? Прием.

— Пятерка.

— «Вологда», в какой порт следуете?

— Кто в эфире?

— Да «Герои-танкисты». Я спрашиваю, в какой порт следуете?

— В Калькутту.

Константин Петрович встал и сказал, обращаясь к Суворову:

— Твоя вахта, Станислав Денисович.

— Да.

— Командуй. А я в каюту пойду, конспект напишу.— Командир, это знали все, уходил «писать конспект» тогда, когда все было спокойно, можно было полностью довериться помощникам и... когда хотелось ему часок вздремнуть.

Но на этот раз в каюту заходить Константин Петрович не стал, а спустился по лестнице в БЧ-5.

VII.

«Послушав» двигатели и возвращаясь к себе, командир остановился около кубрика электромехаников. Из-за двери доносился голос старшего лейтенанта Денисенко. Снегирев ухватил сначала только одно слово — «стажировка». «Видно, о каком-то эпизоде из своей корабельной стажировки сочиняет», — улыбнулся Снегирев.

Он думал о том, что через несколько лет вот так же, с офицерскими погонями на кителе, будет сидеть и «травить баланду» своим подчиненным его Витька. Неделю назад от него пришло письмо, коротенькое, всего в несколько строк, но так согревших сердце: «Здравствуйте, дорогие мама и папа! Я поступил! Сейчас уезжаю на заготовку картошки для всего училища. Целую. Ваш сын — курсант Виктор Снегирев».

...Денисенко, закончив в кубрике матросов свой рассказ, расположился в каюте и стал писать рапорт о выдвижении Заборовского на должность командира отделения. Он долго раздумывал, что же отметить в службе Эдуарда. И тут старший лейтенант вспомнил, что неделю назад Заборовский по собственной инициативе вызвался помочь котельным машинистам почистить котлы вместо их заболевшего товарища.

Неблагодарная это работа. Облачаешься в спецодежду, надеваешь респиратор и лезешь в черный провал. В котлах греется вода для двигателей, для бытовых нужд, чистить их никто не любит. А ведь Заборовский сам вызвался, никто не заставлял. Видно, «переболел» парень. Он по-прежнему балагурил без умолку, но вот в отношении дела — тут ничего не скажешь. И товарищей перестал задевать.

Денисенко старательно выводил на листе бумаги: «Учитывая... ходатайствую...» — и нет-нет да и поглядывал на фотографию сынишки.

Ночь прошла спокойно. А наутро личный состав стал готовиться к боевым стрельбам. Экзамен это для моряков всегда ответственный, потому что подводит итог многочисленным тренировкам, кропотливому труду. Волнуются не только матросы и старшины, но и командир корабля.

Боевой стрельбе предшествует работа до седьмого пота: выстрел — миг, а путь к нему напоминает путь спортсмена к рекорду. Все должно быть отработано до автоматизма: и зарядание артиллерийских установок, и действия по задержкам, и устранение простейших неисправностей, и наводка, и сопровождение цели. Не раз приходится «прокручивать» весь цикл подготовки к ведению огня.

Цель всей работы — меткий выстрел по щиту-мишени, покачиваемому на волнах, момент, когда гром прокатывается над морским простором и щит разлетается на щепки. Ради этой счастливой минуты — все испытания.

Готовились к стрельбам комендоры, трюмные и другие специалисты огневых отделений, радиометристы, командир корабля. Готовился и его заместитель по политической части капитан-лейтенант Суворов.

Эх, в былые годы... В былые годы сам он служил командиром отделения комендоров и как стрелял! Теперь другие у него задачи. Разве что во время стрельб можно подсказать что-то матросам, посоветовать.

А сейчас собрал Суворов активистов. Боевые листки есть. На самых видных местах вывесить! Фотоаппарат — заряжен. Снимать весь процесс, да так, чтоб лица моряков — крупным планом! Агитаторы, конспекты бесед с людьми набросали? Хорошо. Секретарю комсомольской организации находиться у орудий!

Идет инструктаж актива. Не измеришь политическую работу ни пройденными милями, ни пораженными мишенями. Рассказал агитатор о том, как били врага в войну, смотришь — моряки старательнее делают свое дело, подтягиваются, не хотят лицом в грязь ударить. Выполнил уверенно задачу матрос, а опыт его уже обобщен в боевом листке — равняйтесь все на передовика, учитесь у него! Вечером свежий номер стенгазеты редактор вывешивает, и первую колонку открывает фотография отличившегося. Приятно ему. Другим поучительно.

Каждый день для моряка — экзамен, а для замполита экзамен во много раз более сложный, чем для других. Он должен построить работу так, чтобы граница и море прошли через сердца моряков.

И чтоб, вернувшись домой, повесил каждый из них на самое видное место бескозырку. И чтобы детям и внукам своим о службе рассказывал.

Но в тот день боевые листки и стенную газету не выпустили. Так и не раскрыли блокнотов агитаторы. И политработнику Суворову пришлось корректировать свои планы, потому что возникла сложная обстановка на границе, охране которой подчинено все, в том числе и партийно-политическая работа.

VIII.

Странник не знал настоящих имен этих людей. Да и он для них был лишь Странником — человеком, бредущим неведомо куда и зачем. Эти люди быстро обучили его пользоваться аквалангом и плавать с его помощью под водой, снимать фотоаппаратом с далекого расстояния и ориентироваться по карте. А больше им не было до него никакого дела. Он же оставался наедине со своим страхом, и по мере приближения дня, когда предстояло ему направиться к неведомым берегам неведомой страны, страх, словно тиски, сжимал сердце.

Странник пытался как-то взбодрить себя. Смотрел фильмы, в которых хитроумные ребята гонялись за большевистскими агентами. К спиртному прикладывался теперь часто. Все это не помогало — страх упорно не покидал его.

В последнее время встречались с Андерсом редко. Впрочем, это даже радовало журналиста, поскольку своего нового хозяина он терпеть не мог.

Незадолго до отправки Странника Андерс созвал в своей конторе совещание. Кроме Странника присутствовал капитан шхуны,

которому предстояло доставить «пассажира» в советские территориальные воды. Он назвался Зеппом. На вид Зеппу можно было дать лет пятьдесят. У него были восточные черты лица, а имя... Хотя здесь давно забыли свои настоящие имена.

Андерс инструктировал деловито и лаконично:

— Мистер Зепп доставит вас, Странник, на своей шхуне в эту точку моря,— Андерс показал ее на карте и придирчиво, словно пытаясь увидеть, понял он или нет, поглядел на собеседника.— Это примерно в двух милях от советских территориальных вод. Здесь и бросите якорь. В светлое время снимете побережье и спрячете фото пленку в тайник под ходовой рубкой — капитан покажет его. Ночью подойдете к берегу на возможно близкое расстояние, думаю, какую-то милю вы проплывете? — он вопросительно глянул на Странника, всем своим видом требуя незамедлительного ответа.

— Проплыву.

— Очень хорошо. Со шхуны спустят на воду радиобуй. На него будете ориентироваться, возвращаясь обратно. На берегу разыщете пещеру, где и оставите груз. Только помните: он должен быть обязательно доставлен. В нем не какая-нибудь ерунда типа порнографии или псалмов, записанных выжившим из ума канадским украинцем, тоскующим по хате под соломой, которой он никогда не видел. Снова проплывете свою милю, подниметесь на судно и — полным ходом домой. Если все обойдется благополучно, а в этом я не сомневаюсь — на шхуне установлен дополнительный двигатель, и ни один русский корабль не догонит ее,— может случиться так, что вам понравится выполненная работа, милости прошу, найдем дело. Если же ваше решение останется прежним, то продолжайте корпеть в «Вечерних новостях» — с редактором этот вопрос решен.

— Я хочу спросить...— Странник поднялся.

— Сидите...

— Что я должен делать на шхуне?

— Находитесь при капитане, не задавая, впрочем, ему лишних вопросов, дабы ему не сбиться с курса.— Андерс деланно рассмеялся.— Главное, не забывайте вовремя принимать пищу. Остальное понятно?

— Понятно.

— Все, Странник, на сегодня вы свободны. Мистера Зеппа прошу остаться.

Через двое суток, когда на море был штиль, шхуна с бортовым номером 54 покинула бухту.

Находиться при капитане оказалось делом несложным. Он ни о чем не расспрашивал и на вопросы отвечал предельно кратко. Это вполне устраивало Странника. Однако, чем ближе была «точка», тем больше давали знать о себе нервы. Странник глотал лекарства, которыми снабдил его в достаточном количестве Андерс, но боязнь провала операции давила, как многокилограммовый груз. Есть не хотелось, но в определенное время капитан приглашал Странника к столу, и приходилось что-то глотать.

Стоя на палубе, вчерашний журналист вглядывался в морской простор. Море было спокойным и однообразным. Только однажды над шхуной с грохотом пронесся истребитель-бомбардировщик с чужими, но не советскими опознавательными знаками.

Глубокой ночью, когда Странник забылся беспокойным сном, шхуна бросила якорь. Утром, только-только ярко-красный шар восходящего солнца всплыл над горизонтом, Странник вышел на палубу. Берега не было видно, но, по рассказам Андерса, он знал, что берег здесь скалистый, с узкой полоской песка между скалами и во-

дой. Чуть позднее с помощью мощной оптики он сфотографирует эту землю.

Ощущения его напоминали ощущения человека, который погружается в бездну и не надеется больше на спасение.

Отснять участок берега, приближенного сильным оком фотообъектива, оказалось делом несложным. Соблюдая необходимые предосторожности, дабы не привлечь внимания пограничников, Странник фотографировал прямо из ходовой рубки.

Сразу же после этого шхуна снялась с якоря и ушла далеко в нейтральные воды.

Во время обеда Странник и Зепп уточняли детали операции.

— Значит, так,— говорил капитан,— ровно в час ночи мы рывком преодолеваем расстояние и выходим в точку. Спускаем радиобуй. Двигатель не выключаем. Дожидаемся вас — и назад.

Странник провел рукой по воспаленным глазам, словно хотел снять напряжение с набрякших век. В висках беспощадно стучало, будто изнутри били десятки молоточков. Выслушав Зеппа, он согласно кивнул:

— Да, да, остается дожидаться ночи. А там... А там или — или. Зепп стрельнул своими черными восточными глазами.

— Возьмите себя в руки, Странник, не вы первый. Странник снова кивнул и вынужденно улыбнулся:

— Не я первый, не я последний...

— Это уже другой разговор.

— Я буду в каюте. Спать хочется.

— Вот-вот, небольшой отдых вам очень кстати.

Зазвонил телефон, связывающий канцелярию с дежурным по заставе. Начальник заставы старший лейтенант Садовников, назначенный на эту должность всего неделю назад, поднял трубку. Он слушал внимательно, однако лицо его, совсем мальчишеское, загоревшее, с заостренным подбородком, оставалось внешне очень спокойным — именно такая манера поведения казалась ему наиболее правильной, и он вырабатывал ее. Дежурный докладывал, что наряд, находящийся на вышке, обнаружил с помощью оптических приборов на самой кромке советских территориальных вод среднюю цель.

— В каком квадрате?

Выслушав ответ, Садовников поднялся из-за стола, где были разложены планирующие документы по боевой подготовке, и подошел к большой схеме участка на стене. Раздернув шторки, Садовников внимательно посмотрел на изобилующий условными обозначениями лист.

В открытое окно врвался жаркий августовский воздух. Скоро должно посвежеть, потому что сентябрь вот-вот вступит в свои права. Лениво шептались трепещущие от тугого ветерка листья деревьев, вытянувшихся плотной шеренгой вдоль здания.

Старший лейтенант два года служил на этой заставе заместителем начальника по политической части. Участок знал хорошо. В данном случае речь шла о левом фланге, где берег скалистый, и для проверки его в хорошую погоду планируется раз в сутки пеший дозор. В штормовую погоду фланг охраняется с помощью технических средств, находящихся в расположении военного городка заставы, да пограничными вертолетами и кораблями, службу которых планировало командование.

— Соедините меня с нарядом,— попросил дежурного офицер.

Через несколько секунд вышка ответила. Садовников выяснил, что небольшая иностранная шхуна подошла к нашим территориальным водам и стала на якорь. Граница не нарушена. По палубе минут десять прохаживался человек. Сейчас никого не видно.

— Продолжайте наблюдение!

Садовников снова подошел к схеме. На берегу — одни скалы. Рыбу в этом районе никто не ловит. Не потому, что запрещено — запрета нет. Просто в этих районах ее мало. Поэтому иностранные суда появлялись здесь редко. «Подождем»,— решил офицер и продолжал составлять расписание занятий с личным составом.

И снова звонок. На этот раз дежурный соединил сразу со старшим нарядом. Трубка загудела взволнованно:

— Товарищ старший лейтенант, на шхуне из рулевой рубки что-то дважды блеснуло. Словно зеркальце.

— Рядовой Снежко,— лицо Садовникова оставалось невозмутимым,— пусть перейдет на другую вышку и наблюдает только за берегом. Вы — за шхуной.

Минут через двадцать новый доклад:

— Шхуна снялась с якоря и уходит мористее. Так еще немного, и моя труба ее не «схватит».

— Наблюдайте, пока возможно. Сейчас вышлю наряд на радиолокационную станцию.

Отдав необходимые распоряжения, Садовников принялся обдумывать ситуацию. Можно ли считать задачу решенной? С таким случаем молодой офицер столкнулся впервые. Зафиксировать в книге пограничной службы и поставить точку? А как же постоянные напоминания командования о бдительности? И решил Садовников доложить обо всем начальнику пограничного отряда.

Полковник, срок службы которого исчислялся двадцатью шестью годами, повидал на своем веку многое и к сообщению отнесся очень серьезно.

— Вышлите на берег, против того места, где стояла шхуна, наряд «секрет». Возглавит пусть ваш заместитель.

— Да он же только после училища.

— Вы тоже не всегда офицерские погоны носили, не родились в них. Проинструктируйте заместителя тщательнее, а сами находитесь на заставе. Через каждый час докладывайте обстановку. Не нравится мне вся эта история...

— Есть докладывать, товарищ полковник!

— А сейчас я поставлю в известность командование. У меня пока все.

Х.

Капитан 1-го ранга Антоненко понял начальника пограничного отряда с полуслова.

— Не исключено, что эта шхуна еще вернется. Надо усилить контроль в районе.

— Корабль вышлете, Антон Антонович?

— Да у меня и так есть один на переходе — Снегирева, — добавил комбриг, и в голосе его прозвучали уважительные нотки. — Хорошо, что Снегирев там, ему дважды не надо задачу растолковывать.

— По вопросам взаимодействия...

— Да, это сейчас главное. Пусть один ваш заставский радист все время с кораблем работает. Ну, а Снегирев, когда подойдет, он первым на связь выйдет.

— На этом и порешили, Антон Антонович.

— Если что новое, сразу давайте знать.

— Само собой.

Антоненко вызвал мичмана. В ожидании его поднялся и заходил взад-вперед по кабинету. Вот уже некоторое время этот район не беспокоит моряков, считается негласно чем-то вроде курорта. Но на границе курортов не бывает. Надеяться на пассивность противника нельзя. Понадеешься на нее да на тишину — цепочка-то, с которой можно мысленно сравнить систему охраны границы, в самом слабом месте и будет прорвана.

В дверь постучали, и вошел вызванный мичман с блокнотом.

— Садитесь. Записывайте. «065-му. Снегиреву. Приказываю боевую стрельбу отменить. Полным ходом перейти к Синим камням, укрыться за ними, связаться с начальником заставы, уточнить обстановку и в дальнейшем действовать в соответствии с ней. Антоненко».

Вскоре радиотелеграфист базы отстучал на ключе короткие цифровые группы.

Подтверждение тоже не задержалось. «Первому. Задача ясна. Снегирев».

XI.

Константин Петрович собирался идти на палубу, чтобы возглавить стрельбы. Достал из шкафа шерстяные носки, предусмотрительно приготовленные Анастасией Степановной («хоть и лето еще, а твой «пароход» продувается всеми ветрами. Бери, бери. И что-то носил. В твоём-то возрасте по-мальчишески шеголять»). Вложил в карман кителя «Наставление» — он любил во время инструктажа моряков достать умную книжицу и зачитать какой-нибудь пункт:

а здесь вот как сказано, так и отвечать надо, слово в слово, для нас писано. В это время раздался телефонный звонок. Докладывал дежурный радиотелеграфист.

— Неси сюда,— приказал капитан 2-го ранга.

Ознакомившись с текстом радиограммы, он пробурчал:

— Вот и постреляли...

А потом положил в шкаф ненужные сейчас шерстяные носки, влез в домашние тапочки (так легче) и поспешил на ГКП.

Вбежав в рубку, он скомандовал:

— Курс... Полный вперед!

...К Синим камням, будто выросшим прямо из морского дна скалам, действительно подойти было невозможно даже в штиль. Тут всегда гулял ветер, и трудно было понять, с какой стороны он дует.

Выбрав такое место, чтобы скалы не давали возможности засечь корабль радиолокатором с моря, Снегирев приказал бросать якорь.

Константин Петрович быстро связался по рации со старшим лейтенантом Садовниковым и выяснил, что шхуну видно на тридцатимильной шкале радиолокационной станции и она тоже стоит на якоре. Своя станция, имея впереди препятствие, затрудняющее прохождение радиоволн, судно не брала.

— Слушай, Садовников, а может, они рыбу собрались ловить? Не видно приготвлений?

— Стоит как вкопанная. Да и какая тут рыба? Не любит она вদেশних мест.

— И правильно делает — места действительно мрачные. Хорошо, до связи. Мне стоять и ждать приказано.

— До связи...

— Как дальше будем работу планировать? — Снегирев глянул в сосредоточенное лицо Суворова.— А, комиссар? Не дали нам пострелять, а хотелось. Чувствую, что сегодня настрой у хлопцев, как говорит Мозговой, был.

— Настроим и в другой раз. Народ сознательный. А сейчас, я полагаю, следовало бы в боевые части пойти, еще раз хорошенько готовность проверить. Побеседовать с личным составом. Объяснить подробнее задачу.

— Дело. Обед давай на час отодвинем. Начнем так: я штурманских электриков и рулевых собираю. Ты спускайся в БЧ-5. Цель одна — чтоб двигатели, если потребуется,— как крылья у самолета.

В отсеке стучал стояночный движок. Мозговой и Заборовский находились около. Остальные моряки во главе со старшим лейтенантом Денисенко и мичманом Усмановым собрались за стеклянной перегородкой у пультов.

Суворов махнул рукой Андрею и Эдуарду: поднимайтесь, мол, ненадолго.

Когда все сели, капитан-лейтенант спросил:

— Задачу, верно, только в общих чертах знаете?

— Не мешало бы, конечно, конкретизировать, товарищ капитан-лейтенант,— ответил за всех Денисенко.

— Иностранную шхуну держим на контроле, товарищи. Планы ее нам неизвестны. Поэтому будем действовать в зависимости от обстановки.— И спросил: — Если придется преследовать, движки выдержат?

В ответ раздался дружный ропот:

— Обижаете!

— Еще бы!

— Как часы!

— Хороший настрой — это половина дела. Но нужно еще раз все проверить, подготовить. Командир верит, что ваша боевая часть не подведет! Не исключена возможность высадки осмотровой группы,— продолжал Суворов.— Кто от вас входит в ее состав сегодня?

— Я! — гордо ответил Заборовский. На его лице проступил яркий румянец.

— Впервые?

— Так точно!

— Волнуетесь, верно?

— Чего мне волноваться, товарищ капитан-лейтенант, салажий возраст уже позади.

Суворов ушел наверх в полной уверенности, что БЧ-5, если потребуется, сработает на «пять».

ХII.

Садовников приказал поднять своего заместителя по политической части лейтенанта Янченко, проверяющего ночью наряды,— офицера рассудительного, умеющего заинтересовать солдат и любящего свое дело.

Начальник заставы как можно подробнее ввел заместителя в обстановку и намеренно задал вопрос:

— Как бы вы действовали в создавшейся ситуации?

Янченко подумал немного, стряхнул несуществующую пылинку с идеально отутюженного кителя. Солнце припекало, но замполит все равно был одет по форме: китель, португепя, сапоги. Он хорошо понимал, что подтянутый офицер всегда производит благоприятное

впечатление и на подчиненных, и на своих начальников, и на товарищей.

Ко всему прочему, он был просто аккуратным человеком.

— Считаю необходимым,— произнес Янченко наконец, словно отвечая на экзамене по службе и тактике погранвойск строгому преподавателю в училище,— заложить наряд «секрет» из трех человек против того места, где стояла шхуна.

— Почему именно из трех?

— Один должен быть всегда готов побежать к линейному гнезду. Там оно вблизи есть. Ну, а вдвоем легче задержать нарушителя, нежели одному. Итого — трое, самый оптимальный вариант.

— А почему не четверо?

— Так еще ж на заставу пополнение с учебного пункта не пришло, и у вас в резерве сейчас, товарищ старший лейтенант, только трое.— Янченко скромно улыбнулся: — Я и двое выходных солдат. Остальные спланированы и выполняют задачу не менее важную.

Ответы заместителя понравились Садовникову. Но он не подал виду — сам еще не имеющий в достаточной степени опыта, он предпочитал вести себя с подчиненными все же подчеркнуто официально и не раскрывать до конца карт.

— Вы назначаетесь старшим этого «секрета»,— сказал Садовников.— С вами будут нести службу рядовые Багдасаров и Круминьш. Готовьте наряд — и ко мне на инструктаж.

Когда Янченко и с ним двое солдат доложили о готовности, старший лейтенант подробно проинструктировал их: вид наряда, задача, маршрут движения, сигналы взаимодействия с заставой и применение оружия.

— Вопросы есть?

— Никак нет.

— Выполняйте!

По вьющейся среди скал неширокой дороге пограничники через два часа добрались до указанного места. Их взору открылся безбрежный голубой простор. Над морем, словно снежинки, летали чайки. С трех сторон подступали причудливые голые скалы.

— Вон хорошая пещера, я ее знаю — довольно просторная, — обратился к офицеру Круминыш, высоченный, широкоплечий, белоголовый. — Давайте из нее вести наблюдение.

— Нет, — Янченко ответил не резко, но твердо, зная, что прав. — Какой из пещеры обзор — только в сторону моря. Расположимся там, — он указал на несколько валунов, словно разбросанных кем-то в беспорядке метрах в пятидесяти от дороги, — и дорога видна, и скалы, и море.

Пограничники залегли за камнями и стали молча ждать, наблюдая за местностью и время от времени поглядывая на часы.

Медленно сгущались сумерки, а вместе с ними прохлада обволакивала угрюмые скалы. И вдруг...

ХIII.

Темнело быстро. Над палубой шхуны гулял ветерок, а невысокие волны постукивали в металлический борт.

Впервые Странник задал этот вопрос Зеппу сегодня во время ужина:

— А что, если меня все-таки задержат? Вы-то унесете ноги, а я?

Зепп посмотрел в глаза собеседнику серьезно и испытующе.

— С таким настроением лучше было сидеть дома.

— Конечно. Но видите ли... — Странник не закончил фразу и сделал замысловатый жест рукой.

— Понимаю, — Зепп говорил откровенно, и эта откровенность радовала больше, чем слова успокоения. — Вы предвидели, думаю, с нашим общим другом мистером Андерсом и такую возможность. Не присутствовал при ваших беседах, но мой совет таков: если даже будете задержаны пограничниками, что маловероятно, не теряйте самообладания. Не говорите много на допросах — прикидывайтесь лучше простачком. Вас, конечно, осудят на небольшой срок — именно небольшой, поскольку запланированного вы сделать не успеете.

— А если начнут издеваться?

— Не говорите глупостей. Все, что выдумывают об отношении русских пограничников к задержанным, — сказки, и в них давно нормальные люди не верят. Если бы вам в свое время и удалось сострелять агитку, о чем вы помышляли, вас попросту перестали бы воспринимать всерьез. Я повторяю: ни за что не рассказывайте всего до конца. Думайте о том, что возвращаться все равно придется. Так лучше уж на коне.

...В полночь по команде Зеппа все на шхуне пришло в движение. Негромко затарахтели двигатели, матросы заняли свои места, а те, что изображали рыбаков, привычными движениями стали готовить сети. Один из членов команды таскал ведро с краской стального цвета и закрашивал на бортах и надстройке номер шхуны.

Капитан молча наблюдал за этой строго продуманной суетой и был в весьма хорошем расположении духа, которое приходило к нему, когда работенка попадалась выгодная. Он уже мысленно подсчитывал барыши, да не те, жалкие, от продажи рыбы, а настоящие, обещанные не привыкшим считаться с расходами мистером Андерсом.

Зепп сам наблюдал за тем, как Странник облачался в специальный костюм, настроил на нужную частоту приемную радиостанцию,

которая должна была ловить сигналы, подаваемые радиобуем.

А потом на шхуне погасли огни, загремела якорь-цепь, и двигатели, работающие в оптимальном режиме, понесли судно наискосок волне. Матрос негромко произнес:

— Море чистое.

Зепп утвердительно кивнул и сказал:

— Помолитесь-то забыли.— Но тут же успокоил: — Помолитесь на обратном пути. А вы, Странник, можете сейчас.

— Я... Я давно не был в церкви.

— Зря. Там иногда говорят умные вещи.

Когда шхуна застопорила ход и радиобуй мягко плюхнулся на волну, Зепп еще раз оглядел Странника.

— Пора. Только фонариком не злоупотребляйте. Когда подплывете к бую, тогда пожалуйста.

Странник по веревочной лестнице спустился к самой поверхности воды и, разжав пальцы рук, лег спиной на волну, секунду глядел в звездное небо, а потом его приняли упругие струи морской пучины. Определив по светящейся стрелке компаса курс, Странник стал изо всех сил грести свободной рукой и работать ногами в ластах. Тренированные мышцы ему повиновались.

XIV.

...И вдруг Янченко увидел на гребне скалы, у тропинки, сбегаящей к морю, рельефно выделяющуюся на фоне неба человеческую фигуру. Она помаячила несколько секунд и скрылась. Вскоре послышалось шуршание скатывающихся камешков — человек не спеша спускался.

Лейтенант знал, что неизвестного заметили, и опасался, как бы солдаты, не ровен час, не повскакивали и не наделали глупостей. Главное-то заключалось в том, чтобы узнать, с какой целью пришел сюда ночной «путешественник». Поэтому Янченко подал сигнал, означавший, что без команды ничего предпринимать нельзя,— только вести наблюдение.

Шаги прозвучали невдалеке от камней, за которыми укрылись пограничники, и стихли. Судя по всему, неизвестный вышел на береговую отмель. И тут у самой воды вспыхнул фонарик. Описав дугу, тоненький лучик уперся в скалу, скользнул по ней вниз и словно растворился.

Янченко понял: неизвестный освещает пещеру. Да, теперь вот скрылся в пролазе.

Незнакомец не выходил, видно, ждал кого-то. Янченко подал солдатам сигнал подползти.

— Вот что: вы оставайтесь на своих местах и глаз с пещеры не спускайте,— Круминьш не заметил в темноте лежащий поблизости булыжник и задел его.

Лейтенант замолк, выжидая, но никто не показался.

— Осторожнее, пожалуйста,— снова зашептал Янченко.— Я сейчас схожу к линейному гнезду и позвоню на заставу. А вы... Словом, все понятно.

— Что, если его страхуют? Давайте кто-то из нас с вами пойдет,— предложил Багдасаров.

— Не думаю, что страхуют. В случае чего, хоть пискнуть успею,— даже в темноте было хорошо видно, что он широко улыбнулся.— Все.

Застава ответила мгновенно, будто этого звонка только и ждал дежурный.

— Четыреста десятого...

— Слушаю,— загудела мембрана голосом Садовникова.

Янченко кратко проинформировал начальника заставы о складывающейся обстановке.

— Ясно,— старший лейтенант говорил быстро, словно боялся, что связь прервется.— На участке заставы дела назревают. Ну, об этом не сейчас. Главное: с моря может быть «гость». Того человека, в пещере, не берите пока. На подмогу высылаю двух солдат.

— Зачем? Появятся в самый неподходящий момент — делу повредить могут.

— У вас для ночного времени сил маловато.

— Тогда пусть хоть наверху позицию займут. Понадобятся — я дам белую ракету.

— С этим согласен. В остальном действуйте в зависимости от обстоятельств.

Янченко неслышно вернулся на свое место. Таинственная, готовая в любой миг взорваться тишина висела над мрачными скалами.

Сколько времени солдаты лежали неподвижно, трудно сказать. Вдруг со стороны моря донесся негромкий рокот, похожий на звук судового двигателя. Может, пограничный корабль? Во всяком случае Янченко насторожился, насторожились и солдаты.

XV.

Снегирев не отлучался с ГКП ни на секунду. Только вот спустился на несколько ступенек вниз, к матросам штурманской боевой части — штурман был в отпуске, и командир взял часть под свою опеку. В это время раздался зуммер — застава вызывала корабль. Константин Петрович взял микрофон у Суворова.

— Шхуна идет к нашему берегу, уже в советских территориальных водах.— Глядя на Снегирева, можно было сравнить его сейчас с мальчишкой, играющим в казаки-разбойники. Он радостно и торжественно огляделся по сторонам, показывая всем своим видом, что именно так он и предполагал.

— Где она? — Константин Петрович сделал знак старпому. Тот быстро поднес карту.— Ага, вижу. А выдумки у них,— имея в виду экипаж шхуны, будто анализировал позицию на шахматной доске Снегирев,— выдумки у них все же мало.— Будут наказаны,— словно журия провинившегося матроса, закончил тираду командир.

Если бы яркий свет сейчас залил ГКП, все увидели бы, как покраснело, напряглось лицо командира, от залысин до второго подбородка, как вмиг изменилось выражение его в обычном состоянии кажущихся стеклянными глаз — появилось в них что-то соколиное. Снегирев уже предвкушал погоню и по обыкновению своему хотел бы схватить нарушителя сразу, но понимал, что лучше повременить.

— Хорошо, не выключайте станцию. Я сам вас вызову минут через пять.

И через пять, и через десять минут ответ начальника заставы был идентичным: «Никуда не сворачивая, движется к берегу». Сейчас тоже можно было брать шхуну — нарушения границы вполне достаточно для этого. Но в данном случае ожидалось что-то более интересное. Но что?

— Станислав Денисович, как думаешь?

Суворов отошел от старпома, встал рядом с командиром.

— Думаю, побегать нам сегодня придется.

— Глядишь, однако, и медаль можно отхватить.

— Вот об этом пока не думал.

— Скорее всего высаживать осмотрную будем — там дейст-

вовать осторожно и осмотрительно надо. Любопытная эта шхуна.

— Не простая.

Суворов любил и умел высаживаться на задержанные иностранные суда в любую погоду, при любых условиях. Был он подвижным человеком с отличной реакцией и в трудные минуты не терял выдержки и самообладания, славился своим чутьем. И еще одно обстоятельство заставляло думать о Суворове с уважением — он сам был допущен к кораблевождению и состоял в резерве выдвижения на должность командира. Честно говоря, Снегиреву трудно было бы расстаться с ним, но предотвратить расставание он не мог: такие вопросы в компетенции старших командиров.

В минуты откровенности Константин Петрович немало рассказывал Суворову о своей жизни. Станислав Денисович знал, что командир очень хотел, чтобы сын его, Витька, поступил в военноморское училище.

— Прошу-шения.— На ГКП поднялся матрос и протянул командиру радиограмму.

Снегирев понял, что в эту минуту не спит не только Антоненко, но и сам начальник войск пограничного округа следит за событиями из комнаты оперативного дежурного. И еще понял, что командиры верят в его, Снегирева, опыт и мастерство.

— Вот видишь, Станислав Денисович, в нас,— он подчеркнул слово «нас»,— верят.

— В таких случаях говорят, Константин Петрович: высокое доверие начальства оправдаем,— и оба улыбнулись.

А в БЧ-5 у пультов в ожидании дальнейших распоряжений сидели Мозговой и Заборовский и вели «неслужебный» разговор. Рядом, склонив голову к столу, дремал старший лейтенант Денисенко.

Раздался телефонный звонок. Денисенко вздрогнул, обвел моряков растерянным взглядом — только что сынишка снился,— но сразу же пришел в себя, вскочил и снял трубку:

— БЧ-пять. Денисенко.

Минуту назад застава сообщила, что шхуна стала на якорь примерно в двух милях от берега — радиолокационная станция, разместившаяся среди скал в небольшом домике, фиксировала все перемещения неопознанного судна. Садовников же, поднявшись на наблюдательную вышку, не увидел ни огонька, о чем тоже проинформировал Снегирева. Это подтверждало, что подошла шхуна с целями отнюдь не дружественными.

Константин Петрович сделал еще одну пометку на карте. Решение он принял сразу же. Сближаться со шхуной напрямую не имело смысла, так как корабль, безусловно, будет засечен и нарушители запустят двигатель (а может, и два) и будут уходить. Нет, лучше двигаться по диагонали, отрезая непрошеным «гостям» путь к уходу в нейтральные воды и одновременно сближаясь. Так капитан 2-го ранга поступал не раз, и решение его считали грамотным.

— Корабль к задержанию! Осмотровой группе приготовиться к высадке! — отчеканил командир в микрофон такие привычные, но всегда волнующие слова.

Старший лейтенант Денисенко, старшина 1-й статьи Мозговой и другие моряки БЧ-5 захлопотали у двигателей. Заборовский, назначенный в состав осмотровой группы, побежал наверх.

Разрезая форштевнем волну, корабль выходил из-за Синих камней на простор.

— Полный вперед!

Снегирев вышел на мостик и вдохнул полной грудью свежий

морской воздух. «Вот так и Витька когда-нибудь»,— подумал он.

Как только Синие камни остались позади, радиометрист взял цель.

XVI.

Почти в ту же секунду радиолокатор шхуны тоже поймал корабль.

— Капитан, судно появилось откуда-то,— доложил вахтенный.— Думаю, что стояло за камнями.

Зепп подбежал к светящемуся экрану и резким движением оттолкнул матроса.

— А почему днем не заметили?

— Видно, под самым берегом подошло. Может, у нашей станции мощности не хватило.

— Видно... Может...— Зепп грубо выругался: это было на него непохоже, обычно даже в самых трудных ситуациях он сохранял спокойствие.

— Не исключено, капитан, что это гражданское судно. Рыболовное или танкер.

— Прямо из-под заставы? Чепуха!

Зепп понял, что попал в ловушку, но надежда была на дополнительный двигатель, который предложил поставить предусмотрительный Андерс.

— По местам! Надо, пока не поздно, уходить. Или унести ноги, если угодно.

— А как же наш пловец?

Зепп посмотрел на матроса недоуменно, так, словно впервые видел его.

— Вы что, хотите вместе с этим недоноском в русской тюрьме

вшей покормить? И думаете при этом, что ваши дети вам спасибо скажут? Не надейтесь. А пловец — пропади он пропадом — жить захочет, так выплывет в нейтральные воды, и там его кто-нибудь обязательно подберет.

Шхуна плавно развернулась и, набирая скорость, понеслась. Несколько человек, находящихся на ней, все еще верили в свою счастливую звезду.

XVII.

Отмель начиналась задолго до береговой линии, и Странник, почувствовав под ногами гальку, перестал грести и поднялся во весь рост. Он сорвал с лица маску и мгновенно опьянел от свежего воздуха. Сердце билось учащенно, в висках постукивало. Наступали самые ответственные минуты — близко-близко была земля, по которой предстояло сделать всего несколько шагов — и назад. Как ему хотелось верить, что именно так и будет. И все же не покидала подспудная мысль: зачем я иду сюда, ведь эти люди не сделали мне ничего плохого.

Покачиваясь, Странник брел к берегу и, выбравшись на него, включил фонарик. Луч поширил по сторонам и наткнулся на пещеру — до нее оставались считанные метры. Из темного провала блеснул огонек. Странник вздрогнул, но понял, что это сигнал, что в пещере тот, кому он передаст сверток. Невероятным усилием воли он заставил себя сделать еще несколько шагов. Странник вошел в пещеру. Незнакомец пожал ему руку, поинтересовался самочувствием.

— Все в порядке. Вот, вам велено передать,— туго обтянутый блестящей непромокаемой тканью сверток перекинул в руки незнакомца.— Будут сообщения?

Незнакомец угодливо улыбнулся:

— Сообщите, пожалуйста, нашему уважаемому хозяину, что все сделаем наилучшим образом. Я вне подозрений. Через несколько дней начну распространять копии доставленных вами материалов.

Странник вздохнул облегченно:

— Что же, до свидания.

— Храни вас бог.

И тут совсем рядом раздался звук, похожий на выстрел, и полоска песка перед пещерой осветилась.

Незнакомец стал лихорадочно искать, куда бы засунуть сверток.

Когда у самой кромки воды мигнул фонарный луч, Янченко подал сигнал «внимание». Лишь только пришелец скрылся в пещере, лейтенант вскочил.

— Будем задерживать,— коротко инструктировал он.— Я вхожу первым, Круминьш — следом, Багдасаров, остаетесь у выхода.

С шипением взвилась в небо белая ракета. Уже на ходу Янченко выхватил из кобуры пистолет.

Двое в пещере по первому требованию подняли руки — именно так понял Странник распоряжение молодого неожиданно появившегося советского офицера. Отрешенно глядя перед собой, он, беззвучно шевеля губами, повторял: «Все пропало.. Все пропало...»

— Круминьш, осмотрите пещеру.

Светя аккумуляторным фонарем, солдат принялся выполнять приказание и вскоре извлек из-за камня сверток.

— Это чье?

Задержанные молчали. Но лейтенант и не надеялся, что они тотчас выложат всю правду.

— Хорошо, разберемся. Вперед,— и лейтенант указал стволом пистолета на выход из пещеры.

В груди Странника защемило, и он покачнулся. Багдасаров подержал его.

— Обыскать! — приказал лейтенант.

И тут человек, на встречу с которым шел Странник, оттолкнул солдата и бросился бежать вверх, но его остановил наряд, посланный начальником заставы на подмогу Янченко.

— Я ни в чем не виноват! Я ничего не знаю! Я здесь оказался случайно! — иступленно выкрикивал незнакомец.

— Успокойтесь,— сказал обыскивающий его солдат,— на заставе во всем разберутся.

— Я не хочу на заставу.

— Придется пройти...

Странник смотрел на происходящее безучастно. Ему казалось, что все это он предвидел с самого начала.

XVIII.

— Денисенко,— голос командира корабля, как всегда в таких случаях, выдавал волнение,— у шхуны оказался хороший ход. Надо взять всю силу двигателей. Сейчас взять.

— Сделаем все возможное, товарищ командир.

— Денисенко, будут трещины в трубопроводах — по-быстрому заделывайте на ходу, основательно подлатаемся в базе.

— Понял. За нами не станет.

Снегирев подошел к радиолокационной станции и, взявшись за ручки, вывел экран на уровень глаз. Яркая точка — шхуна, казалось, застыла на месте. Но на самом деле она шла, и шла очень быстро.

— Да, не ожидал от нее, однако, такой прыти.— И командир жестом разрешил радиометристу продолжать наблюдение.

И все же скрупулезные расчеты старшего помощника командира позволяли судить, что, если не произойдет ничего непредвиденного, пути шхуны и 065-го пересекутся.

— Вот тут-то мы ей...— азартно, не обращаясь ни к кому конкретно, пригрозил Снегирев.— Тут и дадим бой.

Слегка освещаемые лампой, закрепленной над штурманским столом, застыли радиометрист и рулевой. И, глядя на них, Константин Петрович попытался представить своего Витьку в курсантской форме. «Надо бы написать, чтоб фотографию выслал»,— подумал он.

ГКП принял информацию от Денисенко:

— Идем на максимальных, товарищ командир...

— Знаю. Ну, говори, что там еще?

— Выхлопная труба раскалилась... Краска оплывает.

Командир понял — прямая угроза пожара. Поэтому, подумав несколько секунд, он приказал использовать для охлаждения забортную воду.

Денисенко не стал говорить капитану, что на трубопроводах действительно появились трещины и свищи. На заделку их командир БЧ-5 бросил Мозгового и еще двух матросов, которые трудились сейчас в поте лица в прямом и переносном смысле слова — температура в отсеке достигла критической отметки, но главные двигатели работали отлично.

Шхуна не сдавалась, и экипаж 065-го поставил на карту все, как того требовали интересы охраны границы.

...Дальнейшие события показали, что расчеты на ГКП сделаны правильно. 065-й надежно закрыл шхуне выход в нейтральные воды. Судно-нарушитель заметалось, изменило курс. Но сторожевик прилип намертво. Дополнительный двигатель, на который возлагали надежды Андерс с Зеппом, не сыграл той роли, что ему отводилась.

Мощный корабельный прожектор снопом лучей «впился» в корпус нарушителя.

Снегирев через мегафон потребовал, чтобы шхуна легла в дрейф. Но вместо этого она попыталась использовать свое небольшое преимущество в маневренности. Каждую секунду могло произойти столкновение.

Дали световой сигнал. Капитан Снегирев потребовал, чтобы заглушили двигатели — безрезультатно. На что рассчитывал Зепп? Видимо, он все еще надеялся уйти.

Шхуна наконец сбросила обороты, и Снегирев дал команду осмотровой группе. Трудяга-катер сделал крутой вираж и пошел на сближение.

И тут снова на шхуне взревели двигатели, и она рванулась вперед. Сманеврировав на небольшом пространстве, 065-й отрезал ей путь. Не только смелости, мужества, профессионального мастерства, но и терпения требует пограничная служба. Подойти в темноте, высадиться — это не так сложно. Ну а если иностранцы бросят в воду обрывки сетей, буи с протянутой между ними веревкой? Нарвешься на такое препятствие — заклинит винт. Следовало произвести тщательный осмотр.

Суворов решил идти нос в нос. Конечно, стоит иностранцам положить руль немного влево, и шхуна сомнет катер. Приходилось надеяться только на свою реакцию, то есть быть готовым к ответному маневру.

Прожектор 065-го ослепил людей на шхуне. И тогда, передав руль мичману Усманову, капитан-лейтенант приготовился к прыжку. Что бы там ни ожидало, он, офицер, политработник, отвечающий наравне с командиром за жизнь матросов, должен быть на шхуне первым.

Когда катер поравнялся со шхуной, Суворов мощно оттолкнулся от зыбкой поверхности надстройки и, пролетев небольшое расстояние, цепко схватился за борт судна и в ту же секунду почувствовал резкую боль: сильнейший удар чем-то тяжелым пришелся прямо по фалангам пальцев. Усилием воли Суворов пружинисто подтянулся и перебросил тело за борт. Очутившись на палубе, он выхватил из кобуры пистолет.

Шагах в трех от него стоял иностранный моряк, готовый к рукопашной схватке. Увидев оружие, он отступил.

— Всем оставаться на своих местах! — Суворов не был уверен, что его голос услышали, но намерения советского офицера команда прекрасно понимала.

Один за другим на борт шхуны высаживались пограничники. Теперь Суворов был уверен, что все пойдет так, как расписано в инструкции.

Шкипер, выдавший виды моряк, отказался отвечать на вопросы и заявил, что никаких документов на судне нет.

Цель захода в советские территориальные воды, полагал Суворов, безусловно, не лов рыбы. Сети, для отвода глаз, конечно же были, но их сбросили за борт сразу, чтобы облегчить уходящее от погони судно.

Матросы-осмотрщики подтвердили это предположение. И тогда Суворов отдал команду искать предметы, материалы, указывающие на разведывательную деятельность экипажа.

На судне немало укромных уголков — зачастую ведется поиск иголки в стоге сена. Но даже самая большая шхуна — это не огромный участок суши, пространство здесь ограничено.

Осмотр ходовой рубки Суворов взял на себя. Там под полом он обнаружил небольшой тайник, в котором находились фотоаппарат,

сменная оптика, очень мощная и надежная, в коробке — кассеты с пленками.

Больше пока ничего найти не удавалось. Суворов вызвал по радиостанции Снегирева, доложил об этом.

— А у нас тоже новость, — сказал капитан, — застава задержала нарушителя, который, судя по всему, высадился со шхуны.

Утром, когда завершили осмотр, 065-й взял шхуну на буксир.

Андрей Мозговой, еще потный, перемазанный, с исцарапанными руками, сидел в кубрике. Перед ним был лист бумаги из школьной тетради. Старшина 1-й статьи что-то быстро писал, иногда перечеркивал написанное, и снова стержень шариковой ручки бегал по бумаге.

Это решение зрело давно, но окончательно укрепилось теперь, во время гонки за иностранной шхуной, когда в несколько десятков минут приходится показать все, на что способен.

Андрей Мозговой решил навсегда связать свою жизнь с морской границей, и сейчас он пытался более или менее стройно изложить свои мысли. Закончив, моряк вырвал из тетради еще лист и вывел на нем крупно: «РАПОРТ».

Наутро старшина 1-й статьи Мозговой постучал в дверь каюты замполита.

— Заходи, Андрей, — Станислав Денисович выглядел очень уставшим, кисть руки была перебинтована. — Садись.

— Товарищ капитан-лейтенант, — Мозговой замаялся, — я вот тут... Словом, в рапорте все написано.

Замполит внимательно прочитал текст.

— Ты, Андрей, хорошо подумал? Не на год и даже не на два три решение принимаешь.

— Подумал.

— Тогда рад за тебя! Именно такие люди и нужны на флоте.

— Ну что вы...

— Только жаль, что в этом году уже не успеешь поступить в училище.

— Решения своего, товарищ капитан-лейтенант, я не изменю.

— Давай так: сейчас перепиши рапорт вот по такой форме,— Станислав Денисович достал из папки отпечатанный типографским способом образец,— а потом к командиру пойдем.

Капитан 2-го ранга Снегирев выслушал своего замполита, посмотрел совсем не по-командирски на Мозгового, подошел к Андрею, крепко обнял его.

— Буду ходатайствовать перед командованием. Жаль, что в этом году не поступил. Вместе с Витькой моим учился бы, стали бы хорошими товарищами.

— Ничего,— Андрей говорил уверенно,— решения своего, товарищ капитан-лейтенант, я не изменю, а лишний годик в матросской форме походить не повредит.

— И то правда.

За стеклом иллюминатора голубело безбрежное море.

...Годы шли, а 065-й по-прежнему нес службу по охране Государственной границы СССР.

В ходовой рубке заняли места командир корабля капитан 3-го ранга Суворов и его заместитель по политической части капитан-лейтенант Денисенко.

В БЧ-5 было пополнение: новый командир ее лейтенант Верещагин, у которого стажировались курсанты — будущие офицеры Андрей Мозговой и Виктор Снегирев.

На холме у пирса стояла молодая женщина, и теплый весенний ветер развевал ее льняные волосы. Она держала за руку мальчугана в бескозырке. Жения Денисенко изо всех сил махал 065-му и был горд тем, что мама взяла его проводить папу в поход.

Чуть в стороне от 065-го могучим бортом прижался к бетонной стенке большой корабль. С его мостика ревниво наблюдал за маневрами 065-го командир капитан 1-го ранга Снегирев. Старый морской волк думал о том, что ведь совсем недавно они... Да что там, все они были «салагами», юнцами, а теперь многие уже моряки. И еще Константин Петрович думал, что для каждого из них понятия личная честь и честь флага — единое целое.

065-й ложился на курс.

СОДЕРЖАНИЕ

- В. Иванов. «Стоим на страже всегда, всегда!» 3
ПОД БОЕВЫМ КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ 11
Ю. Корнилов. Традиции северной границы 12
В. Шенталинский. Конец Новой Колумбии 25
В. Сергеев. Первый пограничник бухты Провидения 49
А. Козлов, Д. Райзман. Маршрутами смелых 53
В. Малышев. Память 59
Д. Власов. За чукотским меридианом 69
НА ДАЛЬНЕЙ ЗАСТАВЕ 91
В. Зиновьев. На границе мужают рано 92
Н. Дадабаев. На самой восточной заставе 120
З. Ненлюмкина. Друзья с зелеными погонами 139
О. Белякова. Характеристика 147
С. Пономарев. Самое важное дело 157
А. Смирнов. «Внимание по судну! Таможенный до-
смотр...» 165
М. Кострюкова. Высокое звание 172
В. Огрызко. Мужество рождается в труде 178
А. Мурлин. «Счастливого возвращения!...» 187
В. Ходос. На берегу океана 203
Е. Корякин. Пограничный корабль меняет курс 215
С. Маклер. И еще раз про остров Ратманова 221
ЧЕСТЬ ФЛАГА 247
Родина. *Поэтический триптих* 248
Е. Хорунжий. Честь флага 251

НА ГРАНИЦЕ МУЖАЮТ РАНО

Рассказы и очерки о пограничниках Крайнего
Северо-Востока

Редакторы В. И. Першин, Л. А. Савельева
Художественный редактор Б. Д. Зевин
Технический редактор Н. С. Стаменова
Корректоры Л. Р. Панкова, Р. И. Исаева

ИБ № 806

Сдано в набор 21.05.85. Подписано к печати 05.11.85. АХ—01363. Формат
60×108/32. Бум. тип. № 1 и мел. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 12,6, вкладка 0,6. Усл. кр.-отт. 13,05. Уч.-изд. л. 14,49. Тираж
5000 экз. Заказ 673. Цена 75 к.

Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, пр. Ленина, 2. Магадан-
ская областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной
торговли Магаданского облисполкома, 685000, Магадан, пл. Горького, 9.

Н12 На границе мужают рано: Рассказы и очерки о пограничниках Крайнего Северо-Востока. 40-летию подвига сов. пограничников в Великой Отечественной войне посвящается /Сост. В. Г. Зиновьев, Ю. П. Корнилов; Худож. Г. Н. Пилипенко.— Магадан: Кн. изд-во, 1985.— 351 с., 10 ил.

75 коп. 5000 экз.

Сборник художественно-публицистических произведений убедительно показывает, что в условиях противоборства с агрессивными силами империализма главную и решающую роль в охране Государственной границы выполняют люди. Герои книги — образованные, отлично владеющие оружием и боевой техникой, воспитанные на боевых и чекистских традициях войны, обладающие высокой политической бдительностью, морально-психологической подготовкой.

Н 1304050000—035 2—85
М—149(03)—85

84Р7-4л43